

ISSN 0869-6322

*Должно приучить россиян
к уважению собственного.*

Н.М.Карамзин

2000

ИНФОРМОТДЕЛ
ЦК РКП(б) —
И.В.СТАЛИНУ

ПО ЗАКОНАМ
ВОЕННОГО
ВРЕМЕНИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

КАК ВЫСЕЛЯЛИ
ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ
1943—1944 гг.

ПИСЬМА ИЗДАТЕЛЬСТВА
«МИР» К Г.В.ПЛЕХАНОВУ

В.Н.ТАТИЩЕВ
И ПЛАНИРОВКА
АСТРАХАНИ

Historical Archives • Das historische Archiv
• Archives historiques • Archivo Historico

№ 3

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

НАУЧНО-ПУБЛИКАТОРСКИЙ ЖУРНАЛ

2000

№ 3

Выходит 6 номеров в год

ВОСЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Полет «Союз»—
«Аполлон»:
воспоминания
В.Н.Кубасова

Методы работы
германских спецслужб
на Украине.
Конец 1941 г.

Война и дети

Дневник князя
В.А.Оболенского

Письмо рабочих
А.И.Рыкову

Ватикан и Россия
1917 г.

Речь присяжного
поверенного В.Н.Герарда
на процессе «50-ти»

Учредители:

ФЕДЕРАЛЬНАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА РОССИИ,
АНО ИЗДАТЕЛЬСТВО «РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»,
ООО «ИСТОРИЯ-СЕРВИС»

Главный редактор:

А.А.ЧЕРНОБАЕВ

Редакционный совет:

Б.В.АНАНЬИЧ, ДЖ.БИЛЛИНГТОН (США), Н.Н.БОЛХОВИТИНОВ,
О.В.ВОЛОБУЕВ, Ф.КАЛЕНБЕРГ (ГЕРМАНИЯ), В.П.КОЗЛОВ,
А.В.КОРОТКОВ, Э.КРОСС (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ), С.В.МИРОНЕНКО,
Ч.ПАЛМ (США), Р.Г.ПИХОЯ, Н.Н.ПОКРОВСКИЙ, А.Н.САХАРОВ,
А.К.СОРОКИН, А.Д.СТЕПАНСКИЙ, А.О.ЧУБАРЬЯН, В.В.ШЕЛОХАЕВ,
С.О.ШМИДТ, Г.ШУКМАН (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ)

Редакция:

Д.А.АМАНЖОЛОВА, В.Ю.АФИАНИ (ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА),
О.И.ГОРЕЛОВ, Г.И.НАУМЕНКО (ОТВ. СЕКРЕТАРЬ), М.И.ОДИНЦОВ,
А.Н.СВАЛОВ, Ю.В.СИГАЧЕВ

ISSN 0869-6322

Свидетельство о регистрации № 01426 от 07 апреля 1999 г.

Адрес редакции: 129256, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, корп. 2.
Тел./Факс: 181-17-52

Издатель: Издательство «Российская политическая энциклопедия».

Адрес издательства: 129256, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, корп. 2.
Тел./Факс: 181-34-57. E-mail: rosspen-publishers@mtu-net.ru

Оглавления нашего журнала можно получить через службу ИНФОМАГ
в режиме ON-Line через сервер РосНИИРОС по следующим URL:
<http://www.ripn.net> [gopher://gopher.ripn.net](http://gopher.ripn.net)

Для получения оглавлений журнала через электронную почту следует
направить письмо с командой help по адресу: ims@ripn.net

Полная информация о службе ИНФОМАГ может быть получена в ответ
на команду help по адресу: infomag@grant.mipt.msk.su.

© «Исторический архив», 2000

Перепечатка материалов допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Исторический архив» обязательна

«РАБОЧАЯ МАССА НЕ ЧУВСТВУЕТ В ФАБЗАВКОМЕ СВОЮ ОРГАНИЗАЦИЮ»

Справка Информотдела ЦК РКП(б) И.В.Сталину. 1925 г.

Курс на социальную рыночную экономику предполагает углубленное изучение не только истории осуществления подобных преобразований в других странах, но и отечественного опыта взаимодействия государства, капитала и профсоюзов в условиях смешанной экономики. В этом отношении большой интерес представляет период нэпа. Основным тенденциям развития профсоюзов в условиях новой экономической политики и посвящен публикуемый ниже документ.

До начала нэпа профсоюзы шли в направлении концентрации всей работы вокруг межсоюзных объединений, создавая предпосылки к организации «единого союза». В дальнейшем руководство ВЦСПС осознало, что такая линия в новых условиях нанесет «только вред профсоюзному движению»¹. Был взят курс на постепенность в организационном строительстве. Особенно круто изменило условия деятельности профсоюзов появление частнохозяйственных предприятий, свободной торговли и перевод государственных предприятий в определенной мере на коммерческие основания.

Появление в период нэпа «знакомой фигуры частного предпринимателя-капиталиста» (М.П.Томский), управление государственными предприятиями на основе коммерческого расчета, превращение предприятий в субъекты хозяйственной деятельности, между которыми существуют договорные отношения и конкуренция — все это ставило перед профсоюзами новые задачи в организационном строительстве. Необходимо было пересмотреть взаимоотношения профсоюзов с хозяйственными органами, эффективность функционирования которых в новых условиях во многом зависела от «проведения единоначалия во всех органах хозяйственного управления сверху донизу»². Это вело к необходимости «отказа со стороны союзов не только от непосредственного вмешательства в ход производства, но и от принципа равной стороны в деле назначения заводоуправлений и прочих органов управления промышленности»³.

Отношения профсоюзов и администрации государственных предприятий мыслились как «взаимоотношения договаривающихся сторон». Теоретически признавалась возможность конфликтов и даже стачек не только на частнокапиталистических предприятиях, но и на государственных. Это требовало от профсоюзов серьезных шагов по укреплению своих организационных основ и действенности всей работы. В публикуемом документе показаны серьезные успехи, прежде всего в плане количественного роста членов профсоюзов к 1925 г. Напомним, что до 1922 г. профсоюзное членство носило обязательный характер. V Всероссийский съезд профсоюзов (1922 г.) признал необходимым отменить обязательное членство, поскольку автоматическое зачисление в профсоюз привело к формализации профдви-

¹ Андреев А. Профессиональные союзы России в 1921—1922 гг. // Хрестоматия по истории рабочего класса и профессионального движения в России. Л., 1925. Т. 2. С. 379.

² Томский М.П. Профессиональные союзы на новых путях. М., 1922. С. 22.

³ Там же. С. 24.

жения. «Обязательное членство, — отмечал М.П.Томский, — превратилось фактически в государственное принудительное отчисление членских взносов»⁴.

Следует отметить, что это был не только важный, но и решительный шаг на пути отказа от государственления профсоюзов, попытка их превращения в самостоятельные общественные организации. В те годы высказывалось немало опасений, что профсоюзное движение развалится и перестанет существовать. Однако этого не произошло.

На практике в вопросах приема новых членов в профсоюзы не последнюю роль играли доктринальные подходы большевиков. Так, членами профсоюза не могли быть владельцы и совладельцы предприятий, арендаторы, концессионеры, торговые и коммерческие посредники, лица наемного административного и технического персонала, имевшие права найма и увольнения рабочих, доверенные предпринимателей, духовенство. Не могли быть приняты в профсоюз наемный персонал при церквях (певчие, органисты, сторожа, звонари), лица, лишенные избирательных прав (бывшие полицейские, белогвардейцы и др.), кустари, члены трудовых коммун и артелей (т.к. считалось, что они являются хотя и мелкими, но самостоятельными хозяевами, не работают по найму). Февральский пленум ВЦСПС 1926 г. счел возможным принимать в профсоюзы безработных, занятых в трудовых производственных коллективах, организованных и управляемых биржами труда, при этом безработные освобождались от уплаты членских взносов. Временно нетрудоспособные продолжали оставаться членами профсоюза, полностью нетрудоспособные выбывали из союза и поступали на попечение государства. Крестьяне в качестве мелких хозяев не могли быть членами профсоюза. Единственно, кто мог быть принятым — лица наемного труда в деревне: батраки, лесные рабочие. Принимались в профсоюз и сезонники при условии, что эта работа для них была основным источником дохода. В армии могли стать членом союза только вольнонаемные⁵.

Переход на добровольное членство, безусловно, был положительным шагом в развитии профдвижения. Это вело к индивидуальному сбору профсоюзных взносов, к развитию соответствующего профсоюзного финансового аппарата. Однако на этом пути выросли такие болезненные явления, как злоупотребления в финансовой области, растраты профсоюзных денег. В 1924 г. профсоюзные руководители забили тревогу по этому поводу⁶. На указанное явление обращается внимание и в публикуемом документе. В 1926 г. растраты приняли, как отмечалось ВЦСПС, «эпидемический характер»⁷.

Большое внимание в организационном развитии профсоюзов в 20-е годы уделялось их совершенствованию на принципах нэпа, приданию определенной гибкости, разграничению прав и обязанностей союзных и межсоюзных органов и органов каждого профсоюза в отдельности. Ведущая роль в осуществлении этих задач принадлежала ВЦСПС и ЦК профсоюзов. Много проблем порождало дублирование в работе союзных и межсоюзных органов. Все нэповское десятилетие этот вопрос оставался на повестке дня. В решениях съездов по организационным вопросам первостепенное внимание оказывалось первичным профсоюзным организациям. Развитие профсоюзов сопровождалось быстрым ростом ФЗК и МК. С 1924 г. по 1927 г. их количество выросло в 2 раза, с 32343 до 63770.

ВЦСПС неоднократно принимал решения об активизации деятельности первичных организаций, комиссий ФЗК и цехкомов, профделегатов, деятельность которых рассматривалась как развитие общественных начал в профсоюзной работе.

⁴ Томский М. Принципы организационного строительства. М., 1926. С. 79.

⁵ См.: Калистратов Ю. Пути строительства наших профсоюзов. Организационные вопросы профдвижения СССР. М., 1927. С. 5—8.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 787. Л. 58.

⁷ См.: Магазинер Л. Численность и состав профессиональных союзов СССР. М., 1926. С. 44.

Тем не менее, именно на пассивность, инертность в работе низовых профсоюзных органов, а тем более рядовых членов профсоюзов, обращают внимание документы, вышедшие не из официальной профсоюзной или партийно-пропагандистской среды, в том числе и публикуемая справка.

Быстрый рост членов профсоюзов требовал увеличения числа руководящих работников разного уровня. С мест постоянно поступали сообщения, что вся союзная работа тормозится из-за отсутствия руководящих кадров, обладающих опытом в области профдвижения⁸.

Нэповская «либерализация» не касалась сферы идеологии. И в этом отношении у большевиков было, по меньшей мере, настороженное отношение к профсоюзам. Отсюда вытекала активная роль партийного руководства в кадровом обеспечении своими ставленниками хотя бы верхнего эшелона профсоюзной пирамиды. По существу, данные вопросы и являются основными в публикуемом документе.

ЦК РКП (б) совместно с ВЦСПС разработал «Положение о фракциях профсоюзов и межсоюзных объединений»⁹. Оно определило задачи комфракций, их состав, а также взаимоотношения с партийными организациями. Коммунистические фракции создавались во всех профсоюзных органах, действующих постоянно или периодически. Они призваны были добиваться реализации в жизнь директив партии, касающихся профсоюзного движения. Вопросы работы с кадрами рассматривались прежде всего в этих органах. Таким образом, большевики пытались создать такую модель, при которой, при полном сохранении в их руках общего руководства, им было не обязательно вторгаться во внутреннюю жизнь профсоюзов.

В некотором смысле большевики противоречили сами себе, пытаясь одновременно решить задачи «партийного руководства» профдвижением и вовлечения в профдвижение беспартийной массы. Но это противоречие было составной частью большевистской доктрины профдвижения. И этот механизм мог быть работоспособным, если бы рабочий класс в полной мере выполнял ту активную роль, в которую хотелось верить большевикам. На практике, однако, вовлечение беспартийных в профдвижение не всегда вело к активизации профдвижения. XIII съезд РКП(б) и XIV партийная конференция рекомендовали профсоюзам увеличивать число беспартийных рабочих на ответственных постах в профсоюзах. В ходе выполнения этого решения в 1925 г. удельный вес беспартийных рабочих возрос в составе ФЗК с 49,4 до 58,6%¹⁰. Тем не менее, в секретных сводках ОГПУ о профдвижении в стране летом 1925 г. сообщалось о пассивности фабзавкомов и рядовых членов профсоюзов, формализме, слабой посещаемости собраний и т.д. Понижение активности наблюдалось не только среди беспартийных профсоюзников, но и у коммунистов. «Члены партии, — сообщал начальник Информотдела ОГПУ Прокофьев в сводке о профдвижении в Москве, — активности не проявляют, особенно ленинцы, на собраниях ко всем вопросам относятся индифферентно, многие сидят и дремлют. Партийцы — рабочие инструментальной мастерской патронного завода, участвуя 15 июня в демонстрации протеста против угнетения Китая, были настолько пассивными, что когда ответственный секретарь ячейки сделал на площади салют: «Шлем проклятья террору буржуазии в Китае, ура!», то «ура» подхватил только один партиец, а остальные промолчали (всего от мастерской было 89 человек, в том числе 82 партийных). Когда демонстрация прошла одну улицу, то в рядах партийцев инструментальной мастерской осталось только 64 человека»¹¹. Подобные примеры приводятся и в публикуемом документе.

Большевики стремились идти по пути развития своей модели профдвижения. На практике использовались различные формы выдвижения рабочих в выборные

⁸ См.: Профессиональный вестник. 1918. №№ 9—10. С. 21.

⁹ См.: Известия ЦК РКП (б). 1921. № 33. С.37—38.

¹⁰ См.: История СССР. 1986. № 1. С. 148.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 787. Л. 179.

органы. При этом руководствовались идеей о необходимости соблюдения принципа постепенного усложнения поручаемых заданий. Массовой формой вовлечения в профсоюзную работу было представительство на делегатских собраниях. Рабочие включались также в состав комиссий ФЗК и МК, многим давались отдельные поручения. В некоторых профсоюзных организациях был введен институт практикантов-профработников, когда активный рабочий прикреплялся к члену завкома в качестве его дублера¹². Такую работу проводили не только ФЗК и МК, но и вышестоящие органы.

Основным условием успеха в профсоюзах большевики считали «связь с масса-ми». Эту идею они стали осуществлять в разнообразных формах после окончания гражданской войны, в условиях нэпа. Важной формой внутри профсоюзной демократии должны были стать заводские и цеховые делегатские собрания. Эти собрания выборных представителей (один делегат от нескольких десятков (до 50) рабочих на шесть месяцев) должны были укреплять связь профсоюзов с широкими рабочими массами. Как показывает публикуемый документ, эффективность функционирования данной формы «производственной демократии» была достаточно мала.

Параллельно с попыткой развития общественных начал проводилась линия на сокращение платного аппарата. В 1922 г. в 15 губсовпрофах он был сокращен на 64%, а к VI съезду профсоюзов СССР (1924 г.) еще на 30%. Однако следует отметить, что в середине 20-х гг. платный аппарат был значительным: из 120 тысяч членов ФЗМК 40—50 тысяч являлись платными работниками, на тысячу членов профсоюза полагалось до 3-х освобожденных членов завкома, в аппарате ФЗМК разрешалось иметь несколько технических работников¹³. В Москве на 1000 членов профсоюзов насчитывалось 3 платных работника, из которых 86% были наемными, а 14% оплачиваемые выборные¹⁴.

Несмотря на в целом небольшую численность платного аппарата профсоюзов, в обстановке конфликтов, плохой работы фабзавкомов и т.д. вопрос о платном аппарате поднимался трудящимися постоянно¹⁵. В свою очередь наличие в составе фабзавкомов нескольких технических работников объяснялось в значительной мере загруженностью бумажной работой. Ежегодно завком получал свыше 200 циркуляров, сотни анкет, каждая с десятками вопросов. Массу времени отнимала выдача различных удостоверений — по случаю смерти, рождения, болезни, направления в школу, заготовки дров, получения товаров и т.д. В печати постоянно ставился вопрос об освобождении фабзавкомов от несвойственных им функций¹⁶. Этот вопрос поднимается и в публикуемой справке.

Одним из симптомов оторванности профсоюзного движения от рабочего класса в годы нэпа было перманентное забастовочное движение. А.Поспеловский приводит следующие данные: в 1923 г. было 430 забастовок индустриальных рабочих, в 1924 г. — 327, в 1925 — 420 забастовок с 69320 участниками, в 1926 г. — 841 забастовка с 100996 участниками, в 1927 г. — 981 забастовка с 81612 участниками. В январе—сентябре 1928 г. среди металлистов и текстильщиков состоялось 127 забастовок с 10000 участниками и 95 забастовок деревообделочников с 17000 участниками¹⁷. И хотя в забастовки в годы нэпа, по подсчетам А.Поспеловского, было во-

¹² См.: История СССР. 1986. № 1. С. 148.

¹³ Щеглов Г.В. Общественные начала — основа деятельности советских профсоюзов. М., 1978. С. 34.

¹⁴ См.: Мельничанский Г.Н. Московские профессиональные союзы в обстановке НЭПа. М., 1923. С. 15.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 922. Л. 60.

¹⁶ См.: Рабочая Москва. 1926. 19 января.

¹⁷ Pospelovsky A. Strikes During NEP // Revolutionary Russia. 1997. № 1. P. 9.

влечено не более 3% от общего количества индустриальных рабочих¹⁸, сам факт забастовочной борьбы, столь долго замалчивавшийся в советской историографии, весьма симптоматичен.

Каковы были причины забастовок? В 1924 г. более чем из 300 забастовок 120 случились по причине задержки выплаты зарплаты, 71 — из-за низких ставок, 38 — из-за понижения зарплаты, 29 — из-за повышения норм выработки¹⁹.

Профсоюзы, производственные совещания в обстановке накала недовольства оказывались либо сами под обстрелом рабочей критики, либо становились рупором этого недовольства. «На производственных совещаниях, — читаем мы в одной из справок ОГПУ от 23 марта 1925 г., — по вопросу о новом методе работы чувствовалось сильное озлобление; на фабрике Высоковской мануфактуры (Тверской хлопчатобумажный трест) выступавшие рабочие говорили о «надетом на шею рабочих хомуте», коммунистам не давали говорить и собрание кончилось демонстративным уходом рабочих из помещения; на Арженской суконной фабрике на пленуме фабкома более 100 выступавших рабочих указывали на тяжесть перехода на новый метод, лицам, выступавшим в защиту его, не давали говорить. На Трехгорной мануфактуре 10.01.1925 г. во время пробного опыта с работой на 3-х сторонах 150 прядильщиц, оставив станки, подняли шум, стремясь сорвать этот опыт, не допустив к станкам нескольких работниц; возбуждение было настолько сильно, что едва не был избит помощник директора. Особенно сильно проявилось недовольство по всем фабрикам Орехово-Зуевского треста; на Ликинской фабрике на собрании, посвященном годовщине смерти Ильича, большинство рабочих не хотело слушать доклада и были призывы бить докладчиков и фабком; на имя помощника директора фабрики «Пролетарская диктатура» была подброшена анонимка с резкой критикой нового метода работы, при этом в анонимке говорилось о скором восстании рабочих против РКП»²⁰.

Во многих случаях недовольство рабочих выливалось в конфликт с администрацией. «Недовольные кампанией рабочие, — отмечало ОГПУ, — на большинстве предприятий указывают на большие накладные расходы, вытекающие из наличия раздутых штатов администрации и служащих, высоких ставок, получаемых последними, командировочных, сверхурочных и т.д. ... На Арженской суконной фабрике рабочие на пленуме фабкома указывали, что им урезают ставки и в то же время в конторе служит до 25 бухгалтеров и 17 инженеров... На многих предприятиях ставки администраторов доходят до 300 и более рублей, не считая всякого рода нагрузок, командировочных и премиальных... Бесхозяйственность имеет место на большинстве текстильных предприятий и сильно нервнрует рабочих»²¹.

Симптоматично, что недовольство охватывало не только беспартийных рабочих. «Среди металлистов, как и среди текстильщиков, — отмечал ОГПУ, — характерным является участие коммунистов и комсомольцев в некоторых забастовках и волынках, возникающих на почве повышения норм»²². В свете этих документов, дополняющих данные публикуемой справки, роль профсоюзов выглядит весьма бледно. По существу, решение жизненно важных для рабочих вопросов шло помимо профсоюзов.

На рубеже 20-30-х гг. профсоюзное движение даже в ущербной нэповской модели было разгромлено. Но видеть причины этого «великого перелома» только в

---

¹⁸ Ibid. P. 28. Лишь в последнее время данная тема привлекла внимание исследователей. См.: Трудовые конфликты в Советской России. 1918—1929 гг. М., 1998.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 922. Л. 55—56.

²⁰ Там же. Л. 58.

²¹ Там же. Л. 60.

²² Там же. Л. 61.

«злой воле» Сталина, по меньшей мере, необъективно. Во всяком случае, у самих профсоюзников возникали моменты отчаяния при столкновении с низовой профсоюзной реальностью. Вот, например, какой пассаж есть в дневнике известного профсоюзного работника Б.Г.Козелева: «В довершение — рутинная, косность, отвратительная обломовщина в деле выполнения наших предложений, выработанных на двух производственных совещаниях, создают упадочное настроение..., расхлябанность. Как тут не вспомнить слова Ленина, сказанные им в письме Цюрюпе о новой постановке работы СНК и СТО в январе 1922 года: «Это начало. Но это расхлябается при наших проклятиях, обломовских нравах в 2 недели, если не следить, не подгонять, не проверять, не бить в три кнута»²³. Подобные мысли возникали отнюдь не у сторонника Сталина и системы голого администрирования. Видимо, перспективным является изучение менталитета рабочего класса 20-х гг., ибо без этого мы не сможем понять в целом этот важный период отечественной истории.

Несмотря на многочисленные решения и поиски организационных форм, профсоюзное движение в годы нэпа продолжало оставаться во многом формальным и оторванным от жизни. Для того, чтобы реально развить элементы самоуправления и самоорганизации общества, оно должно было либо активно проводить в жизнь эти начала, либо становиться независимым от партии и государства и осуществлять модель профдвижения в условиях государственного капитализма. Второе направление принципиально расходилось с доктриной большевиков и не могло быть осуществлено в силу этого обстоятельства. Первое направление постоянно буксовало из-за слабого движения «снизу», причиной которого был целый ряд факторов как политических (недоверие к «зависимым» профсоюзам), так и психологических.

В дальнейшем опыт работы профсоюзов периода нэпа не был востребован и они все в большей степени становились чисто формальными.

Публикацию подготовили кандидаты исторических наук К.И.ВЕРИШКО и О.И.ГОРЕЛОВ.

О работе профсоюзов по материалам местных парторганов^а

Информационный отдел ЦК РКП(б)
Тов. Сталину

10 августа 1925 г.

Секретно

1. Общие сведения

На 1 января 1924 года число членов профессиональных союзов равнялось 5621001 чел. Но уже за год это число сильно увеличилось. На 1 января 1925 года союзы насчитывают уже 6604684 чел.

На первом месте по росту за год стоит союз текстильщиков, имевший в 1924 году 494509 членов, а в 1925 году 595560 чл., т. е. более, чем на 100 тыс. Затем идут союзы строителей, пищевиков, металлистов и др.

²³ Там же. С. 127.

^а Заголовок документа.

Рост членов профсоюзов

Новейшие материалы (начиная с Ленинграда и кончая Дальним Востоком) подтверждают дальнейший рост (после января 25 г.) союзов. Например, Ленинград. За два первых м-ца 25 года, число членов увеличилось на 17.000. Урал — прошедший год 290.000 членов профсоюзов, а на I/IV—25 г. — уже 352.000. Ярославская орг-ция — за 3 м-ца после января — 12,7% увеличения против прошлого года и Дальний Восток — 9,2% увеличения против прошлого года и также только за три месяца. Отсюда можно сделать вывод, что фактическое число членов профсоюзов к настоящему времени значительно превышает указанную цифру в 604.684 ч.

Компрослойка в низовых профорганах

14 следующих организаций дают сведения, главным образом, по последним переывборам в фабзавкомы, редко указывая о компрослойке в прошлом:

коммунистов	%% коммунистов в правлениях губотделов	%% в ФЗК
Москва (по 407 ФЗК)		51,9
Брянский РК	65,1	29,3
Ив[аново-] Вознесенск	55,60	73
Гусевский РК		80,90
Сталинград	67,7	
	с несколько комсом.	39,6
Ленинград		44,3
Азербайджан		44,8
Урал		44
Ростов		36
Чита		45
Донецкий ГК		80
Астрахань	76	
Нижний Новгород	77,2	
Ярославль	69,6	

Данные ВЦСПС на I/VII—25 г. по обследованию 20 организаций показывают наличие в месткомах и ФЗК 30% коммунистов и 6,8% комсомольцев.

На 1/1—25 г. (по обследованию 60 организаций) членов партии в месткомах и ФЗК было 36,2% и членов РЛКСМ — 9,2%.

Следует не упускать из виду, что наша таблица говорит только о фабзавкомах.

Не говоря о некоторых организациях (Ив[аново-] Вознесенск, Донецкий ГК), где прослойка излишне высока, следует признать насыщенность ФЗК коммунистами вполне нормальной. Отдельные парторганизации (как это видно из материалов) ставили вопрос о необходимо-

сти снижения партпрослойки в ФЗК для более свободного выхода беспартийного актива к профсоюзной работе.

II. Парторганы и профсоюзы

а) Оценка партийными органами общего состояния профсоюзов, их аппаратов и руководство профработой

Отчеты и закрытые письма парторганов в общем и целом говорят о наличии достижений в профсоюзной работе. Однако ознакомление с теми директивами, которые давались парторганами профсоюзам, выявляет ряд ненормальностей в профсоюзной работе.

Профработа в Москве

Прежде всего, необходимо сказать о Москве. Здесь оценка работы и недостатки профсоюзов приблизительно выглядит в следующих выступлениях на 5 пленуме МК от 5/VI—25 г.

Моменты небрежного халатного отношения к рабочим имеются.

У некоторых работников наблюдается особый аристократизм, пренебрежительное отношение к рядовому рабочему.

Отмечались случаи, когда 5 недель проходит, пока рабочий получит ответ от профсоюза.

Нужно отметить недостаточное развитие нашей разъяснительной работы по отношению к нововведениям.

«Мы имели 2—3 случая оформления рабочих групп, ставящих себе целью более широкую борьбу не с отдельными недостатками, а вообще против влияния компартии, это сигнализирует недостаточную развернутость массовой работы со стороны профсоюзов».

«Авторитет фабзавкомов во многих местах весьма низок, делегатские и общие собрания мертвы, обсуждение вопросов на этих собраниях проходит бледно. В отдельных предприятиях во время выборов в фабзавкомы участвовало 10—15—20%. По районам Москвы в среднем процент участия 50—60, но имелось удерживание рабочих даже через запирающие ворота».

«При перевыборах завкомов некоторые ячейки считали себя как бы обязанными от имени ячейки настаивать на принятии определенного списка».

«Нередко происходит навязывание кандидатур со стороны самих губотделов, их инструкторов, настойчивые рекомендации и т. п.»

Имеются резкие факты, характеризующие зависимость отдельных фабзавкомовцев от хозорганов и отдельных хозяйственников.

Активность рабочих повышается, а в методах работы фабзавкомов, или вернее, фракций фабзавкомов, еще много старины.

Вопросы профработы, и в частности низовой, находились в центре внимания Московского комитета и всей парторганизации, за весь истекший период (с XIII губпартконференции).

В подробно разработанных директивах о работе фракций фабзавкомов и об оживлении работы общих и делегатских собраний, МК заострил внимание организации на вопросах оживления низовой проф-

союзной работы и установления правильного партийного руководства фабзавместками, общими и делегатскими собраниями рабочих.

Придавая перевыборной кампании фабзавместкомов особо важное политическое значение, МК дал директиву организации — проводить партийное руководство кампанией по следующим линиям (приводим наиболее основные):

1. Теснейшей увязки кампании с очередными задачами массовой работы на предприятиях, обратив особое внимание на поднятие авторитета и улучшение работы делегатских собраний и института профделегатов.

2. Добиваясь максимального вовлечения рабочих на общие собрания и обсуждение докладов фабзавместкомов, принять все меры к тому, чтобы на выборных собраниях присутствовали все члены РКП и РЛКСМ.

3. Устранить имевшие место в предыдущих кампаниях явления «нажимов», «навязывания» кандидатур и проч., заранее оповещая рабочих о кандидатурах в члены фабзавместкомов и ревизионные комиссии, обсуждая самым внимательным образом всякий деловой отвод и проч.

4. Учитывая усложнившиеся задачи профработы, обратить самое серьезное внимание на подбор руководящего кадра фабзавместкома и их комиссий, вовлекая в состав комитетов не менее 40% беспартийных рабочих.

5. В связи с участвовавшими случаями небрежного отношения к союзным средствам уделить максимум внимания качественному составу ревизионных комиссий и подбору казначеев фабзавместкомов.

Из других организаций некоторые дают наряду с директивами и оценку состоянию профорганов, другие же, воздерживаясь от оценки, давали исключительно директивы.

Оценка ГК работы профсоюзов

Ив. Вознесенский, Брянский, Ярославский, Сталинградский и Екатеринбургский ГК, Шахтинский (Сев. К. Крайком), Свердловский, Кубанский окружкомы, Вятская, Донецкая области. Сев. Зап. Бюро, АМО, признавая в общем оживление работы профсоюзов, их оживление, большой охват работы, расширение низового профаппарата и т. д., дали ряд широких директив.

Однако, к даваемым парторганами оценкам профсоюзов, в особенности к положительным, приходится относиться с значительной осторожностью. Пример следующих организаций, давших определенно-положительную оценку этих союзов, подтверждает это:

1. На заседании пленума Ярославского ГК (прот. № 1/19 от 25—26/V—25 г.) по докладу фракции ГСПС, «Пленум ГК находит, что работа в профсоюзах в общем улучшается». Секретарь Ярославского ГК в закрытом письме за период с апреля по 15 июня 25 г. говорит: «Прошедшая полоса губернских съездов профсоюзов обнаружила недостаточно серьезное и внимательное отношение со стороны большинства партийных ячеек, фракций губотделов, а также и фракций ГСПС по вопросу вовлечения на губернские съезды б/п членов союза.

Этим как бы демонстрировалось отсутствие должной чуткости к тем настроениям и активности, которые растут среди рабочих, и требующих более внимательного к ним отношения. У Губкома встретились большие затруднения в подборе рабочей части некоторых губотделов (химики, кожевники, рабпрос, строители и т. д.), благодаря этому, профорганами до этого было уделено недостаточное внимание вопросам выдвижения»...

2. Ив. Вознесенская организация.

«Пленум ГК 1—2/VI—25 г. констатирует, что последнее недоразумение на ряде фабрик текстильной промышленности, выявили по основному союзу губернии в силу развертывания промышленности, вовлечения по фабрикам значительного количества крестьянских элементов, трудно поддающихся союзному воспитанию, не вполне достаточную связь союзных органов с массами, слабость массовой работы и предлагает фракции ГСПС обратить внимание в своем руководстве на эти стороны работы».

Вместе с этим, пленум подчеркивает необходимость решительного изменения всей системы выборов фабзавместкомов, не допуская голосований по спискам, и давая возможность выбрать таких лиц, которые пользуются авторитетом и доверием работающих в предприятии, причем все выборы должны производиться на общих собраниях, и в случае невозможности, на специально созданных широких общезаводских конференциях.

3. Тверская организация (И.О. за 1/IV—25 г.).

В начале работы кампания за поднятие производительности труда прошла через голову профсоюзов, поэтому ГК пришлось реорганизовать комиссии — приблизить их к профсоюзам в процессе работы комиссий.

4. Вотская организация.

Условия, в которых приходилось работать ОСПС, не благоприятствовали его работе.

Состав ОСПС (заведующие отделами) был подобран весьма неудачно, а работники союзных организаций были слабы и союзы разваливались.

В организации царил склок, развилось местничество, подсиживание, отлынивание от работы. Все это, конечно, тормозило работу. Положение ухудшалось тем, что основной союз металлистов стал в оппозицию к ОСПС и вел с ним борьбу.

(Выписка из заключения по обследованию Вотского областного совета профсоюзов и союзных органов (Прот. бюро ОК от 19/III—25 г. за № 17).

Отдельно от указанного, выпячивается характерное и для других районов сообщение по:

Тульской организации (из доклада об обследовании организации отв. инстр. ЦК т. Заславского в мае—июне с. г.).

«Широко распространен взгляд на профсоюзы, как на промежуточную, а не решающую инстанцию для рабочих».

«...Гвоздь в том, что в каждой губернии ГСПС — это раздутый аппарат, издаются журналы-циркуляры, а живая связь — это инструктора. О том, что сами союзы, начиная с правлений, должны быть подвижными инструктирующими органами, почти нигде не усвоено».

Руководство профработой

Общее руководство профорганами занимает большое место в работе парторганов. В большинстве осуществляется через заслушивание парторганами докладов о деятельности высших в их районах профорганов или докладов отдельных профсоюзов. Помимо уже указанных 13 организаций, давших директивы вместе с оценкой состояния профорганов, указываем еще на Пермскую, Челябинскую, Харьковскую, ЦК КП(б) Белоруссии, Сибкрайкома и Крымскую орг-ции, которые в процессе своей работы давали профорганам широкие директивы.

Директивы парторганов обычно затрагивают все стороны жизни профессиональных организаций. Для показательности мы приведем моменты из этих директив.

Свердловская организация (1/III—25 г.).

«Более углубить и развернуть работу по укреплению и расширению низового союзного аппарата, перенося центр тяжести союзной работы на Пленумы ФЗК, делегатские и общие собрания членов Союза, приспособив повестку дня последних к запросам рабочих масс, в виду слабого вовлечения широких рабочих масс в кассы взаимопомощи на предприятиях, достигающего только 49% к общему количеству членов союза, обратить внимание на правильное руководство этой работой, а по докладу союза текстильщиков (прот. Бюро Свердловск. ОК от 6/IV—25 г.) — «Предложить фракции РКП союза текстильщиков, обратить внимание на большее вовлечение беспартийных в состав фабкомов и в комиссии фабкомов».

Обратить серьезное внимание на развертывание клубной работы, добиваясь от хоз. органов их оборудования и ассигнуя свои средства на улучшение клубов.

Предложить фракции союза обратить серьезное внимание на улучшение быта рабочих и охраны труда.

Считать необходимым более смелый подход к индивидуальной сдельщине:

Предложить фракции союза изучить происходящее изменение в зарплате рабочих текстильных предприятий.

Предложить фракции союза изучить причины повышения прогулов рабочих предприятий текстиля по неуважительным причинам и т. д.

В следующих сообщениях вышеуказанные моменты руководства также повторяются.

Ив. Вознесенская орг-ция (Пленум ГК от 1—2—VI—25 г.).

«Решительный отказ от всевозможных отчислений от заработка рабочих через контору, а также точное выполнение директив ВЦСПС в вопросах всяких отчислений и вычетов с работающих»; беспощадная

борьба с растратами; (по этому вопросу ряд организаций предлагает установить самую широкую гласную отчетность перед рабочими массами).

Челябинская орг-ция (прот. ОК № 73 от 2/VII—25 г.).

Отметить слабый % (42) беспартийных в низовых союзных организациях производственных союзов и обратное явление в совучреждениях.

Сибкрайком.

Бюро особо отмечает необходимость восстановления зартплаты там, где она была снижена в результате неправильного определения норм выработки и сдельных расценок, где ресурсы предприятия позволяют это исправление провести.

Дальнейший пересмотр норм выработки и сдельных расценок должен проводиться с таким расчетом, чтобы при выполнении повышенной нормы, рабочий получил и известное повышение заработка.

Ряд других парторганов отмечает недостаточное участие профессиональных масс в работе по поднятию производительности труда, некоторой замены низовыми парторганизациями функций профорганов, пассивность в профработе членов союзов, формализм в работе общих и делегатских собраний, слабость работы среди женщин и т. д. и т. д. дают соответствующие директивы.

б) Взаимоотношения партийных и профессиональных органов

Организации Московская, Ярославская, Астраханская, Челябинская, Тульская, Сибкрайком, Сумский ОК отмечают отдельные случаи неправильных взаимоотношений между парт. и профорганами, недостаточной оформленности фракций профорганов, отсутствие четкости в их работе.

Наиболее интересными из таких сообщений являются:

Москва. Партия и профсоюзы. (Материалы МК).

«В этой области наблюдались ряд неувязок и недочетов, заключавшихся в том, что зачастую партруководство фабзавместкомов сводилось к персональной связи предфабзавместкома с секретарем ячейки.

Фракции фабзавместкомов как правило не существовало.

Вопросы профработы включительно до мелочей, обсуждались на ячейках. В некоторых ячейках существовали ячейковые профкомиссии, которые фактически заменяли собой работу фабзавместкомов. Все это приводило к обезличиванию низовых профорганизаций, к потере влияния и авторитета среди беспартийных рабочих масс.

Несомненно, что перелом в сторону правильного подхода к руководству фабзавместкомов заключается в том, чтобы учесть практический опыт фракций и дополнительное инструктирование, особенно в связи с переизборами фабзавместкомов.

Такое же отсутствие четкости наблюдается и в работе фракций губотделов. Например, совершенно обычным явлением было, когда губотделы созывают собрания месткомов, фабзавкомов, секретарей ячеек нижестоящих предприятий. Специальным постановлением секретариат ЦК показал, что фракции губотделов не могут созывать фракций нижестоящих органов или коммунистов нижестоящих организаций».

Тульская организация.

(Из доклада об обследовании организации инструктором ЦК т. Заславским в мае— июне мес. 1925 г.).

«Разграничение в работе профуполномоченных и секретаря ячейки очень слабое».

Челябинская организация.

Вопросы массовой работы в большинстве предрешаются ячейками, а местами намечается и применение со стороны руководителей профорганизаций неправильных методов массовой работы. (Из прот. № 73 Челябинск. ОК 2/VII—25 г.).

Сумский ОК (КП/(б)У).

(Из политдоклада секретаря ОК от 1 июля 25 г.).

Мелкие повседневные случаи используются ячейкой для направления недовольства в сторону беспартийного завкома, который своевременно не учитывает нужды рабочих и недостаточно энергично отстаивает их перед администрацией.

Тамбовский Губотдел.

Фракция Губотдела (прот. № 16) постановила предложить фракции фабкома снять с работы механически выбывших из союза членов за неплатеж взносов.

Кострома.

Фракция Губотдела (прот. от 11/XII—24 г.) выносит решение об отпуске 15000 руб. Фабрайкому РКП(б) на содержание партийных ячеек ф-ки, проводя эту сумму за счет улучшения быта рабочих.

Московский Губотдел . Ф-ка им. Ногина.

По докладу директора о работе фабрики, парторганизатор заявляет, что хозяева — мы, а трест и директор — наши приказчики. Руководим производством мы с некоторыми членами партии, а не они».

Урал.

Наблюдались случаи, когда ячейки брали на себя работу фабкомов.

Ленинград.

Наблюдались случаи переизбрания фабкомов по постановлению парторганов без ведома Губотдела.

III. Содержание и характер работы профсоюзов

а) Участие в хозяйственном строительстве

Общая оценка парторганов.

17 важнейших парторганизаций дали сведения по этому вопросу (Московская, Донецкая, Бакинская, Иваново-Вознесенская, Одесская, Киевская, Брянская, Северо-Двинская, Свердловская, Пермская, Самарская, Владимирская, Харьковская, Мотовилихинская, Вологодская, Саратовская и Нижегородская) из них 14 (кроме Донецкой, Брянской и Свердловской) отмечают ряд недостатков в деле вовлечения рабочих масс через профессиональные организации в хозяйственное строительство.

Достижения.

Большинство материалов дает общую оценку участия рабочих масс в хоз. строительстве, иногда не указывая прямо на роль в этом профес-

сиональных организаций. Все же основные моменты можно легко отметить.

Прежде всего, укажем на Московскую организацию.

Москва (МК РКП).

На 1 апреля по Московской губ. было 964 производственных общезаводских комиссий, в которых участвуют свыше 7000 человек. Это члены комиссии, наиболее активные работники по улучшению производства.

На практические результаты этого участия рабочих показывают следующие цифры: у текстильщиков за период октябрь—март по 132 предприятиям, внесено производственными комиссиями и совещаниями 1.075 предложений, из которых около 40% администрацией проведено в жизнь. По союзу печатников за тот же период из 1.295 предложений 75% выполнено. У пищевиков — 65% проведено в жизнь из 841 предложения, у металлистов по 66 учреждениям и предприятиям из 500 предложений — 70% выполнено и т.д.

Из других организаций, для примера, приведем следующие:

Пермская.

По союзу металлистов состав участников производственных совещаний разбивается: рабочих — 88%, служащих — 7,5%, инженерно-технического персонала — 4,5%. Об активности рабочих и их серьезном отношении говорит то, что большинство предложений на совещаниях было вынесено рабочими, и только 8,5% предложений падает на инженерно-технический персонал.

За квартал январь—март всего заводских производственных совещаний по союзу металлистов было созвано 69, вынесено на них предложений — 311. Не выполнено предложений — 73 (число невыполненных указано вместе с производственными комиссиями), причем из числа невыполненных предложений большой процент невыполнения объясняется отсутствием средств и рядом других, чисто объективных условий. Не выполнено из-за несогласия хозорганов всего 3 предложения. Результаты работ совещаний и комиссий можно отметить следующими примерами: 1) введение контроля над расходом смазки по станкам в жесто-ковальном цехе Лысьвенского завода дало экономию в месяц — 614 рублей.

2) В том же цехе введение контроля над расходом топлива дало экономию в 5,81 пуда условного топлива на 100 пудов вырабатываемой продукции.

3) Ряд предложений по расходам за простой вагонов дал также практические результаты, и вместо 494 р. 50 коп. плата за простой через 2 месяца опустилась до 67 р. 50 к.

4) Предложения по борьбе с прогулами дали следующие результаты: невыхода по лудильно-цинковальному цеху составляли в ноябре — 10%, декабре — 8%, январе — 6%, феврале — 3%.

(Выписка из инфочета Пермского окружного комитета РКП(б) за январь—март 25 г.).

Ивано[во]-Вознесенская организация.

Рабочие все активнее и активнее начинают реагировать на недочеты производства, требуя их устранения, они вносят свои практические предложения по улучшению отдельных деталей производства, способствуя этим самым поднятию производительности труда. Рабочие, проводившие десятки лет на фабриках, хорошо знающие и изучившие производство, очень часто подмечают те недочеты, которые не замечаются специально назначенными для этой цели работниками (спецами), так, например: рабочий Кохомской М-ры сделал в производственное совещание заявление, в котором указал, что получение зарплаты отрывает рабочих на 10—20 минут, в результате чего, ткацкая фабрика в один день выдачи зарплаты недорабатывает около 100 кусков товара; в заключение рабочий указал на необходимость выдачи жалования по отделам. Указания рабочего были испробованы на практике и, как давшие положительные результаты, проводятся в жизнь.

Одесса (отчет к партконференции — март 25 г.).

Обследование заявило, что производственные совещания проводят большую работу в деле приближения широких рабочих и партийных масс непосредственно к производству, а также дают толчок в смысле усовершенствования и рационализации самого производства.

Киев («Пролетарская правда»).

По данным на I/IV с. г. союзами Киевщины организовано 130 производственных совещаний и 165 производственных комиссий. Общее количество занятых в индустрии рабочих составляет 37 тыс. человек. Совещания же имеются на предприятиях, насчитывающих 15 тыс. человек.

В 37 заседаниях цеховых производственных совещаний было рассмотрено 122 вопроса, которые можно разбить на следующие: предложения рабочих — 36,9%, производственный процесс — 19,7%, организация рабочей силы — 16,4%, организация самих совещаний — 11,5%, доклады администрации — 8,2%, прочие вопросы — 6,5%, калькуляция и учет — 0,8%.

Брянская организация.

(и. о. ГК за I—III—25 г.).

В настоящее время производственные совещания работают на всех заводах. Особо следует отметить, что на заводах Фокинского округа работа производственных комиссий значительно улучшилась. Следует указать, что специалисты принимали активное участие в работе по поднятию производительности труда.

Самарская организация.

(Выписка из отчета инстр. Самарского ГК об обследовании Троцкой организации от II/V—25 г.).

Непосредственно руководит работой производственного совещания фабзавком. Работа совещания проходила, особенно за последнее полу-

годие, достаточно интенсивно, в результате производительность труда поднята на 156%.

Отрицательные моменты.

(Отрицательные моменты, показанные на одной организации, опущены в сообщениях других).

Москва.

В работе производственных комиссий и совещаний Бюро МК констатировало ряд недостатков. Основной из них — ослабление руководства производственными совещаниями, что, в свою очередь, вызвало тенденцию к упадку интереса и активности участия рабочих.

В отношении содержания работы выяснились случаи подмены производственными комиссиями — производственных совещаний, как более широких массовых органов, загруженность мелочными вопросами или вопросами, не относящимися к комиссиям, сокращение рабочих, тарификация, охрана труда и т.д.

Незначителен процент участия женщин в тех производствах, где они преобладают.

Пермская организация (т. с. за I—III—25 г.).

«Как ненормальность в работе комиссий и совещаний по данному союзу, да и вообще, нужно отметить: 1) недостаточную активность фабзавкомов по втягиванию в работу рабочих и недостаточное руководство работой комиссий и совещаний, большую активность в работе комиссий, чем совещаний — комиссиями сделано 43% предложений.

Ржевская орг-ция («Пролет. правда». 12—VI—26 г.).

1. Отрицательный момент — значительный процент, падающий на общезаводских производственных совещаниях на общие доклады администрации — 31,3% и на самоорганизацию — 15,6%, что отнимает добрую половину работы совещаний и никакой реально-ощутимой помощи они, понятно, не могли принести.

2. (п.п. Секр. ГК за май 25 г.) На некоторых предприятиях выявилось ослабление работы производственных совещаний, и главным образом от того, что не все хозяйственники внимательно относились к вопросам, выдвигавшимся рабочими.

Ив. Вознесенская орг-ция (и. о. I—III—25 г.).

«До сих пор совещания не сделались еще массовыми, их посещает сравнительно небольшое количество рабочих, так, например, собрания производственных совещаний Томненской ф-ки в среднем посещает 122 чел. или 2% общего количества рабочих, на Анненской м-ре производственные совещания посещает 41 чел. или 2,24%, на Воткинской м-ре 58 чел. или 4,4%. Членами и кандидатами партии производственные совещания посещаются также не всегда регулярно, сегодня посещаемость их выражается в 25—30%. Кроме того со стороны лиц административ-

ного и технического персонала, иногда замечаются тенденции к одергиванию выступающих в прениях рабочих.

б) Культурбота

Эта область работы дает ряд положительных тенденций. Здесь (как и в других моментах культпросветработы) мы не располагаем исчерпывающим материалом, но те данные, которые имеются, дают возможность сделать несколько общих выводов.

Прежде всего скажем о ликвидации неграмотности.

Ликвидация неграмотности.

Московские металлисты.

На предприятиях действуют 42 ячейки о-ва «Долой неграмотность». Число их все время продолжает расти.

В начале учебного 1924—1925 года райком металлистов произвел единовременный переучет грамотных членов союзов, кроме того, ежемесячно производит учет неграмотных трудящихся. Учетом охвачено 78244 чел. или 92% членов союза.

Кроме того, при клубах занимается по общеобразовательным предметам 630 чел., в кружках самообразования 154 чел.

В ликпунктах обучались в большом числе дети и жены рабочих. Нужно сказать, что за последнее время желающих учиться гораздо больше, чем имеется для них помещений на местах.

Московские текстильщики.

13000 чел., учтенных с осени, должны были обучить к маю. Успели обучить 11000 неграмотных и 10000 малограмотных. Таким образом, 21000 членов союза не только стала грамотной, но и приобщилась к общественной работе.

Пензенский ГК (и. отчет ноябрь—апрель 25 г.) сообщает: «На 1 января 25 г. по всем губотделам числится 1711 чел. неграмотных, из них ликпункты посещают 1075 чел. Всего для членов союзов открыт 51 пункт. К 1 мая 25 г. предположено пропустить 1569 чел. Наиболее хорошо поставлена ликвидация неграмотности по Пензе. По городу неграмотных членов союзов 409 ч., из них обучаются 278 чел. К 1 Мая можно вполне ликвидировать техническую неграмотность среди членов профсоюзов г. Пензы.

Клубная работа.

Московские металлисты.

Невозможность обслужить всех членов союза сетью клубов (всего имеется 42 клуба — 31 клуб в Москве, 11 — в уездах) способствовала росту «красных уголков». В Москве их имеется 56, в уездах — 29. На местах есть стремление превратить «красные уголки» в клубы. Культотдел с этим борется и держит курс на укрепление уже существующей клубной сети.

Несмотря на то, что количество членов клубов уменьшилось (раньше было 20432 или 35% общего числа членов союза, а теперь 15918 или 19%), активность членов значительно повысилась. Это сказывается, прежде всего, в работе комиссий, в которую вовлечено до 4000 членов.

Постановка массовой работы не вполне отвечает на потребности рабочих в профессионально-производственном просвещении.

Московские текстильщики

Клубная работа развивалась и шагнула вперед в сравнении с прошлым годом вдвое, как по количеству членов клуба, клубных кружков, так и массовой работе.

В содержании массовой работы преобладали вопросы политические, естественно-научные, профессионально-производственные и бытовые.

Всеми видами массовой работы было обслужено 449670 чел., в кружковой работе было занято 39000 чел. Наряду с этим, вырос клубный актив: правления, комиссии, «друзья», клубный и библиотечный советы вместе составляют 4108 чел.

Большую роль сыграли в воспитании членов союза библиотеки. Число книг в них увеличилось до 288202, читателей — до 3980 чел.

Гусьрайком (Владимирская губ. — дек. 24 г.).

Культработа в текстильном и хрустальном производствах идет на улучшение. Рабочие выписывают губернских и центральных газет за декабрь всего 3265, журналов 133. Библиотека читальни работает хорошо, подписчиков имеется до 1700 чел., ежедневная посещаемость в среднем около 70 чел. Пополнение библиотеки новыми книгами не ослабевало.

Вся работа профорганизаций проходит под непосредственным руководством и контролем бюро ячеек и партийного комитета.

Вологда (и. о. X—XII—24 г.).

Организационно-воспитательная работа с наступлением зимних месяцев во всех союзах оживилась, работают клубы, в них 19 различных кружков, при предприятиях и общежитиях рабочих имеется 99 уголков Ленина и имеется 55 стенных газет, организованы 4 школы политграмоты, 19 ликвидационных пунктов неграмотности, 45 библиотек, 6 школ фабзавуча, 7 производственных выставок.

Ярославская организация.

Клубная союзная сеть увеличилась на 3 клуба, но количество индивидуальных членов клубов с 9963 чел. с апреля 24 г. увеличилось до 13.301 чел., В общем, членами клубов состоят индивидуально 15,5% членов профсоюзов.

	на I/IV—24 г.	На I/IV—25 г.
Кружков	438	1248
Членов в них	9553	24939

Если в прошлом году из 9968 членов клуба (индивид.) в кружках работало лишь 9553, т.е. даже не все члены клуба, то теперь на 16301 ч. клубов в кружках занимается 24939.

Растет сильно и физкультура — членов кружков физкультуры на 1-ое апреля 24 г. 7026, теперь 14556.

Библиотеки и число книг в них также растет.

Библиотек фундаментальных	188	229
передвижных	108	139

Свердловская организация (и.о. I/III—25 г.).

Довольно широко развернута массовая работа. Работает регулярно 11 киноаппаратов (места жалуются на слишком дорогую стоимость прокатки фильмов). По имеющимся сведениям, за январь в клубах проведено 116 спектаклей (из них 67 бесплатных) с общим количеством присутствовавших 28078 чел. Всего же через клубы обслужено на январь 64846 чел.

Эти сообщения показывают культурный подъем рабочих масс. Серьезным препятствием (как сообщают некоторые парторганы) на пути развертывания культпросветработы является отсутствие помещений для клубов. Недостатки в этой работе (которые, несомненно имеются) большинством организаций не отмечены.

в) Зарплата

Ряд организаций в одном и том же сообщении говорят о снижении зарплат у одних рабочих, так и об увеличении у других. Для выяснения же в союзном масштабе положения с зарплатой приходилось брать общие выводы различных организаций.

Ряд организаций: Пермская, Мотовилихинская, Свердловская, Рязанская, Донецкая, Тульская, Ярославская орг-ция и Вятская сообщают об увеличении зарплаты. Вывести % увеличения из-за разнообразности сообщений невозможно.

Для некоторого представления о сообщениях об увеличении зарплаты показываем следующие:

Мотовилиха (з. п. секр. РК за июнь 25 г.).

Новое тарифное соглашение сводится к повышению номинала зарплаты с 9 р. 10 к. до 11 р.

Свердловская орг-ция (и. о. I—III—25 г.).

«В первом квартале чистая зарплата без накладных расходов по 5 основным заводам Гормета по данным последнего (близким к действительности) составляла в месяц на одного рабочего 35 р. 50 коп. (135, 2% от довоенной), во втором квартале она повысилась до 36 р. 20 к. (137, 9% довоенной).

Устойчивость зарплаты.

Об устойчивости зарплаты говорят:

Московская орг-ция (газетные сведения «Труд» от 28/IV—25 г.), Ярославская, Нижегородская, Сталинградская, Тверская и Саратовская.

(Москва — октябрь — 24 г. — 1 разряд по колдоговорам — 16 р. 32 к., а январь 25 г. — 16 р. 46 к. Нижегородская организация — 13 р. и т. д.).

Снижение зарплаты.

Снижение в зарплате выявляют: Московская организация (по сравнению с выработкой), Сибкрайком, Брянская, Самарская, Саратовская, Владимирская и Ленинградская. Следует тут же заметить, что Ленинградская организация и Саратовская (газетные сведения) дают очень небольшое снижение: первая — 1%, вторая — 2%.

Характерные сообщения по этому пункту:

Москва (МК РКП).

По сравнению с первым полугодием прошлого 23/24 операционного года, когда зарплата росла значительно быстрее выработки, настоящий год дает совершенно иную картину — (данные к началу каждого года приняты за 100).

На 1-ое полугодие 23/24 г.

Выработка	начало 100	конец ^а
Зарплата	100	137

На 1-ое полугодие 24/25 г.

начало 100	конец 111,3
100	105,8

Брянская организация (и. о. I—III—25 г.).

Состояние зарплаты характеризуется по главнейшим союзам следующей таблицей:

Наименование союза	Средний фактический заработок 1 рабочего в довоенных рублях.		
	Декабрь	Январь	Март
Металлисты	23 р.	21 р.	21 р.
Химики	15	17	17
Текстильщики	16	16	13

Таким образом, за отчетный период наблюдалось некоторое уменьшение реальной заработной платы среди металлистов и текстильщиков.

г) Борьба с безработицей

Из 6604634 членов союзов на I/I—25 г. (данные НКТ СССР) безработных членов союзов 13,8%. В промышленном районе эта цифра достигает 14%.

Такая значительная цифра безработных, естественно, вызывает внимание союзов на борьбу с безработицей, тем более, что на местах иногда тяжелое материальное положение безработных вызывало эксцессы. Не касаясь более отдаленных перспектив ликвидации безработицы по мере развертывания промышленности вообще, отметим организационные стороны практической борьбы союзов с безработицей. В настоящее время большие моменты этого вопроса.

^а Не прочитано.

Общественные работы.

Общественные работы занимают в сообщениях организаций первое место. Москва, Ленинград, Баку, Киев, Донецкий ГК, Белоруссия, Ташкент, Нижний Новгород сообщают не только о принятых мерах, но и о расширении общественных работ. Интересно отметить, что в Белоруссии и Москве наблюдался значительный отказ от получения общественных работ. В этих сообщениях указывалось, что отказавшиеся от работы будут передаваться профессиональному суду (Белоруссия), и что в Москве, за май месяц с/г, по общей Рогожско-Симоновской бирже имелось 36,4% отказов от всех случаев посылки на работу.

Коллективы безработных.

На втором месте стоит организация коллективов безработных. Организации — Одесская, Брянская, Нижегородская, Ташкентская, Дальне-Восточная говорят о внимании к этому сравнительно новому делу и показывают их рост.

Другие моменты борьбы с безработицей.

Кроме выдачи пособий безработным (которые по вполне понятным причинам недостаточны) отдельные парторганизации показывают на необходимость борьбы с протекционизмом, посылкой на работы от «ворот», т. е. наем рабочих помимо биржи труда (Киев, Ленинград, Одесса). Ленинград, говоря об этом, указывает, что за первую половину мая помимо биржи на работу поступило 12293 чел. (главным образом, неквалифицированная рабочая сила и не члены профсоюзов). В настоящее время в Ленинграде постановлено, что основная часть от числа всех поступающих на работу должна приходиться на членов союзов.

Ряд организаций проводит в жизнь недопуск к работе и даже снимает с работы не членов союзов (Окуловский РК, гос. писчебумажн. фаб.), более активную борьбу с сверхурочными работами, (Ленинград) и прекращение регистрации граждан, прибывших с целью уехать за границу (Белоруссия).

Отдельно отмечаем серьезную помощь безработным — демобилизованным красноармейцам, иногда доходящую (помимо внеочередного представления работы и пособий), до бесплатных общежитий, столовых и выдачи теплой одежды (Дальний Восток).

д) Участие профсоюзов в улучшении жилищного положения рабочих

Профессиональные организации принимают свое участие в этом тяжелом для многих рабочих вопросе.

Ленинградский ГК отмечает, что «со стороны профсоюзов жил. кооперации оказывается полная поддержка во всех ее начинаниях. Вопрос о работе жил. союза обсуждался на пленумах губпрофсовета. При губпрофсовете созданы комиссии по рабочему строительству, которые оказывают поддержку жил. строительству. (Из докл. Ленинградского ГК от 17//II—25 г.).

Аналогичные сообщения мы имеем и от ряда других губкомов (Владимирский, Ив. Вознесенский, Нижегородский, Брянский и др.). Инициатива организации жил. кооперации в большинстве случаев исходила от проф. органов, которые для этой цели организовывали инициативные группы и оргбюро по руководству движения жил. кооперации. Об этом свидетельствуют следующие факты.

В Москве все профорганизации во главе с МГСПС и губотделами уделили большое внимание работе рабочей жил. кооперации. Во всех губотделах заслушивались доклады, организовывались соответствующие тройки т. д. Партийные же комитеты принимали значительно меньше участия, и в результате коммунисты зачастую стояли в стороне от работы жил. кооперации» (Из доклада на бюро МК 7/II—25 г.).

В Калуге, например, еще в июле мес. 24 г. при губпрофсовете была создана инициативная группа, которая провела всю подготовительную работу по организации жил. кооперации и развитию этой инициативы в союзах. В Брянске работой всех жил. строительных кооперативов руководит ТЭО^а губпрофсовета, который занят в настоящее время «систематизацией смет жил. кооперативов по губернии». (Из отч. ГК за X—XII—24 г.).

Однако во многих губерниях профорганы еще не раскачались и слабо принимали участие в практической работе по организации и укреплению жил. кооперации. Например, Кампания по жил. кооперации развернута на местах слабо, в частности профорганизациями. Это объясняется тем, что на местах не усвоили в достаточной степени роль и значение жил. кооперации («Уральский рабочий» от I/II — 25 г.).

О том, что профсоюзы мало уделяют внимания жил. кооперации отмечает и «Нижегородская Коммуна» от II/I—25 г.

IV. Низовые профорганы и их работа

а) Связь с массами

Московская, Ленинградская, Ульяновская, Тверская, Бакинская, Владимирская, Ярославская и Тульская отмечают улучшившуюся связь с массами и более сильное втягивание членов профсоюзов в профессиональную работу.

Наиболее характерные сообщения мест, подтверждающие указываемое, следующие:

Москва — (Текстильщики).

Необходимо отметить, что перевыборы (самые последние) охватили самую гущу рабочих и работниц и в большем проценте втянули их в состав ФЗК.

Ярославль (из отчета ГСПС).

В фабрично-заводских и местных комитетах и профуполномоченными в настоящее время работают 2499 человек, в то время, как на 1 апреля 1924 г. было только 1314 человек. Увеличение по сравнению с прошлым годов почти в два раза.

---

^а ТЭО — тарифно-экономический отдел.

Владимирская организация.

На фабриках менее 1000 рабочих процент участия на выборах колеблется от 70 до 95% всех работающих. При проведении перевыборной кампании, отсутствовало какое-либо недовольство со стороны рабочих и к профорганизациям и фабкомам и последние пользуются авторитетом.

Ленинград.

Особенно характерным достижением работы является вовлечение масс рабочих в профсоюзную работу и расширение низового союзного актива. Это видно хотя бы из того, что в состав фабзавместкомов входит до 7000 чел., членов различных комиссий до 14000, цеховых делегатов до 20000 и сборщиков членских взносов до 7000 с лишком человек.

Весь низовой проф. актив с 10852 чел. в 1924 г. возрос сейчас до 42276, т. е. в среднем увеличился в 4 раза, что составляет больше 10% всех членов профсоюзов Ленинграда и губернии, в низовую профработу вовлечено не меньше 12—13% всех членов профсоюзов.

б) Отрыв от масс

Моменты отрыва низовых профогранов от масс чрезвычайно разнообразны. Материалы Московской, Челябинской, Сибкрайкома, Грозненской, Азербайджанской, Вятской, Киевской, Уральской, Екатеринославской, Ив. Вознесенской, Харьковской, Донецкой, Тульской, Пермской организаций подчеркивают это.

Наиболее характерные сообщения:

Украина (Из тезисов Политбюро Украины).

В практике профсоюзов отмечается наличие пережитков военного коммунизма: администрирование, командование, навязывание неприемлемых кандидатур и т. д.

Грозный («Грозн. рабочий» от 24/XI—25 г.).

«Участники конференции металлистов отнеслись к своим обязанностям из рук вон плохо. Доклад Окружка металлистов можно считать сорванным».

Челябинск. (Прот. ОК № 73 от 2/VII—25 г.).

«Со стороны фракций союзных организаций в развертывании массовой работы до сих пор не уделено должного внимания».

Тула.

Тульские оруж. заводы. Происходившая отчетная кампания союза металлистов по патронному заводу прошла при пассивном отношении со стороны рабочих. Некоторые собрания вообще не состоялись, так как все рабочие разошлись. Многие рабочие говорили: «А что нам там делать. Слушать только, что правление союза металлистов получает большие ставки и ничего для нас не делает?».

Донецкая орг-ция.

(По докладу инстр. ЦК т. Шаблыгина и матер. Донецкого ГК за период март—июнь).

В Артемовском округе выборные профорганы не отчитываются. Выборы списочные.

Киевская орг-ция (п. п. за май 25 г.).

Как болезненное явление, сейчас отмечается также несоответствие зарплаток рабочего и завкомщика, командование и зажим беспартийных рабочих. Последний Пленум ГСПС фиксировал внимание профсоюзов на этих вопросах.

К указанным 15 организациям можно прибавить еще Ярославскую, Бакинскую, Севастопольскую, Кременчугскую, Златоустинскую и др. организации, отмечающие в отдельных сообщениях канцеляршину и волокиту в профорганах. Как например, укажем на анкетное творчество в Тульской организации. (Из обследования орг-ций отв. инстр. ЦК т. Заславским в мае—июне с/г.).

«По какому-то случаю ВЦСПС решило произвести обследования зарплаты рабочих. Посылаются длинейшие анкеты. Места равняются по центру и уже по всякому вопросу выпускают свои анкеты. Это причудает и профуполномоченных, и секретарей ячеек не к личному общению, а к изучению анкет».

б) Защита материальных интересов рабочих

По этому вопросу мы остановимся (поскольку парторганы конкретных отдельных сторон этого вопроса почти не затрагивают) только на следующих моментах: ремонте здоровья рабочих и кассах взаимопомощи.

Ремонт здоровья рабочих.

Московская, Одесская, Ульяновская, Донецкая и Кубанская организации (материалы парторганов) отмечают большой сдвиг в этом деле.

Наиболее характерными примерами указываемого служат:

Москва (IV—25 г.).

В местных санаториях для рабочих имелось 950 коек, содержащихся за счет губсоцстраха, в которые направлено было 2321 рабочий и 669 служащих.

На предстоящий летний сезон число коек в местных санаториях остается то же — 950. На курорты возможно будет направляться около 1300 ч., в домах отдыха будет развернуто около 6000 коек, что даст возможность за летний период пропустить до 60000 отдыхающих.

Одесса.

Ремонтная кампания в нынешнем году охватили большой процент рабочих, в сравнении с прошлым годом, несмотря на то, что количество

рабочих увеличилось. Так, одними домами отдыха будет охвачено 5000 чел. (16,5%, вместо прошлогодних 2982 чел. (12%).

Кассы взаимопомощи.

Москва, Ленинград, Урал говорят о неуклонном развитии касс взаимопомощи.

В Ленинграде (январь—апрель) более 900 тыс. рублей было выдано 48000 чел. Кассы имеют возможность перейти к 1/2% членскому взносу. Кассы имеют 212000 членов, против 113000 в январе 24 г.

На Урале в кассы взаимопомощи входит 65% общего количества членов профсоюзов.

в) Растраты в профорганах

Начиная с центральных организаций и кончая отдаленнейшими, идут сообщения о растратах в профорганах. Растраты — по ряду сообщений — самое страшное зло профорганов.

Для показательности приведем два следующие газетные сообщения: Москва.

Обследование ряда предприятий и союзов установило многочисленные случаи хищений и растрат на сумму свыше 100000 руб. Пленум МГСПС в связи с этим признал необходимым усилить внимание профсоюзов к финансовой работе фабзавместкомов, к деятельности ревизионных комиссий, применять самые решительные меры в отношении растратчиков и практически подойти к вопросу о разгрузке ФЗК от несвойственных последним функций.

По 37 организациям союза пищевиков растрчено 102000 руб. союзных денег. Всего было совершено 183 растраты 193 лицами. Среди растратчиков — 51 председатель и 51 секретарь завкомов.

Больше всего денег растрчено ленинградскими профсоюзными организациями.

Все растратчики были привлечены к ответственности.

Профессиональные массы горячо поддерживают решительную борьбу с растратами.

Борьба с ними начинает идти довольно активно. Как на типичный для многих организаций пример, укажем на постановление Харьковского ГСПС.

«1) Провести самую усиленную борьбу с случаями растрат и халатного отношения к союзным средствам, исключая виновных из членов союза и передавая их судебным властям. Просить прокуратуру об ускорении расследования дел таковых. 2) Установить финансовую отчетность во всех низовых профорганизациях по выработанным формам, для чего предложить Губотделам бросить свои бухгалтерские силы в низовые ячейки для инструктирования, из числа выбранных работников

выделить казначея, ответственного за все союзные средства. 3) Проводить по клубам показательные процессы над растратчиками (прот. през. от 27/V).

г) Союзные органы и конфликты на предприятиях

Общие сведения о забастовках и конфликтах.

Материалы с мест и сводки ОГПУ (главным образом) свидетельствуют, что за период март, апрель и май мес. число конфликтов в промышленных предприятиях прогрессивно возрастало как по числу забастовок, так и по их остроте и тенденции охватить главнейшие отрасли промышленности.

Так, если в феврале по СССР было 15 забастовок, то в последующие месяцы эта цифра все время возрастала, доходя в марте до 24, в апреле — тоже 24 и в мае до 22 (сведения за май далеко не полны).

По общему количеству забастовок на первом месте стоит текстильная промышленность (март — 3, апрель — 8, май — 10). За ней идет металлургическая промышленность (март — 4, апрель — 8, май — 4). Затем горная, химическая и др. отрасли промышленности (гл. образом, предприятия местной промышленности).

Происходившие забастовки большей частью имели своей причиной: ненормальности проводимой кампании повышения производительности труда — уплотнение рабочего дня и увеличение нагрузки), снижение расценок и повышение норм выработки, низкий уровень зарплаты и др.

В государственных предприятиях процент забастовок бывших без ведома, санкции и вопреки решению союзов доходит в 1923 г. до 96%, а в 1924 г. до 98,5%.

46% конфликтов (данные ВЦСПС) на государственных предприятиях, перешедших впоследствии в забастовку не являлись предметом обсуждения в руководящих профорганах.

Рассматривая отдельные сообщения парторганов о конфликтах наблюдаем следующую роль при этом профсоюзов (все сообщения взяты из прошедших забастовок и волынок).

Отрицательные моменты роли союзных органов в волнениях среди рабочих.

Ленинград. (Волнения у рабочих—строителей. Прот. № 33 от 9/V—25 г. Московско-Нарвск. района).

«Со стороны союза не было проявлено должной интенсивности к ликвидации волынки».

Москва (Волнения среди безработных).

«Профсоюзы не проводили необходимой работы среди безработных, особенно членов союза».

Москва (Матер. ГПУ забастовки в Москве из-за перевода на 3 станка).

Со стороны профорганов кампания по переходу на 3 станка была недостаточно подготовлена.

Владимирская орг-ция. (Итальянка в шлиф. хруст. зав. Гус. комбината).

а) «Ни профсоюз, ни хозяйственники не имели сколько-нибудь обоснованного представления о состоянии комбината»...

б) «Кампания по переходу на 3 станка была недостаточно подготовлена».

в) Завод им. Зудова (Гус. комбинат) (Забаст. из-за расценки).

«Вместо того, чтобы уладить конфликт, весь местком постарался разжечь рабочих».

Ив. Вознесенская орг-ция (Материал ГПУ).

Забастовочное движение показало недостаточно подготовленную кампанию по переходу на 3 станка...

...На Тейковской м-ре в числе требований рабочих было немедленное увольнение предфабкома...

...На ф-ке «Приволжская коммуна» было недовольство фабкомом.

...На Большой Кохомской мануфактуре одной из причин волнения являлась несработанность и неработоспособность фабкома.

Одесса. Завод с/х машин им. Петровского. «Инициатор забастовки — член през. союза металлистов».

Нижегородская ГК (Заб. среди плотников).

«Рабочком во время забастовки отсутствовал».

Киев (Волнения среди безработных. Пост. секр. ГК).

«Констатировать, что профсоюзы не проводили необходимой работы среди безработных, особенно среди членов союзов».

Положительная роль профсоюзов.

Свердловская орг-ция (и. о. I—III—25 г., конфликт союза строительных рабочих с Госстройконтрой).

Союз принимал участие в конфликтах (сравнительно небольших) и улаживал их.

Ив.-Вознесенская орг-ция.

а) На колбасных предприятиях города (Ив. Вознесенска) стачка рабочих прошла при участии союза. Хозяева пошли на уступки и подписали колдоговоры.

б) В Родниковском районе настроения рабочих было забастовочным. Профессиональные организации принимали все меры к их выявлению и устранению.

д) Роль членов партии в забастовках и волнениях

Помимо той значительной роли, которую не редко играли в волнениях среди рабочих бывшие члены партии, приходится наблюдать, что

нередко и действительные члены партии, кандидаты, не имея по тому или иному вопросу твердых представлений, или терялись, или шли по линии наименьшего сопротивления, т. е. поддерживая недовольство рабочих. Есть отдельные случаи, что члены партии стояли и во главе забастовочного движения.

Обзор материалов показывает следующее:

Московская орг-ция. Завод АМО (мат. ГПУ).

а) «Инициаторы забастовки (из-за снижения зарплаты), отдельные члены РКП(б).

б) Волнения среди рабочих на Нарофоминской ф-ке (переход на 3 станка) показали некоторую растерянность коммунистов и комсомольцев.

в) При волнениях среди безработных, вылившихся в демонстрацию, выявилось активное участие в демонстрации комсомольцев.

г) Фабрика «Красное Знамя» Егорьевского-Раменский трест.

Активное участие в забастовке принимали некоторые члены РКП, среди которых выделялся член фабкома.

д) Орехово-Зуевский трест. Канд. РКП на одной из ткацких фабрик написал заявление с требов. снижать ставки выборным лицам. Он собрал 78 подписей рабочих.

е) На Богородских фабриках во время забастовок, члены партии влияния на рабочие массы не имели и попыток оказать это влияние не проявляли.

Брянская организация

Завод «Профинтерн». Член РКП(б) призывал к забастовке: «довольно молчать, надо бросить работу, тогда о нас подумают».

Калужская орг-ция. При забастовке на Петровском механическом заводе в стачечный комитет вошли члены бюро ячейки РКП(б) и предзавкома.

Ленинград.

Во время забастовки строительных рабочих, занятых на работах по жилищному строительству, со стороны членов партии и кандидатов наблюдалось пассивное отношение к забастовке.

Ив.-Вознесенская орг-ция.

Во время забастовки на Тейковской ф-ке, отдельные ленинцы были в числе агитировавших за прекращение работ и мешали работать желающим. ГПУ сообщает, что среди инициаторов забастовки были и кандидаты РКП.

Нижний Новгород.

а) На постройке раб. поселка в Канавине бастовали 3 члена РЛКСМ.

б) Члены ячейки 3-да «Красная Этна», знавшие об анархических настроениях некоторых рабочих, не сообщали об этом в ячейку.

Самара. (Прот. совещ. секр.).

«Главными проводниками всех недовольств являлись члены партии».

Особенно показательный факт недисциплинированности членов партии мы имеем в Гусь-Хрустальном районе во время забастовки шлифовальщиков хрустального завода им. Бухарина.

«На закрытом партийно-комсомольском собрании, при обсуждении вопроса о создавшемся положении на хрустальном 3-де, выявилось полное непонимание членами партии политики партии. Например, говорили, что мы, рабочие от станка и видим безобразие и недостатки больше вас. Один ком. цехорга говорил, что он, мол, должен создавать себе авторитет среди рабочих, а раз так, то значит, не идти против них. Партсобрание постановило выйти всем на работу, где активно проводить среди рабочих агитацию за необходимость начать работу. Несмотря на это постановление, на другой день, из 80 членов ячейки, работало всего 5—6 человек. На вторичном рабочем собрании ни один из коммунистов ячейки не выступал за предложение секретаря райкома и в результате собрания было подтверждено постановление о продолжении забастовки. После этого бюро РК, вновь обсудив вопрос, признало правильным свои прежние решения (ни на шаг не отступать от заключенного договора), дало директиву секретарю ячейки заставить подчиняться постановлениям Бюро РК о выходе всех коммунистов на работу. Несмотря на это, 8 чел. отказались работать, и РК вынес постановление об исключении их из партии».

(Из доклада секретаря на Пленуме РК и партсобрании 7—8 мая).

V. Выводы

Анализ вышеприведенных данных позволяет сделать следующие основные выводы о работе и состоянии профсоюзов:

1. Последний год (с XII Съезда партии) дал ряд достижений, как по укреплению профорганов, так и улучшению их практической работы.

Значительным недостатком руководящих профорганов является то, что работа их часто недостаточно ориентируется на массовика-рабочего.

2. Руководство высших парторганов профсоюзами было в основном достаточным. Отрицательной стороной этого руководства является то, что оно больше всего затрагивало аппаратную сторону работы профсоюзов, экономически-производственную работу их и меньше всего их работу массовую и в области защиты интересов рабочих.

3. Следует отметить значительную работу, проводимую руководящими профорганами в области зарплаты (в основном не понизившейся) и инициативу их в области жилищного строительства, борьбы с безработицей и т. д. Необходимо усилить внимание, особенно парторганов, жилищной кооперации.

4. Крайне слабы, не оформлены и случайно работают, начиная с губотделов и кончая фабзавкомом фракции профорганов. Нередки случаи, когда работающие фракции присваивают себе функции парткомов или подменяют собой на практической работе профорган в целом.

5. Значительно хуже обстоит с низовыми профорганами. Отрыв их от масс, неумелый подход на практической работе к массе и зачастую боязнь ее, кабинетность и замкнутость в работе, плетенье в хвосте за хозяйственниками — отмечается многими организациями. Следствием такого положения является то, что зачастую рабочая масса не чувствует в фабзавкоме свою организацию.

6. Крупнейшим злом в работе низовых профорганов, частично вытекающим из отсутствия достаточной связи с массой, являются растраты профсоюзных средств. Многие организации уже стали на путь активной борьбы с этим.

7. Слабость низовых профорганов, отрыв их местами от широких масс наиболее ярко сказались в последний период, когда конфликты, имевшие место на ряде предприятий, а часто и требования, выдвигавшиеся рабочей массой, являлись для профорганов неожиданными.

8. Недостатки в работе низовых профорганов являются в значительной части результатом (наряду с недостатками по линии профсоюзного руководства) неправильного, зачастую одностороннего руководства ими со стороны ячеек, руководства, идущего, главным образом, по линии производственной и слабее всего по линии их массовой работы (массовое разъяснение проводимых мероприятий, систематическая защита интересов рабочих и т. д.). До сих пор продолжающиеся случаи подмены и оттирания ячейкой профоргана, особенно в цеху, попыток механического перенесения методов работы ячеек (при пере выборах, собраниях и т. д.) на фабзавкомы влияют также отрицательно на авторитеты низовых профорганов

И.о. заведующего п/отд. центральной
информации Информотдела ЦК
Ахманов

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 907. Л. 21—54. Заверенная машинописная копия.

ПО ЗАКОНАМ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Июнь—декабрь 1941 г.

Начало Великой Отечественной войны было крайне неудачным для Советского Союза. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, немецкие войска стремительно продвигались на Восток, окружая целые армии и захватывая в плен сотни тысяч красноармейцев. Опасаясь, что военные поражения могут поколебать веру советских людей в будущую победу, нарушить управление страной и вызвать панику среди населения, советское руководство приняло жесткие меры для предотвращения негативных явлений в армии и обществе.

Уже в первые дни войны на фронте проводятся аресты офицеров и генералов, на которых Сталин возложил ответственность за военные неудачи. В телеграмме от 7 июля 1941 г. начальнику Главного управления политпропаганды Красной Армии Л.З.Мехлису Сталин одобрил проведенные аресты, назвав их лучшим способом оздоровления фронта. Военные трибуналы выносили смертные приговоры, которые вступали в законную силу лишь после их утверждения Военной коллегией Верховного суда СССР. Таким образом, исполнение приговора затягивалось на неопределенное время. Поэтому на шестой день войны было решено упростить эту процедуру. Право утверждения смертных приговоров с немедленным приведением их в исполнение было предоставлено Военным советам фронтов (док. № 1). Но уже через 16 дней подобное право получили Военные советы армий и командиры корпусов (док. № 3), а еще через два месяца — командиры дивизий и комиссары (док. № 5). Таким образом, круг лиц, имевших право утверждать приговор Военного трибунала значительно расширился. (В начале войны было 5 фронтов, 26 армий, около 100 стрелковых и механизированных корпусов и 303 дивизии). За первые три с половиной месяца войны было расстреляно свыше 10 тысяч военнослужащих (док. № 6). Кроме того, в середине ноября 1941 г. еще 10645 человек, приговоренных к высшей мере наказания (ВМН), содержались под стражей в органах НКВД, ожидая утверждения приговоров. По существовавшим в то время правилам приговоры вступали в законную силу после их утверждения соответствующей коллегией Верховного суда, затем они рассматривались комиссией Политбюро по судебным делам и в случае положительного решения приговор утверждался постановлением ЦК ВКП(б). Только после этого осужденных расстреливали. 15 ноября 1941 г., когда немцы стояли у ворот Москвы, нарком внутренних дел СССР Л.П.Берия обратился в Государственный Комитет Обороны с просьбой разрешить немедленно расстрелять всех 10645 человек в обход существующих законов. Одновременно Берия просил предоставить право Особому совещанию НКВД СССР выносить приговоры по делам о преступлениях, предусмотренных 58-й и 59-й статьями Уголовного кодекса РСФСР. Причем, решение Особого совещания с этого времени являлось окончательным, т.е. не подлежало утверждению другими инстанциями (док. № 7). Через два дня Сталин подписал постановление ГКО, дословно повторявшее предложение наркома внутренних дел (док. № 9).

Получив в соответствии с постановлением ГКО № 903сс право выносить окончательные решения, Особое совещание широко этим пользовалось. Его заседа-

ния проводились регулярно от 4 до 6 раз в месяц. На каждом заседании рассматривались сотни дел. Так, в 1942 г. им были вынесены приговоры в отношении 77548 человек, в 1943 г. — 25134 человек (РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 33. Л. 1). Нарком внутренних дел Берия сообщал Сталину о результатах каждого заседания (см. док. № 11).

В ГА РФ имеются документы о рассмотрении Особым совещанием НКВД следственных дел с 1944 по 1950 год. Так, 5 января 1944 г. вынесены решения в отношении 560 человек, 8 января — 789 чел., 12 января — 558, 15 января — 654, 19 января — 533, 29 января — 617. При такой спешке (500—800 человек в день) о серьезном рассмотрении дел и установлении вины конкретного человека не могло быть и речи. Особое совещание было органом внесудебной расправы. Всего за 1944 г. Особым совещанием осуждено 27420 человек (Ф. 9401. Оп. 2. Д. 64. Л. 8—317; Д. 65. Л. 19—393; Д. 66. Л. 28—368; Д. 67. Л. 7—394; Д. 68. Л. 110, 168). В 1945 г. с января по май осуждено 10043 человека (Д. 92. Л. 113—325; Д. 93. Л. 232, 283; Д. 94. Л. 1—387; Д. 95. Л. 284, 331).

Подборка состоит из 10 документов, из которых только 1 публиковался ранее: справка заместителя начальника Управления Особых отделов НКВД СССР (док. № 6). Документы №№ 1—5 выявлены в фонде Верховного Совета СССР (ф. 7523) Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). Документ № 10 — заверенная копия докладной записки Берии Сталину о делах, рассмотренных Особым совещанием, содержится в фонде секретариата НКВД СССР (ф. 9401). Документы №№ 7 и 8 (докладная записка Берии с просьбой расширить права Особого совещания и справка о количестве приговоренных к расстрелу) являются копиями соответствующих документов и хранятся в фонде 89 Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ).

Публикацию подготовил кандидат исторических наук А.А.ПЕЧЕНКИН.

№ 1

Указ Президиума Верховного Совета СССР^а

Москва, Кремль

27 июня 1941 г.

№ 001/21сс

Совершенно секретно

Экз. № 1

О допущении изъятий из ст. 16

«Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий»^б

В изъятие из статьи 16 «Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий», предоставить военным советам фронтов в особо исключительных случаях, вызываемых развертыванием военных действий, право ут-

^а На бланке Президиума Верховного Совета СССР.

^б На документе имеется помета: «Утратил силу — Указ от 19.1.61 г. № 148/3».

верждения приговоров военных трибуналов с высшей мерой наказания с немедленным приведением этих приговоров в исполнение.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. Калинин¹

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. Горкин²

ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 67. Д. 4. Л. 15. Подлинник. Машинопись.

№ 2

Записка А.Я.Вышинского В.М.Молотову

12 июля 1941 г.

Совершенно секретно

Тов. Молотову В.М.³

Представляю Вам проект Указа Президиума Верховного Совета СССР, предусматривающий, что Военные советы армий и командиры корпусов могут в особо исключительных случаях утверждать приговоры военных трибуналов армий и корпусов к высшей мере наказания (расстрелу).

В настоящее время право утверждения этих приговоров имеют лишь Военные Советы фронтов.

В условиях, когда связь отдельных корпусов и армий с командованием фронта бывает затруднена, а иногда и временно прервана, это приводит к тому, что исполнение приговоров к высшей мере наказания крайне затягивается.

Проект Указа согласован с тт. Мехлисом⁴, Рычковым⁵ и Жуковым⁶ (НКО)^а.

А. Вышинский⁷

ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 67. Д. 4. Л. 17. Подлинник. Машинопись.

№ 3

**Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР
«О предоставлении Военным советам армий
и командирам корпусов права утверждения приговоров
военных трибуналов к высшей мере наказания»**

г. Москва, Кремль

13 июля 1941 г.

№ 001/24сс

**Совершенно секретно
(без опубликования)**

В дополнение к Указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1941 г. «О допущении изъятий из ст. 16 "Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий"» предоставить военным Советам Армий и ко-

---

^а На документе имеются резолюции: «За — Молотов» (синий карандаш), «За — Маленков⁸» (простой карандаш).

мандирам корпусов в особо исключительных случаях право утверждения приговоров военных трибуналов к высшей мере наказания с немедленным приведением этих приговоров в исполнение.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М.Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А.Горкин

ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 67. Д. 4. Л. 18. Подлинник. Машинопись.

№ 4

Записка А.Я.Вышинского В.М.Молотову

1 сентября 1941 г.

Совершенно секретно

Тов. Молотову В.М.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1941 года предоставлено Военным советам армий и командирам корпусов право утверждения приговоров Военных трибуналов к высшей мере наказания, с немедленным приведением этих приговоров в исполнение. В связи с упразднением Военных трибуналов при корпусах и созданием вместо них трибуналов при дивизиях, считаю целесообразным предоставить указанное право командирам и комиссарам дивизий.

Проект Указа Президиума Верховного Совета СССР прилагаю^а.

А.Вышинский

ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 67. Д. 4. Л. 55. Подлинник. Машинопись. Подпись Вышинского и резолюции Сталина^б и Молотова — автограф.

№ 5

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О предоставлении командирам и комиссарам дивизий права утверждения приговоров Военных трибуналов к высшей мере наказания»

Москва, Кремль

8 сентября 1941 г.^б

Совершенно секретно

В дополнение к указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1941 года «О допущении изъятий из статьи 16 Положения о Военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении,

^а На документе имеются резолюции, выполненные красным карандашом: «За — И.Ст[алин], «За — Молотов».

^б На документе имеется резолюция красным карандашом: «За — И.Сталин». Кроме того, в тексте Указа красным карандашом вычеркнуты слова «особо», «и при отсутствии связи с вышестоящим командованием...», «этих».

и в районе военных действий», предоставить командирам и комиссарам дивизий в особо исключительных случаях и при отсутствии связи с вышестоящим командованием право утверждения приговоров Военных трибуналов к высшей мере наказания, с немедленным приведением этих приговоров в исполнение.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. Горкин

ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 67. Д. 4. Л. 56. Подлинник. Машинопись.

№ 6

Народному комиссару внутренних дел СССР Генеральному комиссару государственной безопасности товарищу Берия¹⁰

[Октябрь] 1941 г.

Совершенно секретно

Справка

С начала войны по 10-е октября с.г. Особыми отделами НКВД и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла задержано 657364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта.

Из них оперативными заслонами Особых отделов задержано 249969 человек и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла — 407395 военнослужащих.

Из числа задержанных, Особыми отделами арестовано 25878 человек, остальные 632486 человек сформированы в части и вновь направлены на фронт.

В числе арестованных Особыми отделами:

шпионов	— 1505
диверсантов	— 308
изменников	— 2621
трусов и паникеров	— 2643
дезертиров	— 8772
распространителей провокационных слухов	— 3987
самострельщиков	— 671
других	— 4371
Всего	— 24878

По постановлениям Особых отделов и по приговорам Военных трибуналов расстреляно — 10201 человек, из них расстреляно перед строем — 3321 человек.

По фронтам эти данные распределяются:

<i>Ленинградский:</i>		
арестовано	—	1044
расстреляно	—	854
расстреляно перед строем	—	430
<i>Карельский:</i>		
арестовано	—	468
расстреляно	—	263
расстреляно перед строем	—	132
<i>Северный:</i>		
арестовано	—	1683
расстреляно	—	933
расстреляно перед строем	—	280
<i>Северо-Западный:</i>		
арестовано	—	3440
расстреляно	—	1600
расстреляно перед строем	—	730
<i>Западный:</i>		
арестовано	—	4013
расстреляно	—	2136
расстреляно перед строем	—	556
<i>Юго-Западный:</i>		
арестовано	—	3249
расстреляно	—	868
расстреляно перед строем	—	280
<i>Южный:</i>		
арестовано	—	3599
расстреляно	—	919
расстреляно перед строем	—	191
<i>Брянский:</i>		
арестовано	—	799
расстреляно	—	389
расстреляно перед строем	—	107
<i>Центральный:</i>		
арестовано	—	686
расстреляно	—	346
расстреляно перед строем	—	234
<i>Резервные армии:</i>		
арестовано	—	2516
расстреляно	—	894
расстреляно перед строем	—	157

Заместитель начальника управления
ОО НКВД СССР
комиссар гос. безопасности 3 ранга
*Мильштейн*¹¹

№ 7

Письмо наркома внутренних дел СССР Л.П.Берия И.В.Сталину

15 ноября 1941 г.

2865/с

Совершенно секретно

Государственный Комитет Обороны тов. Сталину

В республиканских, краевых и областных органах НКВД по несколько месяцев содержатся под стражей заключенные, приговоренные военными трибуналами округов и местными судебными органами к высшей мере наказания, в ожидании утверждения приговоров высшими судебными инстанциями.

По существующему ныне порядку приговоры военных трибуналов округов, а также верховных судов союзных, автономных республик и краевых, областных судов входят в законную силу только после утверждения их Военной коллегией и Уголовно-Судебной коллегией Верховного суда Союза ССР — соответственно.

Однако и решения Верховного суда Союза ССР по существу не являются окончательными, так как они рассматриваются комиссией Политбюро ЦК ВКП(б), которая свое заключение также представляет на утверждение ЦК ВКП(б), и только после этого по делу выносятся окончательное решение, которое вновь спускается Верховному суду, а этим последним направляется для исполнения НКВД СССР.

Исключение составляют местности, объявленные на военном положении, и районы военных действий, где указом Президиума Верховного Совета СССР от 27.VI-41 г. военным советам фронтов в особо исключительных случаях, вызываемых развертыванием военных действий, предоставлено право утверждения приговоров военных трибуналов с высшей мерой наказания, с немедленным приведением приговоров в исполнение.

В настоящее время в тюрьмах НКВД республик, краев и областей скопилось 10645 человек заключенных, приговоренных к высшей мере наказания, в ожидании утверждения приговоров по их делам высшими судебными инстанциями.

Исходя из условий военного времени, НКВД СССР считает целесообразным:

1. Разрешить НКВД СССР в отношении всех заключенных, приговоренных к высшей мере наказания, ныне содержащихся в тюрьмах в ожидании утверждения приговоров высшими судебными инстанциями, привести в исполнение приговоры военных трибуналов округов и республиканских, краевых, областных судебных органов.

2. Предоставить Особому Совещанию НКВД СССР право с участием прокурора Союза ССР по возникающим в органах НКВД делам о контрреволюционных преступлениях и особо опасных преступлениях против порядка управления СССР, предусмотренных ст. ст. 58-1а, 58-1б, 58-1в, 58-1г, 58-2, 58-3, 58-4, 58-5, 58-6, 58-7, 58-8, 58-9, 58-10, 58-11, 58-12, 58-13, 58-14, 59-2, 59-3, 59-3а, 59-3б, 59-4, 59-7, 59-8, 59-9,

59-10, 59-12, 59-13 Уголовного Кодекса РСФСР выносить соответствующие меры наказания вплоть до расстрела. Решение Особого Совещания считать окончательным.

Прошу Вашего решения.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
Л. Берия

Основание: ш/т вх. № 3541 из Уфы¹³.

РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 9. Л. 1—2. Копия. Машинопись.

№ 8

Народному комиссару внутренних дел СССР товарищу Берия

[Ноябрь] 1941 г.

Совершенно секретно

Справка о количестве арестованных,
приговоренных к ВМН, содержащихся в тюрьмах
НКВД-УНКВД в ожидании утверждения приговоров
Военной коллегией Верховного суда СССР

1. Северо-Осетинская АССР	—	796	человек
2. Хабаровский край	—	467	
3. Молотовская область	—	420	
4. Свердловская область	—	410	
5. Татарская АССР	—	400	
6. Казахская ССР	—	396	
7. Грузинская ССР	—	395	
8. Челябинская область	—	394	
9. Узбекская ССР	—	361	
10. Сталинградская область	—	356	
11. Приморский край	—	350	
12. Саратовская область	—	342	
13. Кировская область	—	320	
14. Дагестанская АССР	—	300	
15. Горьковская область	—	300	
16. Красноярский край	—	290	
17. Коми АССР	—	272	
18. Новосибирская область	—	269	
19. Архангельская область	—	268	
20. Московская область	—	265	
21. Азербайджанская ССР	—	243	
22. Куйбышевская область	—	235	
23. Краснодарский край	—	220	
24. Тамбовская область	—	214	
25. Иркутская область	—	200	
26. Омская область	—	182	человека
27. Чкаловская область	—	160	
28. Башкирская АССР	—	156	
29. Воронежская область	—	150	

30.	Пензенская область	—	150
31.	Вологодская область	—	144
32.	Алтайский край	—	143
33.	Читинская область	—	140
34.	Удмуртская АССР	—	120
35.	Ярославская область	—	118
36.	Ивановская область	—	113
37.	Кабардино-Балкарская АССР	—	99
38.	Бурят-Монгольская АССР	—	79
39.	Марийская АССР	—	70
40.	Рязанская область	—	63
41.	Киргизская ССР	—	60
42.	Таджикская ССР	—	55
43.	Мордовская АССР	—	50
44.	Армянская ССР	—	40
45.	Туркменская ССР	—	38
46.	Ростовская область	—	23

Всего: 10645 человек

Заместитель народного комиссара внутренних дел СССР
Кобулов¹⁴

РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 9. Л. 3—4. Копия. Машинопись.

№ 9

Постановление Государственного Комитета Оборона СССР

Москва, Кремль

17 ноября 1941 г.

№ 903 сс

Совершенно секретно

1. Разрешить НКВД СССР в отношении всех заключенных, приговоренных к высшей мере наказания, ныне содержащихся в тюрьмах в ожидании утверждения приговоров высшими судебными инстанциями, привести в исполнение приговоры военных трибуналов округов и республиканских, краевых, областных судебных органов.

2. Предоставить Особому Совещанию НКВД СССР право с участием Прокурора Союза ССР по возникающим в органах НКВД делам о контрреволюционных преступлениях и особо опасных преступлениях против порядка управления СССР, предусмотренных ст. ст. 58-1а, 58-1б, 58-1в, 58-1г, 58-2, 58-3, 58-4, 58-5, 58-6, 58-7, 58-8, 58-9, 58-10, 58-11, 58-12, 58-13, 58-14, 59-2, 59-3, 59-3а, 59-3б, 59-4, 59-7, 59-8, 59-9, 59-10, 59-12, 59-13 Уголовного Кодекса РСФСР выносить соответствующие меры наказания вплоть до расстрела. Решение Особого Совещания считать окончательным.

Председатель Государственного Комитета Оборона
И. Сталин^а

РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 14. Л. 101. Копия. Машинопись.

^а Выписки посланы: тт. Берия, Калинину, Сафонову¹⁵, Афанасьеву¹⁶.

№ 10

Докладная записка Л.П.Берия И.В.Сталину

Экз. № 2^а[Декабрь] 1944 г.
Совершенно Секретно

ЦК ВКП(б) Товарищу Сталину

Докладываю, что Особым совещанием при НКВД СССР 11 декабря 1944 года рассмотрено следственных дел на 609 человек, из них осуждено к расстрелу — 14 человек и к разным срокам наказания — 595 человек, в том числе членов семей изменников Родине — 87 человек.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
Л.Берия

Отпечатано 3 экз.

1 экз. адресату

2 экз. в Секретариат НКВД СССР

3 экз. в дело

Печатала Журкина

Исполнитель т. Иванов¹⁷

Верно: подпись неразборчива

ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 68. Л. 110. Заверенная копия. Машинопись.

Примечания

¹ Калинин М.И. (1875—1946) — в 1938—1946 гг. Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

² Горкин А.Ф. (1897—1988) — с 1938 по 1957 г. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР.

³ Молотов В.М. (1890—1986) — в 1941 г. заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, заместитель Председателя Государственного Комитета Обороны.

⁴ Мехлис Л.З. (1889—1953) — в 1941 г. начальник Главного управления политической пропаганды РККА, заместитель наркома обороны СССР, армейский комиссар 1-го ранга.

⁵ Рычков Н.М. (1897—1959) — в 1941 г. народный комиссар юстиции СССР.

⁶ Жуков Г.К. (1896—1974) — в 1941 г. начальник Генерального штаба РККА, заместитель наркома обороны СССР, генерал армии.

⁷ Вышинский А.Я. (1883—1954) — в 1939—1944 гг. заместитель Председателя СНК СССР, одновременно первый заместитель наркома иностранных дел СССР.

⁸ Маленков Г.М. (1902—1988) — в 1941 г. секретарь ЦК ВКП(б), начальник Управления кадров ЦК ВКП(б), член Государственного Комитета Обороны.

⁹ Сталин И.В. (1879—1953) — в 1941 г. Секретарь ЦК ВКП(б), Председатель СНК СССР, Председатель ГКО, Верховный Главнокомандующий, нарком обороны СССР.

^а На документе имеется помета: «Снятие копий без разрешения Секретариата НКВД СССР запрещается».

¹⁰ *Берия Л.П.* (1899—1953) — в 1938—1945 гг. нарком внутренних дел СССР, одновременно в 1941—1945 гг. член ГКО и заместитель Председателя СНК СССР. Генеральный комиссар государственной безопасности. 23 декабря 1953 г. приговорен к расстрелу по ст. 58 УК РСФСР.

¹¹ *Мильштейн С.Р.* (1899—1955) — комиссар государственной безопасности 3-го ранга. В 1940—1941 гг. начальник Главного транспортного управления НКВД СССР. В годы Великой Отечественной войны — заместитель начальника Управления особых отделов НКВД СССР. С апреля 1943 г. — начальник 3-го управления НКГБ СССР. Генерал-лейтенант (1945 г.). Приговорен к расстрелу по 58-й статье УК РСФСР.

¹² Шифротелеграмма из Уфы. В 1941 г. из Москвы в Уфу были эвакуированы архивы НКВД СССР и часть сотрудников наркомата.

¹³ *Кобулов Б.З.* (1904—1953) — в 1941 г. заместитель наркома внутренних дел СССР, затем первый заместитель наркома госбезопасности СССР. Генерал-полковник. 23 декабря 1953 г. приговорен к расстрелу по ст. 58 УК РСФСР.

¹⁴ *Сафонов Г.Н.* (1904—1972) — в 1941 г. заместитель Прокурора СССР. Впоследствии Генеральный прокурор СССР.

¹⁵ *Афанасьев Н.П.* — в 1941 г. заместитель Главного военного прокурора. Впоследствии Главный военный прокурор.

¹⁶ Журкина и Иванов — сотрудники НКВД СССР.

«В НЕБЕ ПРИБАЛТИКИ»

Воспоминания летчиков А.В.Козлова и В.М.Воронцова

Минуло 55 лет со времени окончания самой страшной войны в истории человечества. О ней много сказано и написано. Но архивные документы, поступающие на хранение в РГАНТД, до сих пор продолжают дополнять летопись победы над захватчиками. Из них, в частности, мы узнаем, какой огромный вклад внесла авиация дальнего действия в дело разгрома врага.

К началу войны в Военно-Воздушных силах (ВВС) не хватало новой техники, средств обслуживания и ремонта. На вооружении ВВС состояли боевые самолеты разных конструкций, большинство из которых имели малую скорость и слабое вооружение. Новые самолеты — МиГ-3, ЛаГГ-3, Як-1, Ил-2 и др. — по своим боевым возможностям не уступали самолетам фашистской Германии, а по некоторым показателям превосходили их. Однако поступление их в ВВС началось незадолго до войны, и к 22 июня 1941 г. их насчитывалось только 2739.

В первый период войны дальнебомбардировочная авиация (ДБА) привлекалась в основном для нанесения ударов по танковым группировкам врага, его артиллерии и пехоте в районах сосредоточения и на поле боя, по железнодорожным узлам и эшелонам, переправам и мостам. Такое применение дальнебомбардировочной авиации обуславливалось тяжелой обстановкой на фронтах, нехваткой сил фронтовой бомбардировочной и штурмовой авиации. Вместе с тем, дальнебомбардировочная авиация применялась и для нанесения ударов по крупным военно-промышленным и политическим центрам в глубоком тылу противника. Уже в начале войны самолеты ДБА совершали ночные налеты на морские порты и военные заводы Кенигсберга, Данцига, нефтеперегонные заводы Бухареста, военные объекты Хельсинки и др. городов.

В августе 1941 г. началась реорганизация ВВС. В дальней бомбардировочной авиации были ликвидированы управления авиакорпусов, а во фронтовой бомбардировочной и истребительной авиации в дивизиях сократилось количество авиационных полков. В ноябре началось создание ночной бомбардировочной авиации. В феврале—марте 1942 г. соединения дальнебомбардировочной авиации были реорганизованы в авиацию дальнего действия (АДД), которая подчинялась непосредственно Ставке Верховного главнокомандующего. К июлю 1943 г. боевой состав АДД насчитывал примерно 950 самолетов. В этом же году Военно-Воздушные силы прочно завоевали стратегическое господство в воздухе. В конце 1944 г. АДД была перестроена в Восемнадцатую воздушную армию и подчинена командованию ВВС.

Публикуемый материал знакомит читателя с архивными документами ветерана ракетно-космической техники (РКТ) А.В.Козлова, принимавшего во время войны непосредственное участие в боевых вылетах. Воспоминания написаны в соавторстве с его боевым командиром В.М.Воронцовым.

Ветеран РКТ Андрей Владимирович Козлов (1925 г. р.) в 1943 г. был призван в Красную Армию и воевал в 334-м дальнебомбардировочном авиационном полку, участвовавшем в освобождении Белоруссии и Польши, штурме Кенигсберга и Берлина. В 1955 г. закончил Ленинградскую Краснознаменную Военно-Воздушную инженерную академию им. А.Ф.Можайского, затем работал ведущим инженером

ГК НИИ ВВСР¹ (1954—1965). С 1965 по 1976 год проходил службу в воинской части, ставшей впоследствии Центром подготовки космонавтов им. Ю.А.Гагарина, в должности заместителя начальника отдела ЦПК. Работая в ЦПК, А.В.Козлов участвовал в испытаниях аппаратуры радиообеспечения поиска и жизнеобеспечения экипажей после посадки. В 1975 г. защитил кандидатскую диссертацию. После увольнения в запас в звании инженер-полковника, с 1978 по 1988 год А.В.Козлов работал во Всесоюзном научно-исследовательском институте химических средств защиты растений. Имеет правительственные награды.

Владимир Михайлович Воронцов родился в 1922 г. в г. Омске. Окончил школу летного обучения гражданского воздушного флота Среднеазиатского управления, после — школу высшей летной подготовки в Азербайджане, и оттуда направлен в полк авиации дальнего действия. Служил командиром дальнего бомбардировщика. Пройшел всю войну. В конце 70-х гг. вышел в отставку в г. Витебске в должности командира эскадрильи самолетов АН-12 военно-транспортной авиации. Скончался в 1999 г.

Воспоминания непосредственных участников сражений А.В.Козлова и его командира В.М.Воронцова «В небе Прибалтики» написаны в 1990-е гг. и рассказывают о наиболее запомнившихся боевых вылетах.

Публикацию подготовила Т.А.ГОЛОВКИНА.

А.В.Козлов, В.М.Воронцов

Осень 1944 года. Отгремели сражения операции «Багратион». Полностью освобождены Белоруссия и большая часть Литвы. 1-й Прибалтийский фронт полностью блокировал Рижскую и Курляндскую группировки фашистских войск, выйдя на побережье Балтийского моря между Либавой и Мемелем. 2-й и 3-й Белорусские фронты подошли вплотную к границам Восточной Пруссии, давнишнего оплота германской агрессии против народов Прибалтики и России.

Единственным путем, связывающим отрезанные группировки немцев с Германией, стало Балтийское море. При этом портовые города Рига, Виндава, Либава, Мемель, Кенигсберг, Пиллау, Данциг, Гдыня приобрели особое стратегическое значение как ворота морских коммуникаций противника.

Естественно, что они стали важными целями для нашей авиации дальнего действия, выполнявшей стратегические задачи непосредственно по заданиям Ставки Верховного Главнокомандующего.

Несколько крупных соединений АДД было сосредоточено на аэродромах освобожденной Белоруссии. И в то время, пока наземные войска, перейдя к обороне, перегруппировались, накапливая силы для новых ударов по врагу, начала свое наступление советская авиация. Фронтальная авиация и авиация Балтийского фронта наносили сокрушительные удары по наземным и морским целям вблизи линии фронта, а также по кораблям и конвоям на дальних просторах Балтики. А ночами, практически независимо от метеоусловий, сотни тяжелых воздушных кораблей с бомбами больших калибров на борту взлетали и брали курс на запад и северо-запад. Их целями были железнодорожные узлы и пор-

¹ ГК НИИ ВВСР — Государственный Краснознаменный научно-исследовательский институт Военно-Воздушных сил им. В.П.Чкалова.

ты Балтийского побережья от Риги до Гдыни. Выполнение задач командования по срыву стратегических перевозок противника требовало от летных экипажей, да и от всего личного состава частей АДД, полной отдачи сил, высокого напряжения и большой четкости в работе. Причинами этому были и сильнейшие противодействия противника, и сложные метеоусловия, характерные для осенней Прибалтики, и чрезвычайно высокие требования к точности бомбометания и жесткому выдерживанию времени пребывания над целью.

Противник организовал на подходах к обороняемым объектам мощный многослойный зенитный огонь всех калибров и патрулирование ночных истребителей. ПВО^а противника впервые широко применила радиолокационные станции для обнаружения наших самолетов на подходе к цели и для управления своими зенитными батареями и прожекторами. Поначалу, пока специалисты не разобрались в этих технических новинках противника, скажем прямо — приходилось нам тяжело. Почти каждый вылет приносил потери как у нас в полку, так и у соседей, с которыми приходилось встречаться и беседовать между боевыми вылетами.

Наш экипаж входил в состав сформированного в июне 1944 года 334[-го] бомбардировочного полка АДД, которым командовал подполковник В.И.Лебедев. Экипаж прошел специальный курс летной и боевой подготовки к самостоятельному выполнению боевых заданий. Экипаж был молодой, дружный, выносливый. Все его члены готовы были выполнить любое задание командования. В состав экипажа входили: командир корабля Владимир Воронцов, штурман Андрей Козлов, правый летчик Николай Быков, бортмеханик Александр Бушмин, бортрадист Виктор Бугаков, стрелок Виктор Драгунов, наземный механик Дмитрий Васин, мотористы Владимир Варнаков и Василий Колбенев.

Для того чтобы выполнить боевое задание ночью в сложных погодных и боевых условиях, от экипажа требовались твердые знания, хорошо отработанные профессиональные навыки, а также самообладание, выдержка и находчивость. Это помогало выходить с честью из любых ситуаций, которые могли сложиться в полете.

Прошло с тех времен уже почти 40 лет. Многое забылось, время стерло в памяти отдельные факты и детали, возможно перепутало кое-где последовательность событий. Ведь мы не вели тогда почти никаких личных записей. Только боевой боржурнал. Для заметок личного плана не оставалось времени, да и, трудно сейчас поверить, зачастую не было свободного клочка бумаги. Сохранились лишь отдельные заметки в тетрадях с училищными конспектами и на полях полетных карт. Единственный документ — старая летная книжка. В ней есть даты, маршруты, цели. Это очень помогает восстановить общую картину нашей жизни тех суровых времен. Ну, а некоторые наиболее яркие боевые эпизоды сохранились в памяти четко и, наверное, навсегда — до конца жизни.

---

^а ПВО — противовоздушная оборона.

Попытаюсь описать три наиболее запомнившихся полета, относящихся к этому периоду. Наш полк стоял тогда на полевом аэродроме близ города Сморгонь в Западной Белоруссии.

В один из дней начала октября было получено задание нанести бомбовый удар по причалам и кораблям в порту Мемель. Как обычно, когда мы с командиром, получив на КП^а задание, подошли на свою стоянку, подготовка нашей 421-й^б [боевая машина] была закончена. Приняв доклад правого летчика Коли Быкова, командир приказал всем членам экипажа приступить к предполетному осмотру рабочих мест, вооружения и оборудования. Вскоре с этим было закончено. Наступили томительные минуты ожидания. Все сидели на рабочих местах, потихоньку переговаривались, ждали разрешения на вылет. Все мысли сосредоточены на том, как лучше выполнить задание. Мысли об опасностях, подстерегавших в полете, отбрасываются на задний план. Наконец, вылет разрешен. Выруливаем, вклиниваемся в общую очередь и оказываемся у начала взлетной полосы. Скупое светят жестянки с горящим маслом. Короткий разбег, и ограничительные огни в конце полосы проваливаются вниз.

Сразу окунаемся в серую мглу. В наборе высоты ложимся на заданный курс. Все заняты своим делом, никаких лишних разговоров и суеты. Полное взаимопонимание без слов. Пробили вверх облачность на высоте около 3000 м. Выше нас облачность баллов 5—6, в просветах видны звезды. Внизу все глухо. Берусь за РПК^в «Бендикс». По пеленгу определяю — слева на травёрзе остался Каунас. Скоро должен быть уже берег моря. Все выше поднимаются гряды плотных облаков, формирующихся по его границе. Ага! Сквозь толщу облаков начинают просвечивать два багровых пятна. Это зарева от пожаров. Справа, севернее — Либава, слева — наша цель. Кто-то поработал там еще до нас. После краткого совещания принимаем решение: пробиться над морем под нижнюю кромку облаков, затем зайти на цель с запада визуалью. Володя Воронцов плавно переводит машину в снижение. На высоте около 900 м облачность кончается. Внизу свинцовые воды Балтики, багровые отблески зарева на воде. Красивая, но довольно мрачная картина. Разворот на 180 градусов, и снова в облака. Направление на цель летчики выдерживают по ГПК^г, высота 1300 м. Слабым, еле заметным снижением на малых оборотах двигателей выходим точно на порт.

Цель вижу ясно. Нажимая кнопки доворотов, сигнализирую командиру о величине и направлении необходимых поправок в боевой курс. Цель на курсовой черте прицела. Все отлично, сейчас сброс! Но вдруг — яркая вспышка. Светло до боли в глазах, как будто в кабине заработала электросварка. Видна каждая мельчайшая деталь, каждая заклепка. Кто-

---

^а КП — командный пункт.

^б 421-й — хвостовой номер самолета.

^в РПК — радиополукомпас.

^г ГПК — гиropолукомпас.

то кричит: «Рентген!» Да оно и так ясно — захватил прожектор. Сейчас последуют более «жесткие» меры — каждую секунду надо ожидать прицельного зенитного удара. Командир перешел полностью на пилотирование по приборам, иначе можно потерять пространственное положение и рухнуть на землю.

Времени на размышления нет, сейчас командир начнет резко маневрировать, чтобы вырвать самолет из лап прожектора. А заход уж больно хорош — цель «ползет» точно по курсовой черте и вот-вот будет в перекрестии. Принимаю решение бросать все 4 бомбы залпом. Тяну «на себя» рукоятку механического сбрасывателя. Самолет вздрогнул, бомбы пошли к земле. Командир начал энергичный противозенитный маневр — снижение с внезапными резкими изменениями курса. Но в лучах прожектора, когда за бортом ничего не видно, впечатление такое, что самолет «висит» на штурвале, не имея собственного движения. Наконец вырвались. Сквозь остекление видна окружающая обстановка. Ударил зенитка. Черная шапка справа — идем на нее, затем — слева, и снова нырок под нее. Так меньше шансов нарваться на прямое попадание. Высота все меньше и меньше. Докладывает стрелок: «Вижу разрывы наших бомб».

Отчетливо видны 4 разрыва на причалах. Среди пакгаузов и кранов начинается разгораться пожар. Не успели как следует «возрадоваться» удачному бомбометанию, как получили внезапно удар страшной силы снизу. Самолет аж заскрипел, но не развалился. Крепко сработали его ташкентские ремесленники. Спасибо им! Летчики вывели самолет в горизонтальный полет на высоте около 300 м в темной зоне над лесом восточнее города. Огонь зениток по нам прекратился. Отдышались, собрались с мыслями, взяли курс домой и стали думать, что же произошло? Наконец поняли! Ведь я сбросил залпом 4 бомбы с высоты, которая недопустимо мала для бомб этого калибра даже при одиночном сбрасывании. Вот и удар последовал заслуженный! Хорошо, что все обошлось благополучно! Но от командира мне все же досталось: «Думай обо всем, не забывая "мелочей", а главное, не спеши!»

Далее все было просто. Уточнили курс, на малой высоте перескочили линию фронта и визуально на высоте 200 м без приключений дошли до дому. Задание выполнили с оценкой «отлично». По данным разведки в эту ночь наш полк нанес фашистам в Мемеле большой урон в плавсредствах и живой силе.

Другой, ярко запомнившийся, вылет наш экипаж выполнял с этого же аэродрома, но уже значительно позже — в первых числах марта 1945 года, когда войска 3-го Белорусского фронта вплотную подошли к Кенигсбергу, отрезав на берегу залива Фриш-Гаф Хайльсбергскую группировку, а 2-й Белорусский фронт значительно западнее вышел на подступы к Данцигу. Нам была поставлена задача нанести удар по объектам в порту и городе Данциг. В качестве запасной цели были указаны верфи и скопление транспортных судов в устье реки Прегель на западной окраине Кенигсберга.

Вылетели рано, чтобы успеть набрать максимальную высоту до линии фронта, которую предстояло пересекать еще засветло. Летим строго на запад. Погода, что называется, «миллион на миллион». С высоты 5000 м видна почти вся прибрежная часть Восточной Пруссии, береговая черта, залив, коса — как гигантская панорама. Красиво! Но... опасно! Справа на траверзе, километрах в 50 от линии нашего пути, в сгущающейся темноте просматривается Кенигсберг. Пожары, взрывы. Его бомбят наши товарищи из других частей. Ну, а нам дальше, на запад! До цели еще далеко. Пользуясь хорошей видимостью и уточняя навигационные элементы полета и данные для бомбометания. Впереди по курсу, вблизи линии горизонта, мы увидели ряд необычайно сильных взрывов. Появляется и начинает разгораться зарево. Вскоре радист Виктор Бугаков, до этого сосредоточенно колдовавший над рацией, быстро прошел мимо меня и что-то взволнованно стал докладывать командиру. Следует команда: «Экипаж, идем на запасную цель. Штурман — курс?» Мгновенный расчет, и новый курс командиру выдан. Разворачиваемся на северо-восток и со снижением пересекаем Фриш-Гаф с угла на угол. За это время успеваю рассчитать новые данные для бомбометания.

Удачно выходим в район цели, уточняем и с высоты 2500 м укладываем свои две «пятисотки» в гущу барж, катеров и паромов.

В свете САБов^а, «повешенных» другими экипажами, видим, что цель поражена удачно. Резко снижаемся и на высоте 1000 м проносимся над черными громадами северной окраины Кенигсберга. Продолжая снижение, пересекаем линию фронта по реке Дайме и, вцепившись в железную дорогу, визуальным образом выходим в район Каунаса. Настраиваюсь на привод, и вскоре мы без всяких осложнений совершили посадку на своем аэродроме. Задание выполнено отлично. Значительно позже мы узнали, что Данциг бомбили англичане. Но они пришли на цель значительно раньше назначенного для них времени, и поэтому нам пришлось уйти на запасную цель. На этом направлении это был наш последний боевой вылет. Вскоре наш полк перелетел под Варшаву, где готовилось новое решающее наступление.

Были и неудачи. Однажды в декабре 1944 года получили боевое задание бомбардировать порт Либава. Подготовились. Взлетели хорошо. В районе аэродрома набрали 2500 м и взяли курс 307 градусов — прямо на цель.

По данным разведки над целью и вокруг нее установлены аэростаты заграждения на высотах до 4000 м. Надо набирать высоту, чтобы пройти над ними. Справа на траверзе остается Шауляй. Продолжаем набор. Дышать становится все труднее, а кислородными приборами наши самолеты не оборудованы. Хорошо, что мы тогда были молоды и с сердечно-сосудистыми болезнями не знакомы, даже теоретически. Тихо. Монотонно гудят моторы. Клонит в сон. Вдруг сирена и световой сигнал от стрелка Драгунова — «Истребитель слева». Нужно мгновенно развернуть самолет носом на противника. Это и делает командир в счи-

^а САБ — светящиеся авиабомбы.

таннные секунды. Во время разворота с левым креном Драгунов дал по истребителю очередь из УБТ^а, в кабине запахло порохом. Неприятно. И в это время «обрезал» левый мотор. Самолет резко повело влево, появилась сильная тенденция к снижению. Командиру и правому летчику пришлось мобилизовать все мастерство и приложить максимум сил, чтобы самолет не сорвался в штопор. Вывели машину в горизонтальный полет на высоте 600 м. На борту две «пятисотки». Аварийно их уже не сбросишь — мала высота, можно подорваться на собственных бомбах (зима, грунт твердый). «Штурман, время до дому?» — спрашивает меня Воронцов. После короткого расчета отвечаю: «45 минут». Идем со снижением и на высоте 200 м прибываем на свой аэродром. Отлично посадил командир самолет, как обычно, а ведь работал всего один мотор и на наружной подвеске болтались две «пятисотки». Зарулили на стоянку. Нас встретили взволнованный инженер эскадрильи и механик Дима Васин с мотористами. Через КП они уже знали, что мы ползем домой на одном движке. Закипела работа. Устанавливают стремянки, снимают капот с аварийного двигателя... Ну, а мы пошли докладывать... о невыполнении задания. Настроение — сами понимаете!.. Не успели отойти от своей стоянки и сотни метров, как услышали сзади какой-то необычный грохот, треск и скрежет. Оглянулись. Нос к носу с нашим самолетом стоит другой, такой же. Откуда? В чем дело? Бежим назад. Видим печальную картину. У нашей 421-й исковеркана левая плоскость, помята кабина, выбито остекление, лежат стремянки и капот. На земле стонет со сломанной рукой моторист Вася Колбенов, его сбросило с мотора. Наконец разобрались. Самолет из соседнего братского полка тоже пришел на одном моторе. Летчикам не удалось выдержать направление захода на посадку, и он с ходу сел «верхом» на наш самолет и развернулся на 180 градусов, оторвав нам левую, а себе правую плоскость. К счастью, этим и обошлось. Ни пожара, ни взрыва, ни жертв. Ну, а Вася Колбенов через три недели был снова в строю. Наш самолет пошел в капремонт, а нам через пару дней дали новый, с хвостовым номером 428, на котором мы выполнили еще целый ряд интересных полетов и закончили войну над Берлином.

РГАНТД. Ф. 176. Оп. 1. Д. 68.

---

^а УБТ — универсальный бортовой пулемет.

«КАЖДЫЙ ГОТОВ ВЫПОЛНИТЬ СВОЙ ДОЛГ ПО ЗАЩИТЕ СТРАНЫ»

Донесения военных атташе правительства Виши.
1941—1942 гг.

Французские документы периода Второй мировой войны, недавно возвращенные Франции и оставшиеся в России в фондах Российского государственного военного архива (РГВА) в виде микрофильмов, охватывают период с 1939 г. по 1942 г. В основном это донесения военных атташе при посольствах Франции в различных странах мира и разведматериалы 2-го бюро Генштаба французской армии.

Как известно, ровно за год до начала Великой Отечественной войны в Компьенском лесу, в знаменитом железнодорожном вагоне маршала Фоша, Франция подписала акт о капитуляции, что привело к гибели Третьей республики и вовлечению страны в гитлеровскую систему «нового порядка»¹. Советское правительство из стратегических соображений считало необходимым поддерживать официальные отношения с коллаборационистским правительством Франции, послом которого в Москве был Э.П.Лабонн, вручивший свои верительные грамоты в день капитуляции Франции. В ноябре 1940 г. в Виши был направлен в качестве советника полпредства и поверенного в делах А.Е.Богомолов.

В публикуемом материале 10 шифротелеграмм за май—июнь 1941 г. военного атташе посольства Виши в Москве подполковника Абрахама. Они находятся в деле, состоящем из его донесений (телеграмм, писем, отчетов, обзоров советской военной прессы) о военном, политическом, экономическом положении СССР, его внешней политике, о первых днях Великой Отечественной войны, Москве военной². Ниже публикуются все шифротелеграммы, содержащиеся в этом деле (док. №№ 1—10). Последняя была отправлена в Виши ранним утром 29 июня 1941 г. В этот день в 22 часа состоялась беседа заместителя наркома иностранных дел СССР А.Я.Вышинского с новым послом Франции Г.Бержери, заявившем о разрыве правительством Виши дипломатических отношений с СССР³. Самоуверенность вишистского дипломата, проявленная в беседе, объяснялась его убежденностью в поражении СССР в войне с Германией, которая подкреплялась сведениями, собранными военным атташе.

Вторая группа шифротелеграмм охватывает период с января по июнь 1942 г. и исходит от военного атташе французского посольства в Японии подполковника Тибо, снабжавшего французское военное министерство информацией о Японии, ее внешнеполитическом курсе, событиях в мире, и прежде всего, на Дальнем Востоке в 1939—1942 гг.⁴ Тибо остался на своем посту и после установления режима Виши

¹ См.: Парчевский К.К. Французская катастрофа: война и перемирие в Париже. 1939—1941 // Вопросы истории. 1999. №№ 6, 7.

² РГВА. Ф. 198. Оп. 2. Д. 482. Л. 1—208.

³ См.: Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Сб. М., 1983. Т. 1. С. 44—46.

⁴ РГВА. Ф. 198. Оп. 9а. Д. 11661. Л. 1—385. Дело было изучено немецкими архивистами, о чем свидетельствует подшитая к нему аннотация на 4 страницах, составленная в январе 1944 г. и имеющая штамп поступления в немецкий архив 30 ноября 1944 г.

во Франции, дослужившись до чина подполковника. Это было совсем не случайно, доказательством является его мнение о голлистском движении и франко-английских отношениях (док. № 13). В его телеграммах нашли отражение попытки Германии склонить Японию к активным боевым действиям на Дальнем Востоке, факты балансирования Японии на грани развязывания войны с СССР, опасения американско-английского вмешательства. Именно об этом публикуемые ниже телеграммы (док. №№ 12—16). Они служат важным дополнением к уже известным документам в сборнике «Великая Отечественная» из серии «Русский архив»⁵.

Между этими двумя блоками документов хронологически вписывается отчет военного атташе в Швейцарии полковника Шовэна о его беседе с помощником немецкого военного атташе (док. № 11). Этот бывший кадровый офицер-кавалерист, «обожавший Гитлера и Геринга, но не испытывавший никакой симпатии к национал-социализму», изложил Шовэну мнение гитлеровских военных о первых днях советско-германской войны. В них не только эйфория от казавшейся им совсем близкой победы, но и те верно подмеченные особенности войны, «удивившие» и «огорчившие» их, которые и превратили ее в Великую Отечественную.

Вводимые в научный оборот документы военных представителей Виши публикуются в хронологической последовательности. Ссылка на фонды дается в конце каждой группы документов. Слова, подчеркнутые в документах, выделены курсивом.

Публикацию подготовила и перевела документы С.С. ПОПОВА.

Шифрованные телеграммы военного атташе посольства Франции в СССР подполковника Абрахама в военное министерство правительства Виши

№ 1

г. Москва

Отправлена 18 мая 1941 г. в 12 час. 18 мин.

Получена 18 мая 1941 г. в 17 час. 30 мин.

Расшифрована в 21 час.

Передана 19 мая 1941 г. в 8 час. 30 мин.

*в кабинет штаба армии и в штаб армии —
2 бюро, вх. № 6964.*

№ 656

Секретно

1) Посол¹ сегодня телеграфирует в МИД в Виши по поводу ограничительных мер, принятых Советским правительством в отношении поездок членов дипломатических миссий в СССР².

Запрещено посещать много обширных районов и городов. Практически это означает невозможность покинуть пределы Москвы. Эта мера наводит на мысль, что осуществление мобилизации и сосредоточения войск находится в своей самой активной фазе.

⁵ См.: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30—40-е годы. Документы и материалы. Т. 7(1). М., 1997. В сборнике опубликовано 28 документов из фонда военного министерства Франции, в том числе 6 документов из д. 11661. Имеются опечатки в указании номеров описей и листов.

2) Письмо солдата своим родителям доказывает, в противовес официальной лжи от 9 мая³, что уже [идет переброска]^a транспорта с Дальнего Востока к западным границам.

3) Согласно сведениям японского военного атташе в Москве⁴, на восточных границах сейчас находится от 140 до 150 немецких дивизий.

4) Немецкие школы в Москве в этом году закроются 1 июня, а не в июле, как обычно.

№ 2

г. Москва

Отправлена 13 июня 1941 г. в 19 час. 47 мин.

Получена 13 июня 1941 г. в 23 час. 25 мин.

Расшифрована в 1 час.

Передана в штаб армии, 2 бюро 14 июня 1941 г. в 08 час. 30 мин., вх. № 8291

№ 574

Секретно

Ответ на телеграмму № 4861-2/ЕМА-SM

Никто мне до сих пор не подтвердил сведений о массовом прибытии немецких специалистов в СССР. Некоторое их количество там уже находится, в частности, в Ленинграде. Получить уточнения за пределами Москвы мне становится невозможным. Даже наш посол не получил разрешения на поездку в Ленинград.

Советские круги обеспокоены, и кто может, запасается продуктами. Приняты меры по ограничению пожаров, могущих возникнуть в результате авиабомбардировок.

По сведениям турецкого военного атташе⁵ призывы большого числа резервистов будут распространяться на контингент 1910—1917 годов рождения, будет продолжаться эвакуация людей из пограничных зон.

Предположительные сведения о верховном командовании.

Похоже, что Тимошенко⁶ вновь в тени. Лично я не удивлюсь, если Сталин однажды возьмет в свои руки руководство армией. Простое предположение.

№ 3

г. Москва

Отправлена 14 июня 1941 г. в 17 час. 15 мин.

Получена 14 июня 1941 г. в 20 час. 30 мин.

Передана в штаб армии, 2 бюро (3 экз.)

15 июня 1941 г. в 08 час. 30 мин., вх. № 8364

№ 676

Секретно

Вчера вечером наш посол имел встречу с послом Италии⁷ вскоре после его беседы с немецким послом⁸. Сегодня же он направит в министерство иностранных дел телеграмму о ситуации в целом с просьбой сообщить ее в военное министерство.

^a Документ поврежден по краям.

Я считаю, однако, своим долгом направить вам также следом телеграмму о моем первом впечатлении от Сообщения ТАСС⁹, появившегося в советской прессе этим утром.

Это странное Сообщение, в основном, как кажется, свидетельствует только о том, что Сталин если и не готов полностью капитулировать перед Гитлером, то, по крайней мере, склоняется к тому, чтобы попытаться выиграть время.

Несмотря на объяснение, что резервисты призваны сейчас на обычный учебный сбор, как это делается каждый год, фактом остается то, что в СССР никогда, как сейчас, не было на военной службе шести миллионов человек, если не больше.

№ 4

г. Москва

Отправлена 14 июня 1941 г. в 17 час. 15 мин.

Получена 15 июня 1941 г. в 0 час. 15 мин.

*Передана в штаб армии — 2 бюро в 08 час. 30 мин.
(3 экз.) вх. № 8362*

Секретно

В продолжение телеграммы № 676

Следует также запомнить признание о том, что железные дороги с военной точки зрения прошли испытания¹⁰.

Это Сообщение, суть которого находится в противоречии с действительным положением дел, мне кажется, в любом случае является не только спорным ловким маневром, но и свидетельствует о глубокой растерянности перед возможностью нападения Германии на СССР.

Читая это Сообщение, человек из народа дал понять крайне выразительными словами и жестами, что самый властный человек в Москве заболел от страха.

№ 5

г. Москва

Отправлена 19 июня 1941 г. в 08 час. 14 мин.

Получена 19 июня 1941 г. в 15 час.

Расшифрована 19 июня 1941 г. в 4 часа.

Передана 19 июня 1941 г. в 8 час.

в кабинет министров (2 экз.), кабинет штаба армии (1 экз.), штаб армии — 2 бюро (3 экз.), зарегистрирована в штабе армии — 2 бюро 20 июня 1941 г., вх. № 8628

Секретно

[...]^a

В качестве новых доказательств, заставляющих думать, что нападение Германии на СССР все более вероятно, я вижу:

^a В конце документа содержится следующее примечание: «11 строк отсутствуют в 1-й части телеграммы, для нее было запрошено повторение (не подавались расшифровке)». См. док. № 6.

— полное молчание в немецкой прессе о советском Сообщении от 14 июня, свидетельствующем о желании продолжать хорошие отношения с Рейхом;

— явное отсутствие германо-советских бесед как в Берлине, так и в Москве;

— внезапный отъезд жен дипломатов стран Оси из Москвы.

Немецкая операция на Крите, мне кажется, главным образом подчеркивает простое прикрытие готовящихся боевых действий против СССР.

Несмотря на угрозу неизбежного конфликта, в Москве и вокруг нее, кроме мер предосторожностей против угрозы воздушного нападения, нет сейчас никаких видимых симптомов, что страна приведена в боевую готовность.

По правде говоря, в масштабе возможностей СССР все уже почти сделано.

№ 6

г. Москва

*Отправлена 20 июня 1941 г. в 14 час. 30 мин.
Получена 20 июня 1941 г. в 18 час. 30 мин.
Расшифрована в 1 час. Передана 21 июня
1941 г. в штаб армии — 2 бюро (3 экз.)
в 8 час. 30 мин., вх. № 8691*

Секретно

1-я часть телеграммы, переданной без номера 20 июня 1941 г. в 7 час.

Из хорошего источника.

1) Генерал Falkenhorst¹¹ сообщил якобы недавно в миссии одной нейтральной страны, что Германия заинтересована в нападении на СССР, чтобы вести долгую войну и чтобы избежать неприятностей от бездеятельности армий.

Кроме того, он высказал мысль, что, в конце концов, для Англии и даже Америки, может быть, и не будет ничего плохого.

2) В дипломатических кругах Берлина говорят о 23 июня как дате развязывания военных действий против СССР.

№ 7

г. Москва

*Отправлена 21 июня 1941 г. в 11 час. 53 мин.
Получена 21 июня 1941 г. в 13 час.
Расшифрована в 18 час. 15 мин.
Передана 21 июня 1941 г. в 18 час. 45 мин.
в кабинет военного министра (2 экз.),
кабинет штаба армии (1 экз.), 2 бюро (3 экз.)*

№ 480^a

Секретно

Очень срочно

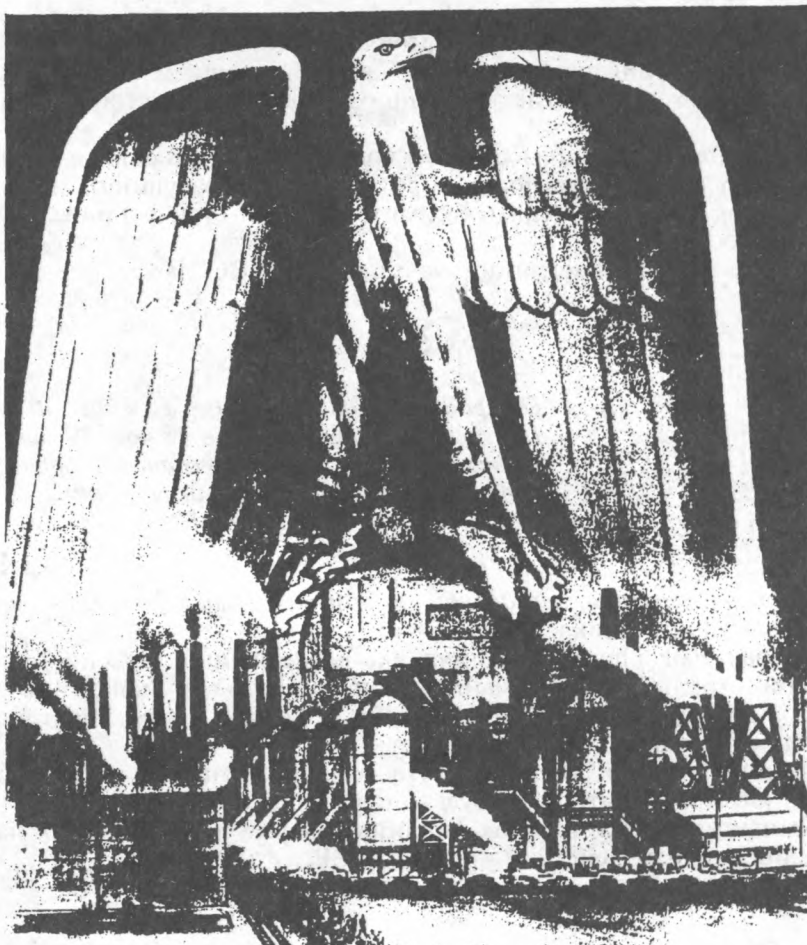
Из серьезного источника.

Германия нападет на СССР сегодня или завтра.

^a № телеграммы указан ошибочно.

P 89

Под защитой германского орла

**Новая Европа работает во
имя свободы и нового порядка**

Становись и ты в ряды борцов за строительство новой жизни!

Beschreibung umseitig

Обложка пропагандистской брошюры из Каталога печатных изданий, заказывавшихся немецкой службой пропаганды для распространения на оккупированных территориях СССР.

P 89*Bild umseitig*

Kennwort: **Deutscher Adler**

Format: 42 × 59,4 cm

Farbausführung: Mehrfarbig

Sprachen: Russisch, Ukrainisch, Weißruthenisch

Einsatz: Allgemeiner Einsatz in den besetzten Ostgebieten, insbesondere zur Arbeiteranwerbung

Übersetzung des Textes: Im Schutze des deutschen Adlers arbeitet das neue Europa für Freiheit und neue Zukunft. Reihe dich ein in diese Aufbaufront!

*Bestell-Nr.:***P 89**

Обратная сторона обложки брошюры, с указанием ее названия, содержания, условий издания и распространения.

№ 8

г. Москва

*Отправлена 25 июня 1941 г. в 03 час. 05 мин.
Получена 25 июня 1941 г. в 16 час. 35 мин.
Расшифрована в 18 час. 15 мин.
Передана 25 июня 1941 г. в 19 час. 30 мин.
в кабинет министра (1 экз.), в кабинет
штаба армии (1 экз.), в штаб армии —
2 бюро (3 экз.) вх. № 8979, в Адмиралтейство
(1 экз.), в Военно-воздушные силы (1 экз.)*

№ 691^а**Секретно**

1) В русских военных кругах считают, что мобилизация классов 1905—1918 годов призыва позволит дать около 10 млн солдат. Мое мнение, что перемещение мобилизованных значительно помешает стратегическим перевозкам и снабжению армий.

2) Я вчера [...] ^ботдел внешних сношений, чтобы выразить желание получать более широкую информацию, чем простые коммюнике штаба. Полковник Г, хоть и улыбался, но не казался достаточно уверенным в будущем. Он дал понять о своих сожалениях, что СССР не смог выиграть время с помощью переговоров.

Учитывая всеобщее молчание с середины мая по поводу Тимошенко, посчитали полезным приукрасить истинное положение дел, сохранив его портрет в кабинете полковника Г.

3) В Москве в эту ночь была воздушная тревога со стрельбой боевыми снарядами. Все население приняло это за немецкую бомбардировку. Пресса сегодня утром с запозданием сообщила, что это было учение.

Столица сохраняет свое нормальное лицо. Население удивительно спокойно. Его моральное состояние хорошее.

4) Турецкий военный атташе выразил мне свою радость по поводу начала военных действий между Германией и СССР, желание истощения двух противников.

№ 9

г. Москва

*Отправлена 26 июня 1941 г. в 1 час 08 мин.
Получена 26 июня 1941 г. в 6 час. 45 мин.
Расшифрована в 8 час. 45 мин.
Передана 26 июня 1941 г. в 9 час. 43 мин.
во 2 бюро штаба армии (3 экз.), вх. № 8983*

№ 692

Секретно

1) Японский военный атташе предполагает, что Красная Армия дала сражение на самих границах с использованием 50—60 пехотных ди-

^а Телеграмма № 690 от 22 июня 1941 г. опубликована в сб. «Москва военная. 1941—1945. Мемуары и архивные документы» (М., 1995. С. 43).

^б Сноска в документе: «Слово, забытое шифровальщиком». Вероятно, «посетил».

визий, и что столько же пехотных дивизий находится сейчас на укрепленной позиции прежней западной границы.

Имеет место движение большого количества транспорта с Дальнего Востока к западным границам. На Дальнем Востоке остается, вероятно, менее 25 дивизий.

У меня такое впечатление, что японский военный атташе предвидит использование Японией в ближайшем времени этой ситуации^a.

Он считает, что СССР не сможет вооружить десять миллионов мобилизованных резервистов. Может быть, мобилизация позволит сформировать около пятидесяти новых дивизий, но они получают старую боевую технику.

Будет особенно не доставать противотанковых огневых средств.

Посол США¹² в разговоре с нашим послом подтвердил это мнение.

2) Мои личные предположения:

Понемногу русские будут вынуждены отступать на позиции прежней границы, о которой Ворошилов¹³ в августе 1939 г. сказал нам, что она очень надежная.

Может быть, они смогут попытаться приостановиться в Латвии, используя Двину как препятствие между Дриссой и Ригой.

Мне кажется, за прежней границей Днепр, от Орши до Черного моря, будет единственным препятствием, которое позволит им оказать еще одно серьезное сопротивление. Судьба кампании может решиться там.

№ 10

г. Москва

Отправлена 29 июня 1941 г. в 5 ч. 01 — 5 ч. 02 мин.

Получена 29 июня 1941 г. в 12, 17, 17 ч. 15 мин.

Расшифрована 29 июня 1941 г. в 19 час. 30 мин.

Передана 29 июня 1941 г. в 20 ч. 40 мин. в кабинет министра (2 экз.), в штаб армии — 2 бюро (3 экз.), вх. № 9220, в штаб Военно-воздушных сил — 3 бюро (1 экз.), в Адмиралтейство — 5 бюро (1 экз.)

№ 696

Секретно

1) Шведский военный атташе¹⁴ предполагает, что командование Красной Армии хочет любой ценой оказать сопротивление на позициях прежней границы (за исключением крючка Рига-Дрисса), на которой сейчас может находиться около 70 дивизий.

Все заставляет думать, что вынужденное отступление к востоку от линии Днепра поставит Красную Армию в катастрофическую ситуацию.

Однако он считает, что война будет продолжаться к востоку от Волги.

2) Болгарский военный атташе¹⁵ определяет приблизительную численность вооруженных сил на сегодня:

^a На полях сделана запись карандашом: «Томоровеану дал мне понять, что Япония вполне может напасть на русских». Подчеркивания также сделаны карандашом. Последняя фраза выделена на полях.

с немецкой стороны: 220 дивизий, к которым надо добавить 15 финляндских, 25 румынских, 20 венгерских;

с русской стороны: 150 дивизий, многие из которых имеют только по одному артиллерийскому полку.

3) Шведский и болгарский военные атташе слышали, что Ворошилов якобы вновь возглавит командование Красной Армии.

4) Регулярно продолжается мобилизация людей и повозок конной тяги, но медленными темпами (6-й день). У резервистов очень спокойный вид.

Никакого открытого проявления народного энтузиазма, несмотря на интенсивность политической пропаганды в прессе, на радио, с помощью афиш. Некоторые члены партии признают, что немецкая техника намного превосходит русскую. Однако впечатление такое, что каждый готов выполнить свой долг по защите страны.

Маскировочная дисциплина в Москве безукоризненная.

РГВА. Ф. 198. Оп. 2. Д. 482. Л. 123—125; 127—132, 193. Микрофильм. Пер. с франц.

№ 11

Письмо военного атташе посольства Франции в Швейцарии полковника Шовэна главнокомандующему наземными войсками, министру, госсекретарю по военным вопросам, в штаб армии — 2-е бюро, Виши

№ 503

4 июня 1941 г.

Мнение немцев

Имею честь направить Вам отчет о вечере, проведенном мной вчера с капитаном фон Освальдом, помощником военного атташе немецкой миссии, которого я пригласил на обед [...]

Ниже я излагаю в общих чертах его личное мнение по различным вопросам.

Русско-немецкая война

Германия считает, что справится с СССР за 10 недель (с 22 июня по 1 сентября). Потом вскоре после этого последует предложение мира Англии, но нет сомнения, что завоевания России будет недостаточно к побуждению Англии на благоприятный ответ, если оно не будет сопровождаться угрозой наступления либо на Суэцкий канал и Египет, либо на Индию.

Немцы констатировали не без удивления, что русский солдат блестяще сражается, что его боевое снаряжение очень современное и, в общем, хорошего качества. Кадровый состав и особенно высшее командование, напротив, откровенно более низкого качества.

Был отдан приказ расстреливать немедленно *всех* армейских комиссаров, которые могут быть захвачены в плен.

Германия испытала серьезное разочарование, не увидев, что русское население не встало в тылу советских войск. «Напротив, — сказал капитан фон Освальд, — даже население балтийских стран создавало трудности Рейхсверу».

Что касается иностранных добровольцев (французов, испанцев, датчан и т.д.), которые желают сражаться с Советами, капитан фон Освальд думает, что Германия не примет их помощи¹⁶ [...]

Шовэн

РГВА. Ф. 198. Оп. 2. Д. 587. Л. 214—215. Копия. Микрофильм. Пер. с франц.

Шифрованные телеграммы военного атташе
посольства Франции в Токио подполковника Тибо
в военное министерство правительства Виши

№ 12

г. Токио

*Отправлена 20 января 1942 г. в 19 час. 30 мин.
Получена 20 января 1942 г. в 14 час. 50 мин.
и 15 час. 30 мин. Передана в штаб армии —
2-е бюро (3 экз.) 21 января 1942 г. в 8 час.
30 мин., вх. № 888*

№ 14—15—16

Секретно

1. Вчера объявлено о подписании нового военного пакта между Японией, Германией и Италией. Оно в общем трактуется как окончательное оформление программы совместных действий на будущую весну¹⁷.

2. Очень серьезный информатор к тому же сообщил мне, что японская армия решила начать военные действия против России весной. Эту операцию оправдывают озабоченностью нейтрализовать единственную точку, откуда может исходить военная угроза для Японии.

Я считаю, что японская армия в состоянии предпринять это наступление при условии, что не будет на это никакой реакции со стороны англо-американских войск на юге.

Россия, кажется, способна оказать очень серьезное сопротивление, но японские военные круги опьянены сегодняшними успехами до такой степени, что готовы предпринять что угодно.

3. В противовес этому видению, финансовые круги в состоянии депрессии, в течение нескольких дней цены на бирже падают, карточная система широко распространяется на все виды товаров. Продукты первой необходимости трудно найти, магазины пусты [...]

№ 13

г. Токио

Отправлена 16 марта 1942 г. в 9 час.

с № 42 по 49 включительно^a

После получения Вашей телеграммы № 156 ЕМА/2 — S.M. от 12 марта я [нанес визит] в японский штаб.

^a Машинописная копия.

В отличие от моих предыдущих демаршей, во время которых я не мог добиться никаких интересных сведений, сегодня я получил особенно дружественный прием и без труда добился информации, которую рассматриваю вполне искренней.

Я смогу через несколько дней сообщить Вам более подробные сведения, но уже сейчас считаю долгом проинформировать Вас о результатах моей беседы.

1. Русское правительство к весенним операциям будет располагать в общей сложности 173 пехотными дивизиями, 31 кавалерийской дивизией и 20 танковыми дивизиями, к которым следует добавить общий резерв в 100 дивизий, из них только 50 экипированы.

Воздушная армия насчитывает от 6 до 7 тысяч самолетов.

2. Из этого общего количества следует вычесть армию на Дальнем Востоке, которая включает 20 пехотных дивизий, 3 дивизии и 1 бригаду кавалерии, 7 танковых бригад, из них три только что преобразованы в дивизию, и 1000 самолетов.

Организацию и дислокацию этих соединений должны мне сообщить через несколько дней.

3. Развитие конфликта. Мой собеседник считает, что если немецкое весеннее наступление завершится успехом, то в России разразится революция, которая приведет к падению режима.

На мои вопросы о возможности русско-японского конфликта он ответил, что Маньчжурская армия очень настаивает на развязывании общего наступления, но что, несмотря на очевидную заинтересованность в такой операции, Япониям трудно было бы продолжать свои усилия на юге и атаковать на севере.

Он надеется, что объединенные успехи Японии на юге смогут привести к крушению Британской империи.

4. Мой собеседник спросил меня о голлистском движении и об отношении Франции к Англии. Я ему ответил, что это движение можно считать мертвым и что позиция англичан по отношению к нам и, в частности, бомбардировка Булони значительно изменили наши чувства и уничтожили все симпатии к этой стране, но что сегодняшнее положение Франции не позволяет ей принимать активное участие в мировом конфликте.

5. Заключение. Я вынес из этой беседы впечатление, что Япония, в соответствии с общей позицией держав Оси, прилагает все усилия, чтобы заполучить наше доброе отношение и, в частности, впервые за долгое время выражает нам некоторое доверие.

Несмотря на легкие успехи, сегодняшнее положение Японии особенно прочным не кажется [...]

№ 14

г. Токио

*Отправлена 7 мая 1942 г. в 21 час. 45 мин.
Расшифрована в 1 час. Получена 8 мая
1942 г. в 8 час. 30 мин. Передана 8 мая
1942 г. в штаб армии — 2 бюро (3 экз.) в
кабинет штаба армии (1 экз.), вх. № 4250*

№№ 32, 33, 34

Секретно

Primo: Военный министр по-прежнему откладывает ответ на мою просьбу о поездке в Маньчжурию. Офицер генштаба, с которым я под-

держиваю дружеские отношения, дал мне, однако, понять, что даже военным атташе стран Оси не разрешено сейчас посещать этот район и что стоит лучше подождать, «когда ситуация прояснится».

У меня такое впечатление, что Япония, очень опасаясь, как бы Советы не передали авиационные и морские базы в распоряжение США в Восточной Сибири, осуществила приготовления, которые позволят ей перейти в наступление в самые кратчайшие сроки. Это наступление будет откладываться, пока сами Советы будут соблюдать пакт о ненападении¹⁸.

Я по-прежнему придерживаюсь точки зрения, изложенной в телеграмме от 16 марта, параграф 3, что японцы не способны приступить на юге к операциям какого-либо масштаба одновременно с развязыванием враждебных действий против Восточной Сибири, что могло бы привести к очень опасному вмешательству США в этом районе против собственно Японских островов.

Возможно также, что японцы осторожничают с Советами в надежде на новый шантаж с резким изменением позиций и заключением с Германией сепаратного мира [...]

№ 15

г. Токио

*Отправлена 28 мая 1942 г. в 4 час. 10 мин.
Получена 28 мая 1942 г. в 16 час.
Расшифрована 28 мая 1942 г. в 18 час. 25 мин.
Передана 28 мая 1942 г. в 19 час. 30 мин.
в штаб армии — 2 бюро (4 экз.)^а,
штаб армии-кабинет (1 экз.),
Госсекретариат Военно-воздушных сил (1 экз.)*

№ 30

Секретно

Для Военно-воздушных сил

[...] 5. По отношению к Сибири позиция выжидательная. Никто из противников не желает сейчас ввязываться в войну. Японцы ждут ощутимых результатов битвы на немецком фронте в России [...]

№ 16

г. Токио

*Отправлена 24 июня 1942 г. в 9 час. 20 мин.
Получена 25 июня 1942 г. в 2 часа 10 мин.
Расшифрована в 3 часа.
Направлена 25 июня 1942 г. в 8 час. 30 мин.
в штаб армии — 2 бюро (4 экз.)^б, кабинет
штаба армии (1 экз.)*

№№ 3—4—5—6—7

Секретно

Параграф 1. В течение нескольких дней циркулируют упорные [слухи] о ближайшем выступлении Японии против советских войск на

^а Печать поступления во 2-е бюро штаба армии отсутствует.

^б Нет печати поступления в штаб армии. Имеется печать: «Смотрел зам. нач. штаба».

Дальнем Востоке. Подтверждением такой гипотезы служат следующие факты:

1) недавно собрался совет бывших премьер-министров, а после предыдущих собраний следовали обычно важные решения,

2) немцы, опираясь на многочисленных сторонников в японской армии, в течение многих недель оказывают очень сильное давление на японское правительство, желая его склонить к решению напасть на Советы,

3) Восточная Сибирь — театр военных действий, представляющих наименьшие трудности в сегодняшних обстоятельствах.

Действительно, успех операций на других театрах войны требует использования многочисленного транспорта. А сейчас каждый день появляются подтверждения того, что американцы нанесли тяжелые потери японскому торговому флоту, недостаточность тоннажа которого с начала войны подчеркивалась самими японскими властями.

С другой стороны, войска, действующие на юге, заплатили тяжелую дань тропическими болезнями, а сезон дождей делает практически невозможными на долгие недели операции в этом районе.

Параграф 2. Этим аргументам сторонники сохранения мира с Советами противопоставляют свои аргументы:

1) сведения, полученные из Германии, плохие, и бесполезно заниматься противником, который далеко еще не побежден и реальные силы которого на Дальнем Востоке неизвестны,

2) Япония должна сконцентрировать все свои силы на том, чтобы завершить дело в Китае [...]

3) наступление в Сибири рискует привести к американской интервенции и сделать Японию досягаемой для авиабомбардировок.

Параграф 3. Я не могу указать, какая из этих двух партий добьется своего решения, но я вновь заявляю Вам, что все приготовления уже давно реализованы и что конфликт может разразиться со дня на день без всякого его предзнаменования.

РГВА. Ф. 198. Оп. 9а. Д. 11661. Л. 278, 279, 286, 287, 290, 291, 300, 301, 307, 330, 332. Микрофильм. Пер. с франц.

Примечания

¹ Имеется в виду *Бержери Гастон* — посол правительства Виши в Москве с 26 апреля 1941 г. по 30 июня 1941 г. (сменил на этом посту Э.П.Лабонна). В 1924 г. был начальником кабинета министров в правительстве Э.Эррио, депутат парламента, сыграл важную роль в установлении дипломатических отношений Франции с СССР, во время «странной войны» во Франции один из активных «пораженцев». В беседах с В.М.Молотовым, А.Я.Вышинским, послом СССР во Франции А.Е.Богомоловым Бержери неоднократно излагал внешнюю политику правительства Петэна (См.: Документы внешней политики. 1940 — 22 июня 1941 г. М., 1998. Сб. Т. 23. Кн. II (ч. 2). С. 631—633; 639—641, 686—688).

² 16 мая 1941 г. наркоминдел СССР направил послу Франции в СССР вербальную ноту с указанием районов и городов СССР, которые за пределами 50-километровой зоны от Москвы запрещалось посещать сотрудникам иностранных посольств, консульств, миссий. Абрахам в письме военному министру Виши от 23 мая 1941 г., к которому приложил перевод этой ноты, прокомментировал ее так: «Москву теперь можно считать концлагерем для дипломатов» (РГВА. Ф. 198. Оп. 2. Д. 482. Л. 189—192).

³ Речь идет об Опровержении ТАСС от 9 мая 1941 г. информации, появившейся в японской печати, о концентрации крупных военных сил СССР на западных границах и переброске туда войск с Дальнего Востока (См.: Документы внешней политики 1940 — 22 июня 1941 г. Т. 23. Кн. II (ч. 2). С. 663—664).

⁴ Японский военный атташе в Москве в это время — полковник Ямаока.

⁵ Возможно, Томоровеану.

⁶ *Тимошенко С.К.* (1895—1970) — маршал Советского Союза (1940), нарком обороны СССР (с мая 1940 до июля 1941); в 1941—1942 гг. главнокомандующий Западного и Юго-Западного направлений, в 1941—1943 гг. — командующий войсками Западного, Юго-Западного, Сталинградского и Северо-Западного фронтов.

⁷ Посол Италии в Москве в это время — Россо Аугусто.

⁸ Посол Германии в Москве в 1935—1941 гг. — фон Шуленбург Ф. Через А.Россо французскому послу Г.Бержери, вероятно, стало известно о вручении в этот день В.М.Молотовым Шуленбергу Сообщения ТАСС от 13 июня 1941 г., опубликованного в советской печати 14 июня.

⁹ ТАСС в этом «печальном знаменитом» Сообщении заявило, что слухи о близости войны между СССР и Германией, которые муссируются в иностранной прессе, — «неуклюже состряпанная пропаганда враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны» (Документы внешней политики... С. 734—735).

¹⁰ В пункте 4 Сообщения ТАСС заявлялось, что проверка железнодорожного аппарата, как и летние сборы запасных частей Красной Армии и предстоявшие маневры, — плановые мероприятия, осуществляемые каждый год (Документы внешней политики... С. 735).

¹¹ Falkenhorst — возможно, сотрудник немецкого посольства в Москве.

¹² *Штейнгардт Лоуренс А.* — посол США в Москве в первый период войны. «Его панические донесения в Вашингтон о том, что советская столица не устоит под напором гитлеровской армии, что советский фронт распадется, стали широко известны» (Громыко А.А. Памятное. Кн. 1. М., 1988. С. 304).

¹³ *Ворошилов К.Е.* (1881—1969) — нарком по военным и морским делам обороны СССР с 1925 г. до мая 1940 г., с 1940 г. — зам. председателя СНК и председатель Комитета обороны при СНК СССР.

¹⁴ Сведения не обнаружены.

¹⁵ Сведения не обнаружены.

¹⁶ Под Смоленском сражался 6-тысячный «антибольшевистский легион» французских добровольцев. Но судя по показаниям одного из них, Жан-Марка Коломба, вернувшегося во Францию из-за отморожения ног в марте 1942 г., это был легион наемников, участие которых в боевых действиях в составе немецкой армии щедро оплачивалось. Вот что сообщил, в частности, Коломб вишистским властям: «Денежное содержание было в размере 200 франков во Франции каждые 10 дней и 30 злотых (соответственно 300 франков по денежному курсу) в Польше и России, также каждые 10 дней. Плюс к этому, моя жена и ребенок получали каждый месяц 2160 франков. Кроме того, нам полагается надбавка за участие в боях в размере 600 франков в месяц. После моего освобождения мне была обещана премия в размере 5000 франков, из которых я уже получил 1000 франков» (РГВА. Ф. 198. Оп. 9а. Д. 23178. Л. 28—31).

¹⁷ В дополнение к Соглашению от 11 декабря 1941 г. об обязательстве совместных военных действий против США и Англии Германия, Италия и Япония заключили 18 января 1942 г. военное Соглашение о размежевании зон операций.

¹⁸ 13 апреля 1941 г. в Москве был подписан советско-японский пакт о нейтралитете сроком на 5 лет. 5 мая 1945 г. он был денонсирован Советским правительством, т.к. Япония систематически его нарушала, и с 9 августа 1945 г. оно считало себя в состоянии войны с Японией.

«ДЛЯ ВЫСЕЛЕНИЯ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ НАПРАВИТЬ ЧАСТИ НКВД»

Документы о проведении спецоперации по депортации
народов ЧИ АССР. 1943—1944 гг.

Демократические преобразования в СССР на рубеже 1980—1990 гг. позволили сделать достоянием гласности многие исторические события нашего прошлого, о которых длительное время умалчивалось. К их числу относится и депортация отдельных народов и этнических групп. Документы рассматриваемой темы длительный период находились под грифом «Совершенно секретно», «Разглашению не подлежит», поэтому не удивительно, что данная проблема до настоящего времени остается недостаточно изученной в отечественной истории.

В условиях сложной общественно-политической и криминогенной обстановки на Северном Кавказе особую актуальность приобретает вопрос о роли и месте войск «силовых министерств» в межнациональных и вооруженных конфликтах. Следует заметить, что эта проблема остается наименее исследованной применительно к событиям 40-х гг. в Чечено-Ингушской АССР. Фрагментарность использованных в последние годы источников, их субъективистские толкования сформировали множество противоречий и разночтений в истории органов и войск НКВД СССР периода Великой Отечественной войны. Не всегда дается объективная оценка их реального вклада в общую победу над немецко-фашистскими захватчиками. Некоторые результаты исследований, оценок и выводов являются дискуссионными и односторонними.

Далеко не последнее место в негативной оценке деятельности войск НКВД¹ в годы войны связано с именем Л.П.Берия². И хотя при авторитарном режиме эти войска неоднократно привлекались для депортации народов и этнических групп, думается, что подобная одномерная оценка не соответствует истине. При этом важно учитывать, что войска наркомата внутренних дел действовали не по своей воле, как это пытаются представить некоторые авторы, а выполняли решения высших орга-

---

¹ К войскам НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны относились: пограничные, конвойные, оперативные (с января 1942 г. — внутренние), по охране тыла действующей Красной Армии, по охране железных дорог, по охране особо важных предприятий промышленности, линий правительственной «ВЧ» связи. Все они, кроме пограничных, обобщенно именовались внутренними войсками или назывались по своему предназначению.

² Берия Л.П. (1899—1953) — в годы Великой Отечественной войны, заместитель председателя ГКО СССР, нарком внутренних дел СССР (с 25.11.1938 г.) и заместитель председателя СНК СССР (с 3.02.1941 г.). Маршал Советского Союза (с 9.07.1945 г.). На заседании Президиума ЦК КПСС 26.06.1953 г. арестован. 23.12.1953 г. Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. Не реабилитирован.

нов государственной власти. Другой вопрос, какими методами они проводили спецоперации, чтобы в установленные сроки выполнить правительственные задания.

В данной публикации автор преследует цель — раскрыть механизм действий войск НКВД СССР при проведении спецопераций по борьбе с бандитизмом на территории ЧИ АССР в годы Великой Отечественной войны, принудительному выселению чеченцев и ингушей, ознакомить читателей с новыми документами по этой сложной проблеме.

После выселения советских немцев (сентябрь—октябрь 1941 г.) не пришлось долго ждать очередной волны принудительных переселений. 11 февраля 1943 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) был рассмотрен вопрос депортации. Ни один член Политбюро не выступил против выселения «провинившихся» народов. Разногласия появились только при определении сроков проведения спецоперации³.

Согласно постановлению ГКО № 5073 основанием для выселения чеченцев и ингушей, наряду с другими причинами, явилось их участие в банддвижении. Действительно, масштабы бандитизма в республике были значительными (30 % от общего числа задержанных бандитов и их пособников на Кавказе в годы войны). Только 141-м стрелковым полком войск НКВД, выполнявшим задачи по борьбе с бандитизмом на территории Чечено-Ингушетии, с ноября 1941 г. по май 1943 г. было ликвидировано 55 бандгрупп численностью 973 чел., задержан 1901 бандит и их пособник (см. док. № 1). Вместе с тем, в годы Великой Отечественной войны эта проблема была актуальной не только для ЧИ АССР, но и для всех республик и краев Кавказского региона.

Для выселения чеченцев и ингушей предполагалось направить 96073 военно-служащих наркомата внутренних дел⁴. «Предложения по вопросу сосредоточения войск НКВД» (см. док. № 2) заместитель наркома внутренних дел по войскам А.Н.Аполлонов⁵ представил Л.П.Берии для утверждения 13 декабря 1943 г. По линии органов госбезопасности и внутренних дел выделялось 19000 оперработников. Доставку личного состава в Чечено-Ингушетию намечалось провести в три очереди.

Из общего числа участвовавших в спецоперации войск наркомата внутренних дел 41% дислоцировалось на Кавказе. Вывод однозначен. Ведомство Берии, начиная с февраля 1943 г., постепенно наращивало воинский контингент в указанном регионе. К этому периоду относится и образование Северо-Кавказского округа внутренних войск НКВД СССР. При этом следует обратить внимание на то, что прибытие войск первой очереди в Чечено-Ингушетию (37125 чел.) намечалось к 25 декабря 1943 г., т.е. почти за два месяца до начала спецоперации. Около половины из них (17115 чел.) было расквартировано на Кавказе, имело «практический опыт» проведения карательных акций, приобретенный при выселении немцев и карачаевцев. Именно этим частям НКВД предстояло под предлогом предстоящих учений войск Северо-Кавказского военного округа скрытно провести необходимые подготовительные мероприятия.

³ На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 11 февраля 1943 г. В.М.Молотов, А.А.Жданов, Н.А.Вознесенский и А.А.Андреев выступили за немедленную ликвидацию Чечено-Ингушской АССР. К.Е.Ворошилов, Л.М.Каганович, Н.С.Хрущев, М.И.Калинин и Л.П.Берия предложили провести депортацию «провинившихся» народов после изгнания немцев из страны (См.: Родина. 1990. № 6. С. 32).

⁴ РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 607. Л. 37—48.

⁵ Аполлонов А.Н. (1907—1978) — в годы Великой Отечественной войны начальник Главного управления внутренних войск НКВД СССР, заместитель наркома внутренних дел НКВД СССР. Генерал-полковник. 7.12.1953 г. уволен из рядов Вооруженных Сил СССР по болезни.

Значительная часть войск третьей очереди прибытия была направлена в Чечено-Ингушетию из Калмыкии, где они проводили спецоперацию по выселению калмыков (28–31 декабря 1943 г.)⁶. Из всех войск НКВД, привлечавшихся к насильственному выселению чеченцев и ингушей, около 70 % до этого уже участвовали в проведении аналогичных акций.

В начале 1944 г. завершилась разработка основных нормативных документов по выселению чеченцев и ингушей. 21 января 1944 г. Берия утвердил инструкцию по конвоированию спецконтингента, переселяемого по особым указаниям НКВД СССР, а 29 января инструкцию о порядке проведения выселения чеченцев и ингушей⁷. 3 февраля И.А. Серовым⁸ была утверждена временная инструкция коменданту станции погрузки⁹.

Учитывая численность выселяемого контингента, а также особенности рельефа местности, вся территория ЧИ АССР была разделена на 4 оперативных сектора. В каждом из них старшим оперативным начальником являлся офицер органов госбезопасности, на которого возлагалась вся ответственность за подготовку и проведение спецоперации. Одним из его заместителей назначался офицер внутренних войск, который отвечал за подготовку частей к проведению акции по депортации.

Спецоперацию намечалось провести в два этапа. В начале планировалось выселение из равнинных районов (3 дня) с охватом свыше 300 тыс. человек. Потом отводилось время на передислокацию дополнительной численности войск в горные районы (до 7–9 тыс. военнослужащих и около 2000 оперработников в каждый оперативный сектор). Выселение 150 тыс. чеченцев и ингушей из горных селений предполагалось провести за 4 дня. Всего на проведение спецоперации отводилось 8 дней¹⁰.

Руководители спецоперации опасались возможных выступлений чеченцев и ингушей. В связи с этим в каждом районе выселения были созданы вооруженные войсковые резервы. В их составе находились артиллерийские и минометные батареи, мотопехотная техника, горнострелковые и другие специальные подразделения¹¹.

31 января 1944 г. судьба чечено-ингушского народа была решена. Согласно постановлению ГКО № 5073 они подлежали депортации в Казахскую и Киргизскую ССР. 21 февраля Берия издал приказ № 00193 о переселении чеченцев и ингушей¹². 22 февраля завершилась работа по подготовке командно-оперативного состава к проведению спецоперации. К указанному сроку были сформированы оперативно-войсковые группы, в каждую из которых входили один оперработник и два бойца войск НКВД. Такие группы должны были одновременно выселять 4 семьи. Для проведения арестов легализованных бандитов, фашистских пособников и других антисоветски настроенных элементов выделялись специальные опергруппы, из расчета одна группа на 2 чел., подлежащих аресту¹³.

⁶ РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 13. Л. 92.

⁷ Там же. Ф. 38660. Оп. 1. Д. 129. Л. 55–64.

⁸ Серов И.А. (1905–1990) — в годы Великой Отечественной войны заместитель наркома внутренних дел СССР. В 1954–1963 гг. председатель КГБ СССР, начальник Главного разведывательного управления Минобороны СССР. В 1965 г. уволен из рядов Вооруженных Сил СССР по болезни.

⁹ РГВА. Ф. 38660. Оп. 1. Д. 3. Л. 285–302.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 9401 с/ч. Оп. 2. Д. 64. Л. 67.

¹¹ РГВА. Ф. 38660. Оп. 1. Д. 3. Л. 280–282.

¹² См.: Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». М., 1992. С. 10.

¹³ РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 129. Л. 56–57.

Спецоперация на территории Чечено-Ингушской АССР началась в два часа ночи 23 февраля 1944 г. Если учесть, что в ночное время суток не выселяли, следовательно, за один день 23 февраля в роли выселенцев оказалось более 300 тыс. человек, т.е. практически все чечено-ингушское население, проживавшее на равнинной территории республики. В этот день не обошлось без применения оружия и арестов. Об этом телеграфировал Берия: «...Имели место 6 случаев попытки к сопротивлению со стороны отдельных лиц, которые пресечены арестом или применением оружия. В связи с операцией лиц арестовано 842 чел.»¹⁴. Всего же в ходе выселения было арестовано 2016 чел. из числа чеченцев и ингушей, изъято огнестрельного оружия 20072 единицы¹⁵.

Исследование архивных документов показало, что особые трудности войска НКВД испытывали при выселении жителей горных селений. В силу большого снегопада и бездорожья в горных аулах Галанчежского района после окончания спецоперации, по оперативным данным, оставалось не выселенным 6 тыс. чеченцев. Берия потребовал вывезти их к станциям погрузки в течение двух дней, однако реально это указание выполнить было крайне сложно. Дополнительные войсковые подразделения (3452 чел.), автомобили (635 шт.) так и не смогли своевременно прибыть в отдаленные горные аулы. Там находились только те войсковые подразделения, которые прибыли туда еще до проведения спецоперации. Об этом свидетельствует составленная автором таблица¹⁶.

Таблица

Наименование подразделений и частей НКВД	Количественные показатели личного состава, вооружения и транспортных средств							
	Войска	Оперсостав	Пулеметы	Винтовки	Минометы	Автомашинны	Конский состав	Повозки
137-й СП, 173-й ОСБ, 4-я рота 141 ГСП ¹⁷	1677	621	267	915	10	20	96	52

Данные таблицы показывают, что имевшихся у войсковых частей транспортных средств было недостаточно для перевозки выселяемых из горных аулов Галанчежского района. Даже если предположить, что для этих целей использовался имевшийся в колхозах подвижной состав, то этими транспортными средствами можно было лишь подвезти людей к более доступным горным аулам, где находились сборные пункты. Недостаточность сил и средств для проведения спецоперации не позволили войскам провести выселение в установленные сроки. Оно было начато только 28 февраля.

В настоящее время в печати развернулась дискуссия по поводу выселения указанной части жителей годных аулов Галанчежского района. Ряд авторов утверждают, что войска НКВД из-за невозможности вывезти чеченцев из с. Хайбах,

¹⁴ Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1919—1952 годы. М., 1993. Т. 2. С. 82.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 9401 с/ч. Оп. 2. Д. 64. Л. 161.

¹⁶ РГВА.Ф. 38660. Оп. 1. Д. 2. Л. 109—110; Д. 3. Л. 1—1об., 126—126об., 280—282.

¹⁷ СП — стрелковый полк; ОСБ — отдельный стрелковый батальон; ГСП — горно-стрелковый полк.

Дзумсой и др., сгоняли их в сарай, поджигали и расстреливали¹⁸. Есть воспоминания очевидцев тех давних событий. Не получили широкой огласки и результаты письменного обращения в 1956 г. Д.Мальсагова к первому секретарю ЦК КПСС Н.С.Хрущеву о событиях в с. Хайбах. Одной из попыток раскрыть данную проблему явилась работа комиссии в составе 6 должностных лиц Чечено-Ингушской АССР, которая в августе 1990 г. обследовала указанное место трагедии и составила акт об обнаружении останков погибших. Однако это не внесло окончательной ясности в события далекого прошлого. К сожалению, в открытых для исследования архивных делах фонда 9401 с/ч («Особая папка» Сталина) пока не обнаружено материалов, которые могли бы приоткрыть завесу секретности над тем, как выселяли жителей горных аулов. Ясно одно, что данная проблема требует дальнейшего обстоятельного изучения.

Некоторые публицисты, такие, например, как А.Базоркина, утверждают, что существовала личная инструкция Берии — «остающихся на местах уничтожать»¹⁹. Ю.Айдаев²⁰ в одной из книг опубликовал, без ссылки на архивный источник, документ следующего содержания:

Совершенно секретно

«Наркому внутренних дел СССР
тов. Л.П.Берия

Только для ваших глаз, ввиду нетранспортабельности и в целях неукошнительного выполнения в срок операции «Горы» вынужден был ликвидировать более 700 жителей в местечке Хайбах.

Полковник
Гвишиани»²¹

Действительно, комиссар госбезопасности 3-го ранга М.М.Гвишиани являлся оперативным начальником по выселению чеченцев и ингушей в Галанчешском районе. Вместе с тем, длительный период работы с архивными материалами в РГВА, ГА РФ, ЦА ВВ МВД РФ позволяет сделать вывод о том, что указанных документов в открытых фондах до настоящего времени обнаружить не удалось.

¹⁸ Уралов А. (Авторханов А). Убийство чечено-ингушского народа: народоубийство в СССР. М., 1991; Преловская И. Преступление войск НКВД при изгнании чеченцев и ингушей зимой 1944-го // Известия. 1992. 14 марта; Ходжаев Д. Геноцид // Так это было. Т. 2. 1993. С. 170; Бицоев С.Э. Инквизиция // Там же. С. 180—184; Поляновский Я. Ничей // Известия. 1998. 6 марта; Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М., 1997. С. 354; Дементьева И., Медовой И. Казнь в колхозе имени Берии // Общая газета. 1999. № 8. С. 15; Дементьева И. Мертвая петля Кавказской войны: Ермолов — Берия — Грачев. Как сжигали чеченцев в ауле Хайбах 55 лет тому назад // Общая газета. 1999. № 8. С. 1, 15 и др.

¹⁹ См.: Базоркина А. Терпение // Так это было. Т. 2. 1993. С. 108.

²⁰ Айдаев Ю. Хайбах — аул, которого нет // Чеченцы: история и современность. М., 1996. С. 275.

²¹ Гвишиани М.М. (1906—1966) — в годы Великой Отечественной войны начальник УНКВД—УНКГБ Приморского края. Звание генерал-лейтенанта присвоено 9.07.1945 г., Приказом МВД СССР № 0776 от 24.08.1953 г. уволен в запас по ст. 54, пункт «с» (по служебному несоответствию).

В открытых для исследования архивных делах Российского государственного военного архива выявлен другой документ за подписью М.М.Гвишиани — «Докладная записка о результатах операции по переселению чеченцев и ингушей по Галанчезскому району ЧИ АССР». 5 марта 1944 г. этот доклад был направлен генерал-полковнику А.Н.Аполлонову (док. № 3). В нем, в частности, говорится: «По указанию руководства операция по переселению жителей района началась с 28 февраля, а в 6 сельсоветах 29 февраля. ...Подлежало переселению 7026 чел., ...переселено 7163 чел. ...По справкам и предписаниям НКВД-НКГБ ЧИ АССР арестовано — 30 человек, убито — 18 человек (подлежавших аресту). ...Оперработников было 621 чел., из них 486 чел. принимали участие в операции по сельсоветам, остальные действовали на сборных пунктах. До операции и во время операции в районе имели место несколько перестрелок наших войск с бандами. В результате убито 18 человек. ...Из числа переселяемых в пути умерло и убито 19 человек»²².

Несомненно, это один из немногих документов, который позволяет приоткрыть завесу секретности по данной проблеме. Из текста следует, что выселили всех, даже больше взятых на учет как выселенцев. Не указывается о расстрелах и сожжениях людей. Вместе с тем, указанный документ показывает, что войска и оперработники наркомата внутренних дел при выселении людей из горных аулов действовали жестоко. Возможно, более достоверные данные о проведении спецоперации в горных аулах Галанчезского района Чечено-Ингушетии могут быть изложены в других документах, что позволит выявить неизвестные страницы этой трагической истории.

В публикуемых документах, выявленных в фондах 38650, 38660 Российского государственного военного архива (РГВА), представлены материалы, характеризующие сложную общественно-политическую и криминогенную обстановку в Чечено-Ингушской АССР в годы Великой Отечественной войны. Ценность вводимых в научный оборот материалов состоит в том, что они затрагивают практически не изученный и не освещенный в литературе механизм действий войск НКВД в спецоперациях по насильственному выселению чеченцев и ингушей из горных районов в феврале 1944 г. Мало что известно и о проблеме морально-политической подготовки военнослужащих (см. док. № 4), их участия в борьбе с бандгруппами на территории ЧИ АССР. Слова, подчеркнутые в документах, выделены курсивом.

Публикацию подготовил доктор исторических наук В.П.СИДОРЕНКО.

№ 1

Начальнику внутренних войск НКВД СССР
генерал-майору Шередега¹

Доклад
о результатах деятельности 141-го стрелкового полка
ВВ НКВД на территории Чечено-Ингушской АССР
за период с 25 октября 1941 года по 1 июня 1943 года^а

26 июня 1943 г.

Совершенно секретно

За период своей деятельности на территории ЧИ АССР 141 стрелковый полк имеет следующие результаты.

²² РГВА. Ф. 38660. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—5.

^а Заголовок документа.

1941 год

1. В начале октября месяца 1941 года на территории Шатоевского, Итум-Калинского, Галанчежского, Чеберлоевского и Шароевского районов ЧИ АССР немецко-фашистскими агентами было поднято вооруженное контрреволюционное восстание, в результате которого было разгромлено большинство сельисполкомов и колхозов, совершено несколько террористических актов к местным партийным и советским работникам, разрушена телефонная связь между районами.

В период с 30 октября по 15 ноября 1941 г. 141[-й] сп^а совместно с другими частями в тяжелых многодневных боях разгромил к[онтр]-р[еволюционное] восстание и наладил нормальную деятельность советских и партийных организаций. В районах была налажена нормальная жизнь.

В результате боев с повстанцами и бандитами полком было:

	Убито	
Бандитов		36
	Изъято оружия	
Винтовок		47
Ручных пулеметов		1
Пистолетов, револьверов		11
Винтовочных патронов		1218
Гранат		6
	Задержано	
Повстанцев		127
Бандитов		7
Бандповстанцев		13
Дезертиров		104
Всего задержано		251
	Потери полка	
Убито		6
Ранено		7

2. 5 декабря 1941 года в сел. Гихи Урус-Мартановского района полком ликвидирована кадровая банда Кайдова Азака, занимавшаяся грабежами и принимавшая активное участие в вооруженном восстании. Численность банды — 10 чел.

В результате двухчасового боя:

Убито бандитов	3
Задержано бандитов	7

Изъято оружия:

Винтовок	6
Берданок	2
Маузеров	2

^а сп — стрелковый полк.

В числе убитых главарь банды Кайдов Азак — один из крупных бандитов банды Магомадова Идриса.

Наши потери:

Убит командир 1 стр. роты — старший лейтенант Шиманский Н.М. и легко ранен один боец.

3. За 1941 год подразделениями полка проведено большое количество частных операций с изъятием бандитов-одиночек, дезертиров и другого преступного элемента.

В результате оперативной деятельности подразделениями 141[-го] сп НКВД за период с 25 октября по 1 января 1942 г.:

	Убито	
Бандитов	—	59
	Задержано	
Бандитов	—	37
Повстанцев	—	138
Бандповстанцев	—	23
Дезертиров	—	117
Прочих	—	75
Всего задержано	—	390
	Изъято оружия	
Винтовок	—	78
Станковых пулеметов	—	2
Ручных пулемета	—	1
Берданок	—	8
Пистолетов, револьверов	—	19
Маузеров	—	3
Ручных гранат	—	9
Винтовочных патронов	—	1714
	Наши потери	
Убито	—	10
Ранено	—	8

1942 год

За 1942 год подразделениями 141 стрелкового полка ликвидировано несколько крупных банд, проведено изъятие бандитов-одиночек, дезертиров, участников восстаний и другого преступного элемента.

Наиболее характерные эпизоды следующие:

11 июня 1942 года в районе с. Бечик Шатоевского района ликвидирована кадровая банда, возглавляемая немецким агентом, военным руководителем бандитского движения на территории ЧИ АССР Асуевым. Банда совершила несколько террористических актов, нападений на автомашины полка, двигавшиеся по дороге из гор. Грозного в сел. Шатой.

В результате боя было убито 6 бандитов, в том числе и Асуев. Задержано 2 бандита и 42 бандпособника.

Изъято оружия

Винтовок	6
Маузеров	1
Гранат	4

Потери полка

Убито	6
Ранено	4

За период с 15 июня по 10 сентября 1942 года подразделения полка находились в обороне города Грозного.

Создано силами полка

опорных пунктов	8
дзотов	26
дотов	4
командных пунктов	12
баррикад	47
бутылок с зажигательной жидкостью штук.	40 тыс.

Награждено за образцовое выполнение заданий

орденами и медалями	3
почетными грамотами	24

Построено большое количество противотанковых и противопехотных препятствий.

3. 15 августа под руководством и непосредственным участием немецко-фашистских десантников, высаженных в Атагинском и Веденском районах ЧИ АССР в июле и начале августа 1942 года, было поднято контрреволюционное вооруженное восстание в Итум-Калинском и Шароевском районах ЧИ АССР, имевшее целью свержение советской власти в горных районах и оказание помощи немецко-фашистским войскам в захвате г. Грозного и Орджоникидзе.

Восставшие разгромили районный центр Химой, блокировали войсковые гарнизоны в районном центре Итум-Кали, разгромили почти все сельисполкомы и колхозы Итум-Калинского, Шароевского и частично Чеберлоевского районов ЧИ АССР и начали наступательный характер действий в тылу Красной Армии.

В тяжелых и упорных боях за каждый населенный пункт и выгодный рубеж подразделения полка в течение 6 дней ликвидировали восстание и наладили нормальную деятельность в районах.

В результате боя с повстанцами было:

Убито	200
Задержано	187

Потери полка:

Убито	1
Ранено	1

4. За период с 20 июля по 25 ноября 1942 года подразделениями полка почти полностью ликвидированы немецкие парашютные группы.

5. Под непосредственным руководством командира полка подполковника Халухаева Б.А. и начальника отдела по борьбе с бандитизмом НКВД ЧИ АССР подполковника госбезопасности Алиева 8 ноября 1942 года ликвидирован немецкий агент и организатор к.р. движения и бандитизма на территории ЧИ АССР Шерипов Майрбек. На протяжении целого ряда лет Шерипов организовывал к.р. восстания в горных районах республики по указке немецкой разведки.

В результате оперативно-служебной деятельности подразделениями полка на территории ЧИ АССР за 1942 год.

Ликвидировано	
Бандгрупп	41
с числом участников	329 чел.
Убито:	
Бандитов	529
Задержано	
Бандитов	632
Повстанцев	713
Бандповстанцев	711
Дезертиров	818
Других	519
Всего	3393 чел.
Изъято	
Винтовок	913
Руч. пулеметов	11
Минометов	2
Станк. пулеметов	2
Револьверов и пистолетов	413
Автоматов	17
Руч. гранат	214
Винтовочных патронов	14915
Потери полка	
Убито	65
Ранено	28
Потери в оружии	
Руч. пулеметов	2
Винтовок	34
Автоматов	12
Револьверов	6

1943 год

За период с 1 января по 1 июня подразделения полка ликвидировали несколько бандитских групп, провели изъятие бандитов-одиночек, оставшихся десантников, шпионов, террористов и другого элемента.

Наиболее характерные операции:

1. С февраля месяца в Саясановском районе ликвидирована банда братьев Шейхаевых, действовавшая в этом районе в течение нескольких лет.

Численность банды 8 чел. Банда совершила несколько грабительских налетов в Веденском районе и в Дагестане.

2. В период с 3 по 25 апреля 1943 г. в Ингушетии проведена операция по ликвидации бандгрупп, изъятию оружия и боеприпасов, подобранных жителями в районах бывших боев с немцами. В результате операции ликвидирована кадровая банда Шевелева, занимавшаяся грабежами. Нанесены чувствительные удары трем крупным бандам. Потери полка убитыми — 1 чел.

3. 25 мая 1943 года подразделениями полка ликвидирована банда Шаипова Махмуда, действовавшая в Чеберлоевском районе в течение трех лет. Шаипов Махмуд — агент немецкой разведки и член фашистской партии. Банда совершила ряд грабительских налетов на колхозы, проводила усиленную подготовку к вооруженному восстанию в Чеберлоевском районе.

Итого в результате оперативной деятельности подразделений полка за период 1943 года:

	за 1943 г.	Всего с 30.10.1941 г. по 1.06.1943 г.
	Ликвидировано:	
Бандгрупп	13, с числом участников 124 человека	— 55, с числом участников 463 чел.
	Убито:	
Бандитов	150	— 973
	Ранено:	
Бандитов	46	—
	Задержано:	
Бандитов	403	— 1167
Немецких десантников	1	— 14
Дезертиров	219	— 1154
Бандпособников	342	— 734
Повстанцев	220	— 1413
Мародеров	19	— 19
За хранение оружия	163	— 163
Прочих	125	— 719
Всего задержано	1492	— 5383
	Изъято оружия:	
Винтовок	687	— 1678
Руч. пулеметов	10	— 22
Станк. пулеметов	1	— 3
Автоматов	12	— 29

	за 1943 г.	Всего с 30.10.1941 г. по 1.06.1943 г.	
Пистолетов и револьверов	216	—	648
Маузеров	2	—	2
Гранат	275	—	498
Патронов	97550	—	104179
Охотничьих ружей	83	—	83
Минометов 50 мм.		—	2
Потери полка:			
Убито	13	—	88
Ранено	4	—	40
Потери в оружии:			
Руч. пулеметов	2	—	4
Винтовок	10	—	44
Автоматов	1	—	13
Револьверов		—	6

Командир 141 полка
подполковник
Халухаев

Вр. начальник штаба полка
ст. лейтенант
Суворов

РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 629. Л. 275—281.

№ 2

«Утверждаю»
Народный комиссар
внутренних дел Союза ССР
Л. Берия

Предложения по вопросу сосредоточения войск НКВД^а

13 декабря 1943 г.

Совершенно секретно

1. В соответствии с Вашими указаниями для выполнения спецзадания НКВД СССР из состава войск НКВД выделены следующие войсковые части и подразделения.

Внутренние войска НКВД СССР	60338 человек.
Военно-учебные заведения войск НКВД	7500 человек.

^а Заголовок документа.

Войска НКВД СССР по охране тыла

Действующей Красной Армии	10468	человек.
Пограничные войска НКВД СССР	7557	человек.
Конвойные войска НКВД СССР	3460	человек.
Войска НКВД СССР по охране железных дорог	5000	человек.

Войска НКВД СССР по охране особо

важных предприятий промышленности	1750	человек.
Всего	96073	человек.

2. На сосредоточение выделяемых войсковых частей и подразделений из пунктов их расквартирования в намеченный район для выполнения специального задания необходимо от 8 до 17 суток.

Заместитель наркома внутренних дел СССР
генерал-полковник
Аполлонов

РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 607. Л. 37—41.

№ 3

Генерал-полковнику
товарищу Аполлонову

Докладная записка о результатах операции по переселению чеченцев и ингушей по Галанчежскому району ЧИ АССР^а

5 марта 1944 г.

Совершенно секретно

Галанчежский район административно разделен на 9 сельских советов, которые объединяют от 8 до 22 хуторов, каждый. На первое января 1944 года число хуторов составляло 123. Проведенной переписью населения и проверкой данных переписи оперработниками было установлено, что в районе проживает 7026 жителей чеченцев.

По указанию руководства операция по переселению жителей района началась с 28 февраля, а в 6 сельсоветах 29 февраля

Результаты операции:

	Подлежало переселению (согласно данных переписи населения)	
Ялхаройский сельсовет	1073 чел.	213 хозяйств
Мереджойский сельсовет	712 чел.	155 хозяйств
Никаройский сельсовет	629 чел.	107 хозяйств
Нашхойский сельсовет	1501 чел.	257 хозяйств
Пешхойский сельсовет	441 чел.	84 хозяйства

^а Заголовок документа.

Галанчежский сельсовет	581 чел.	120 хозяйств
Кийский сельсовет	710 чел.	126 хозяйств
Аккийский сельсовет	769 чел.	166 хозяйств
Мельхестинский сельсовет	610 чел.	101 хозяйство
Всего подлежало переселению по району	7026 чел.	1329 хозяйств

Переселено

Ялхаройский сельсовет	902 чел.	203 хозяйства
Мереджойский сельсовет	819 чел.	168 хозяйств
Никаройский сельсовет	796 чел.	121 хозяйство
Нашхойский сельсовет	1508 чел.	267 хозяйств
Пешхойский сельсовет	482 чел.	93 хозяйства
Галанчежский сельсовет	635 чел.	179 хозяйств
Кийский сельсовет	820 чел.	150 хозяйств
Аккийский сельсовет	699 чел.	142 хозяйства
Мельхестинский сельсовет	594 чел.	92 хозяйства
Всего подлежало переселению по району	7255 чел.	1415 хозяйств

В ряде сельсоветов некоторые жители, преимущественно из числа легализованных бандитов и участников восстаний скрылись, другая часть до начала операции в районе выехала в прилегающие районы.

Так, по Нашхойскому сельсовету в день операции отсутствовало 15 чел., из них мужчин 5 человек, женщин 8 человек и детей 2. Из мужчин отсутствовали: ГАМАРГИНОВ Насиха, ХАБИЛАЕВ Муси, РАСУЕВ Вахид, МУРТАЗАЛИЕВ Расу, ГАМАРИГОВ Рашид.

По Кийскому сельсовету отсутствовало 8 человек: САИГОВ Закрал, САИГОВ Хамид, САИГОВ Рамзан, САИГОВ Идрис, ДОВТАЕВ Мамука, ЭДИГОВ Писар, ПИСАРОВ Магомед, НАСИБОВ Куштани. Большинство из перечисленных подлежало аресту по справкам.

По Аккийскому сельсовету отсутствовало 16 человек: ЧЕРГИЗОВ Абумусли, БАТИРОВ Довт, БАТИРОВ Сайд Хасан, БАТИРОВ Султан, УЛБАЕВ Амар, ЧЕРГИЗОВ Исмаил, МУРТАЗОВ Сосеца, МУРТАЗОВ Михаил, РАЙСОВ Гони, ИНАЛОВ Мажид, ЭЛЬМУРЗАЕВ Алдан, АЮБОВ Зелимхан, МАЖИДОВ Мавсар, ХАДИСОВ Ахматхан, ХАДИСОВ Гезихажа, ХАТЧУКАЕВ Салман. Из перечисленных 6 человек задержаны и подвергнуты переселению другими районами.

По Ялхаройскому сельсовету отсутствовало 4 человека: КЕРИМОВ Хасанбек, КЕРИМОВ Саламбек, ИНАЛОВ Ахдин, БАТИРОВ Юсуп.

По Мельхестинскому сельсовету отсутствовало 9 человек: ДЖАНАЛАЕВ Джарап, ШОВХАЛОВ Мудар, АЛХАСТОВ Узом, ХАНКАРОВ Джарап, АХТАМИРОВ Ханкар,

ХАНКАРОВ Лом-Али, МАХАУРИ Бурсаг, АЛБАСТОВ Исмаил, МАХАУРИ Мухи.

По справкам и предписаниям НКВД-НКГБ ЧИ АССР арестовано 30 человек, убито 18 человек (подлежавших аресту) САИГОВ Магомед и

МАМЕВ Кортани и др. Остальные 10 человек, подлежащие аресту по справкам, в день операции скрылись.

За время работы оперативной группы с 1 ноября 1943 г. в районе изъято 197 единиц оружия:

Винтовок	139
ППШ	4
Пистолетов и револьверов	24
Гладкоствольных ружей	29
Крупнокалиберных пулеметов	1

В период операции изъято оружия по району:

ППШ	1
Винтовок	29
Пистолетов и наганов	23
Гранат РГД	16
Боепатрон	964
Гладкоствольных ружей	7
Холодного оружия	276

Оперработников поступило 621 чел., из них 486 чел. принимали участие в операции по сельсоветам, остальные были заняты на сборных пунктах.

До операции и во время ее в районе имели место несколько перестрелок наших войск с бандами. В результате убито 18 человек, с нашей стороны убито 4 человека (средний командир и 3 рядовых), ранено 2 красноармейца из 137 сп. Из числа переселяемых в пути умерло и убито 19 человек.

Комиссар госбезопасности 3 ранга
Гвишиани

РГВА. Ф. 38660. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

№ 4

Справка о морально-политическом состоянии частей войск 2-го сектора^а на 4.02.1944 г.^а

Отрицательных политических высказываний нет. Политико-моральное состояние личного состава здоровое. В ряде полков отмечены отрицательные бытовые настроения из-за отсутствия табака, однообразия и низкого качества пищи.

Имеются случаи пьянки. Командир истребительной батареи 285 сп старший лейтенант Морин в Урус-Мартановском районе организовал пьянку с участием оперработника Москвы, начальника РОВД (чечен), его шофера, председателя сельского совета (чечен). Морин ознакомил их с составленным планом по охране гарнизона и о предстоящей операции по выселению чеченцев.

^а Заголовок документа.

Пьянство объясняется отсутствием контроля за личным составом. В ст. Мекенская три военнослужащих жили временно в квартире местной женщины, которая от них узнала, что их часть принадлежит к НКВД и цель их прибытия в Чечено-Ингушскую АССР.

Население проявляет любознательность о целях прибытия войсковых частей в их населенные пункты. Когда прибыл 10 мсп^а в ст. Ишерская, где проживает русское население, то некоторые жители прямо сказали, что они приехали выселять чеченцев.

В Надтеречном районе местные чеченцы в ряде сел заявили, что если их будут выселять в Сибирь, то они не поедут. Пусть отправляют нас в Турцию.

Чеченский руководящий состав в этом же районе проявляет активность к приобретению боеприпасов.

К военнослужащим неоднократно обращались: «Дай патрон, будешь жить хорошо».

В целях успокоения войсковые части проводят учения с боевой стрельбой, о чем жителям объявляется заранее через местные власти.

Некоторые части помогают колхозам в перевозке семенного фонда, показывают жителям кино и концерты.

Генерал-майор
Малышев

Подполковник
Киселев

РГВА. Ф. 38660. Оп. 1. Д. 3. Л. 80—80 об.

Примечания

¹ *Шередега И.С.* (р. 1904 г.) — в годы Великой Отечественной войны начальник внутренних войск НКВД СССР. В послевоенный период начальник штаба МПВО страны. Генерал-лейтенант.

² Второй оперативный сектор включал в себя Надтеречный, Галашкинский, Галанчежский и Ачхой-Мартановский районы выселения чеченцев и ингушей.

«ЭМИГРАЦИЯ ВСЕ ФАНТАЗИРУЕТ И ПАЛЬЦЕМ В НЕБЕСА ХВАТАЕТ»

Переписка Н.В.Устрялова и С.В.Дмитриевского.
1932—1933 гг.

Публикуемая переписка основоположника и пропагандиста национал-большевизма профессора Николая Васильевича Устрялова и невозвращенца-сменовеховца Сергея Васильевича Дмитриевского состоит из 4 писем, воспроизводимых по предварительно проредактированным Н.В.Устряловым машинописным копиям на сквозным образом пронумерованной бумаге. Каждое письмо имеет свой порядковый номер. Копии писем, с которых и осуществляется настоящая публикация, хранятся в коллекции Н.В.Устрялова Архива Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете в Калифорнии (США) (Раздел корреспонденции 1920—1935 гг., ящик 1. Моя переписка с разными людьми. Папка 6, письма №№ 111, 112, 114, 115. Л. 198—201, 202—204). Эти документы являются частью того, что Устрялов заканчивал готовить для будущего опубликования незадолго до своего возвращения вместе с семьей в СССР в мае—июне 1935 г.

Переписка Н.В.Устрялова с С.В.Дмитриевским претендует на исчерпанность и вряд ли выступает лишь фрагментом их многолетнего письменного общения. 4 письма, которые Н.В.Устрялов решил представить на суд публики, на мой взгляд, в особых комментариях не нуждаются.

Краткая биографическая справка о профессоре Харбинского юридического факультета Н.В.Устрялове (1890—1937) ранее уже была опубликована в журнале «Исторический архив»¹. Добавлю лишь, что обстоятельства побега С.В.Дмитриевского из СССР по своей несуразности сродни возвращению Н.В.Устрялова с семьей в Москву в 1935 г.

В примечаниях к объемистой «Моей переписке с разными людьми» (Папка 1. Примечания. Л. VII) Н.В.Устрялов следующим образом характеризует своего корреспондента: «С.В.Дмитриевский — прошумевший в свое время невозвращенец, бывший советник нашего стокогольмского полпредства, автор книг „Судьба России“, „Сталин“ и проч.² В № 3 парижских „Утверждений“ он напечатал обо мне полемическую статью „Против пассивности“».

Личность С.В.Дмитриевского привлекала в свое время внимание многих общественных деятелей, историков и эмигрантов. Его клеймил позором Максим Горький³, о нем писал бывший советский посол в Греции Александр Бармин⁴, упомина-

¹ См.: «Политическая эмиграция — не наш путь». Письма Н.В.Устрялова Г.Н.Дикому. 1930—1935 гг. // Исторический архив. 1999. № 1. С. 200—211; № 2. С. 92—126; № 3. С. 107—166.

² См.: Дмитриевский С.В. Судьба России: (Письма к друзьям). Берлин: Стрела. 1930; его же. Открытое письмо Максиму Горькому. 1930; его же. Сталин. Берлин: Стрела. 1931; его же. Советские портреты. Берлин: Стрела. 1932; его же. Dans les coulisses du Kremlin. Paris, 1933.

³ См.: Горький М. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 25. С. 196.

⁴ См.: Barmine A. Memoirs of a Soviet diplomat. London, 1938. P. 203.

ние о Дмитриевском встречается у Глеба Струве⁵. Историк Меир Михаэлис в 1975 г. опубликовал сведения из немецких архивов, имеющие непосредственное отношение к С.В.Дмитриевскому⁶. Другой историк, Михаил Геллер, писал о нем как о первом биографе-апологете Сталина: «Представление о планах Сталина, о его идеях и мечтах, можно получить, знакомясь с книгами С.Дмитриевского, которых биографы Сталина знать не желают»⁷. В последней, неоконченной книге о Сталине характеристику Дмитриевскому как шовинисту и сталинисту дал Л.Д.Троцкий⁸. Свою книгу «Идеология национал-большевизма», в которую в качестве приложения № 2 вошло «Дело Дмитриевского», М.С.Агурский завершает утверждением, что «деятельность Дмитриевского является важным материалом по изучению формирования национал-большевизма»⁹.

Первое из публикуемых писем (№ 111) датируется 16 сентября 1932 г., последнее (№ 115) — 17 февраля 1933 г. Текст писем передается с сохранением авторской стилистики и орфографии, включая цитирование (исправлены лишь явные опечатки). Сокращения даются в квадратных скобках. Сведения о харбинском докторе Гиллерсоне, упомянутом в последнем письме, не обнаружены. Письма даются в хронологическом порядке. Слова, подчеркнутые в тексте, выделены курсивом.

Публикацию подготовил О.А.ВОРОБЬЕВ.

№ 1

Письмо С.В.Дмитриевского Н.В.Устрялову

Стокгольм

16 сентября 1932 г.

Многоуважаемый Николай Васильевич.

Мне очень хотелось бы — хотя и заочно — с Вами познакомиться. Я надеюсь, что Вы не в претензии на меня за мою — весьма, признаться, заостренную — статью в «Утверждениях»¹. Статья эта написана была 9 месяцев назад. С тех пор много воды утекло, многое изменилось — в частности, и во мне. Сейчас мне кажется, что и на этот раз Вы во многом оказались правы — хотя, все-таки, думается, не во всем. Что до меня, то я как будто заканчиваю цикл своего внутреннего «свободного» развития, идя герценовским² путем: начал с крика радости при переходе границы, кончил духовным возвращением на родину. Но, конечно, это не возвращение в смысле Каноссы³ какой-либо, наоборот: чем ближе, сродственнее я начинаю ощущать себя *живой* родине, тем бóльший протест вызывает у меня картина ее нынешнего бытия. Но, с другой стороны, и лекарства и лекарей я ищу теперь не у постели умирающего *старого* Запада, но в том новом, что родила наша революция и из того, что

⁵ См.: Струве Г. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956.

⁶ Michaelis Meir. The third Reich and Russian National-Socialism // Soviet Jewish affairs. 1975. V. 5. № 1. ¹

⁷ Геллер М.Я., Некрич А.М. Социализм в одной стране. М., 1995. С. 262. См. также с. 236, 252, 258—260, 262—265, 283, 290.

⁸ См.: Trotsky Lev. Stalin. London, 1967. P. 71, 293—294, 374.

⁹ Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980. С. 269—278. См. также: Agursky M. Dmitrievsky and the origins of National-Bolshevism // Soviet Jewish affairs. 1977. № 2.

дает наша — русская — история. Из этого, собственно, я начал уже исходить со своего «Сталина»⁴ — но не столь ясно и не столь несвязанно, как сейчас. С этой точки зрения для меня и мои «Советские портреты»⁵ — «пройденный этап». Сейчас у меня закончена новая небольшая книжка: «Программа национальной социалистической государственности». Но не знаю, найду ли издателя для нее. Вообще, мне легко находить издателя, так как мои книги идут — но не для программной книжки. Меня связали последнее время с легитимизмом. Это абсурд. Самим младороссам⁶ я не раз подчеркивал, в чем и почему мы расходимся. «Цезаризм» не есть легитимизм. «Цезаризм» — не придавая, как и я, значения форме (монархия или республика) — принимал и Чернышевский⁷ (см. его «Дневник» [18]48 и [18]50 гг. в «Литературном наследстве»). И я твердо верю, что к этому идет. Я буду очень рад, если Вы отзоветесь на это письмо. Я был — а сейчас особенно одинок. В эмиграции я чужой, с иностранцами только по делам общаюсь, да и то все меньше. «Невозвращенцы»... с ними у меня ничего общего нет. Это уж сфера Беседовского⁸ и пр[очих]. Все мои идейные интересы лежат исключительно по ту сторону границы. Все привязанности — и все надежды. А сейчас нелегко. Помимо прочего — здорово припирает материальная жизнь. Итак, надеюсь, что на письмо ответите — и тогда позволю себе написать подробнее.

Искренно уважающий Вас

С.Дмитриевский

№ 2

Письмо Н.В.Устрялова С.В.Дмитриевскому

Харбин

5 октября 1932 г.

Многоуважаемый С.В.

Спасибо за письмо. Отрадно, что, — насколько можно из него понять, — Вы освобождаетесь от увлечения зарубежным призрачным активизмом. Мне кажется, — простите за искреннее суждение, — увлечение это досадно и вредило Вашим выступлениям последнего времени. Без призывов к активности они были бы гораздо актуальнее и без ударных эффектов куда эффективнее. Особенно же, признаться, неожиданным показалось мне заявление Ваше в Праге о «двух легальностях», — советской и легитимно-монархической, — и о предстоящем якобы нашей стране благотворном переходе от первой ко второй («Мл[адоросская] Искра» от 1 марта с[его] г[ода]). Если Вы теперь прочно преодолеваете эту «стадию иллюзии», — остается лишь Вас поздравить и пожелать решительного, открытого заявления Вашего на этот счет, дабы не было недоразумений и недоговоренностей.

Не беда, если, в результате, Вашим именем перестанет козырять младоросская элита. Право, ее козыри малого стоят, как и кирилловские⁹ производства в чины. Правда, одиночество — вещь не слишком и не всегда приятная; но в наличных условиях оно — скорее сила, чем

слабость. Что касается меня, то я уже давно в нем упражняюсь... и предпочитаю его сомнительному обществу.

Допустим, старик Макиавелли¹⁰ прав: «безоружный пророк не торжествует». Но вопрос — и Вы сами это справедливо отмечаете — в «лекарях и лекарствах». Что есть «оружие»? Надеюсь, Вы скоро придете, если уже не пришли, к заключению, что всякую мысль о зарубежных политических *организациях* и *партиях* нужно бросить. Рассчитывающий на них, — опять из Макиавелли, — «строит на грязи».

Наблюдая вблизи харбинскую эмигрантскую молодежь, я не имел непосредственных впечатлений от европейской, — и лишь посильно слежу за ее литературой (не сказать, чтобы слишком обнадеживающей). Был бы Вам очень благодарен за описание ее живого, конкретного облика, как он рисуется при соприкосновении с ней. Что до ее *организации*, то Милюков¹¹, думается, прав, говоря о младоросском «маскараде». По крайней мере, «[Младоросская] Искра» — клонится неудержимо в сторону самой банальной, самой скучной старосветской реакции. Недаром она братается уже и с Марковым Вторым¹². А эти титулы! И стиль старого «Инвалида» и офиц[иального] отдела «Нового времени»¹³! При таком фоне, их «гитлеровщина»¹⁴ неизбежно обертывается — *зубатовщиной*¹⁵.

И до чего натянуты и недиалектичны всякие аналогии между этой средой и «женевским» Лениным¹⁶. Странно, как могли Вы впасть в такую аберрацию. Все — другое: и там, и здесь. Не течет река обратно.

Если Вы окончательно усваиваете «цезаристскую» установку (в коей, кстати сказать, старался некогда лечить меня Бухарин¹⁷: «Цезаризм под маской революции»¹⁸), — вероятно, Вам придется пересмотреть все-ръем и позиции Ваши в проблемах внешней политики и обороны страны (ныне даже и Милюков вслед за Троцким¹⁹ ухватывается за «клемансистский»²⁰ тезис»), да и общую тактическую инструментовку выступлений. Словом, — с интересом буду ждать манифестации того «духовного возвращения на родину», о котором Вы пишете.

Как ни плохо способны письма заменить личную беседу, — рад нашему заочному знакомству.

С искренним приветом

Н. Устрялов

№ 3

Письмо С.В.Дмитриевского Н.В.Устрялову

Стокгольм

22 января 1933 г.

Многоуважаемый Николай Васильевич.

Получил сегодня письмо от одного лица в Харбине. Пишет, что моего письма ему — посланного в *один* день с ответным на Ваше давнее письмо и еще с одним: через Канаду[,] все — не заказные[,] — *не получили*. У меня возникла мысль: получили ли Вы мое письмо? Ибо послано оно было очень давно — и по всем расчетам и Ваш ответ должен был

быть давно, ответа же я просил. Ежели пропало — досадно, ибо затрагивал вопросы, поставленные в Вашем письме, и еще некоторые. Сейчас не восстановишь. Вы, вероятно, видите, что пишу я сейчас по преимуществу в «Млад[оросской] Искре», — больше негде, а высказываться хоть порой хочется. То, что-де «щеголяют» моим именем, не страшно, да и ничего не поделаешь. Но ведь самим-то собой я всегда остаюсь, а это самое главное. Пишете ли Вы что-либо, или обстановка сейчас такая, что писать трудно? Ежели пишете — буду благодарен за присылку чего-либо. Интересные и большие дела в России. Удастся ли наладить — «освоить» — производство в предстоящем году, удастся ли заткнуть дыры населения, — вот что самое главное. Все сейчас в *деле*, а не в *словах*. И, видимо, нехватка людей дела. Ну, а эмиграция все фантазирует и пальцем в небеса хватает.

Искренно преданный

С.Дмитриевский

№ 4

Письмо Н.В.Устрялова С.В.Дмитриевскому

Харбин

17 февраля 1933 г.

Многоуважаемый С.В.

Получил Вашу закрытку^а от 22 января. Из нее явствует, что второе Ваше письмо (ответ на мое от октября) затерялось в пути. Очень жаль.

Статьи Ваши в «[Младоросской] Искре» читаю. Очень меня, признаться, интересует: чем объясняется антисемитский душок в Ваших писаниях? Что это — тактика, или «идеология»? Не скрою, мне антисемитизм был всегда чужд (в общественной работе и в мирозерцании). Какой смысл вводить его в публицистику? Если и правда, что «Сталин»²¹ — практический антисемит, то словами он, разумеется, никогда этого не признает — и будет трижды прав. Мне непонятны политические мотивы Вашего антисемитизма, столь, по-видимому, пришедшегося по сердцу нашей золотой (пусть облупившейся) молодежи зарубежья. Кстати, разрешите повторить вопрос прошлого письма: что представляет собою младоросская среда? Я продолжаю опасаться, что не ошибся в ее характеристике: «помесь снобизма с недомыслием и вырождения с позою чести». Во всяком случае, то, что сюда доходит от «двора» Кирилла — производит совершенно убийственное и неизменно комичное впечатление. А, судя по всему, младороссы принимают этот двор и этого Кирилла — всерьез.

За последнее время я не печатал ничего, кроме нескольких газетных статей. Прилагаю последнюю, только что напечатанную в местной советской газете статью о Гитлере²², а также статьи о школе. Если Вы не читали полностью статьи моей о «[Новом Граде]»²³ (на которую отве-

^а Так в тексте.

чал Федотов²⁴) и если она представляет для Вас какой-либо интерес, могу Вам ее послать.

Насколько можно судить отсюда, Вы занимаете и среди эмиграции, и среди невозвращенцев позицию вполне изолированную. Остается пожелать, чтобы эта изоляция была «блестящей». Думается, она будет тем плодотворней, чем менее будете Вы в своих писаниях исходить из расчетов на эмиграцию и ее «общественное мнение».

Здесь на КВЖД²⁵ работает несколько товарищей, помнящих Вас по работе в НКПС^а. И один (д[окто]р Гиллерсон) — знавший Вас по НКИД^б.

Злоба сегодняшнего дня — конфликт держав с Японией. Если он углубится, наше положение на Дальнем Востоке улучшится и упрочится. Счастливая звезда не изменяет большевистской революции: международно-политическое положение СССР сейчас не внушает опасений, по крайней мере, непосредственных. Вопрос вопросов — в экономических результатах аграрной политики. Основная — военная — цель индустриализации, по-видимому, в значительной мере достигнута. Теперь дело за хлебом насущным. Был бы счастлив ошибиться в своем старом опасливом отношении к современному курсу в деревне!

Рад буду получить от Вас письмо.

С искренним приветом

Н.Устрялов

Архив Гуверовского института войны, революции и мира (США). Кол- лекция Н.В.Устрялова.

Примечания

¹ «Утверждения» (Париж) — орган объединения пореволюционных течений, в котором Н.В.Устрялов, в частности, опубликовал свою статью «Зарубежная смена» («Утверждения»). Октябрь 1932. № 3. С. 107—118).

² *Герцен А.И.* (1812—1870) — публицист, радикальный мыслитель, эмигрант.

³ Каносса — замок в Северной Италии, где в 1077 г. император Священной Римской империи Генрих IV вымаливал прощение у папы Григория VII. «Идти в Каноссу» — согласиться на унижительную капитуляцию.

⁴ См.: Дмитриевский С.В. Сталин. Берлин, 1931.

⁵ См.: Дмитриевский С.В. Советские портреты. Берлин, 1932.

⁶ Младороссы — члены Младоросской партии, преобразованной из Союза «Молодая Россия» под председательством А.Л.Казем-Бека (учрежденного на Всеобщем съезде национально мыслящей русской молодежи в 1923 г. в Мюнхене). Считали необходимым восстановление в России надклассовой монархии трудящихся и возведение на престол «законного царя из дома Романовых». Печатный орган — «Младоросская Искра».

⁷ *Чернышевский Н.Г.* (1828—1889) — публицист, литературный критик, писатель. В 1856—1862 гг. один из руководителей журнала «Современник»; в области

^а НКПС — Народный комиссариат путей сообщения.

^б НКИД — Народный комиссариат иностранных дел.

литературной критики развивал традиции В.Г.Белинского. Идеальный вдохновитель революционного движения 1860-х гг. Оставил работы по философии, социологии, политэкономии, этике, эстетике. Стоял на позициях антропологизма. Считал, что социализм обусловлен всем развитием человечества; для России переход к социализму возможен через крестьянскую общину (один из родоначальников народничества).

⁸ *Беседовский* — поверенный в делах Полпреда СССР в Японии, затем — не-возвращенец; после побега жил во Франции.

⁹ Великий князь *Кирилл Владимирович Романов* — двоюродный брат Николая II, был женат на принцессе Саксен-Кобург-Готской Виктории Мелите. В 1924 г. в Париже провозгласил себя главой российского императорского дома в изгнании, хотя ранее письменно свидетельствовал: «Относительно прав наших и в частности и моего на Престолонаследие, я, горячо любя свою Родину, всецело присоединяюсь к тем мыслям, которые выражены в акте отказа Великого Князя Михаила Александровича».

¹⁰ *Макиавелли Никколо* (1469—1527) — итальянский политический мыслитель, историк, писатель. Н.В.Устрялов часто обращался к его творчеству в том или ином контексте.

¹¹ *Милюков П.Н.* (1859—1943) — историк, политический деятель, редактор газеты «Последние новости». Признанный лидер Партии народной свободы (конституционных демократов).

¹² *Марков Н.Е.* (1886 — после 1931) — один из лидеров «Союза русского народа», председатель Совета объединенного дворянства, стоял во главе фракции крайне правых в 3-й и 4-й Государственных думах. После революции — эмигрант.

¹³ «Новое время» — одна из крупнейших русских газет, выходила в 1868—1917 гг. в Петербурге (Петрограде) (с 1869 г. ежедневная). Первоначально — либеральная, с переходом издания к А.С.Суворину (1876) — консервативная. С 1905 г. орган черносотенцев. Закрыта после Октябрьского переворота 1917 г.

¹⁴ *Гитлер (Шикльгрюбер) Адольф* (1889—1945) — политический деятель, диктатор, фюрер Национал-социалистической партии (с 1921 г.), в 1933 г. стал рейхсканцлером Германии.

¹⁵ *Зубатов С.В.* (1864—1917) — создатель системы политического сыска, инициатор политики «полицейского социализма» в России, называемой в литературе зубатовщиной. Начальник Московского охранного отделения (с 1896 г.) и Особого отдела Департамента полиции (1902—1903). Под контролем Зубатова были созданы: «Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве», «Совет рабочих механического производства г. Москвы», «Общество взаимной помощи текстильщиков», «Еврейская независимая партия» и др. После Февральской революции 1917 г. покончил жизнь самоубийством.

¹⁶ *Ленин (Ульянов) В.И.* (1870—1924) — российский политический деятель. В 1900—1905 и 1907—1917 гг. находился в эмиграции, в том числе в Швейцарии.

¹⁷ *Бухарин Н.И.* (1888—1938) — российский политический деятель, академик АН СССР (1928). В 1918—1929 гг. редактор газеты «Правда», в 1934—1937 гг. редактор «Известий».

¹⁸ См.: Бухарин Н.И. Цезаризм под маской революции (По поводу книги проф. Н.Устрялова «Под знаком революции») // Правда. 1925. 13—15 ноября.

¹⁹ *Троцкий (Бронштейн) Л.Д.* (1879—1940) — российский политический и государственный деятель, один из вождей Октябрьского переворота 1917 г. В 1929 г. был выслан из СССР.

²⁰ *Клемансо Жорж* (1841—1929) — премьер-министр Франции в 1906—1909, 1917—1920 гг. Председатель Парижской мирной конференции 1919—1920 гг. Стремился к установлению военно-политической гегемонии Франции в Европе.

²¹ *Сталин (Джугашвили) И.В.* (1878—1953) — политический деятель, идеолог большевизма, в 1917—1922 гг. нарком по делам национальностей, в 1919—1922 гг. — нарком государственного контроля, Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ).

²² В 1932—1933 гг. Н.В.Устрялов работал над объемистой монографией о германском национал-социализме, законченной к середине июня 1933 г. (Германский национал-социализм, Харбин: Типография Н.Е.Чинарева. 1933. 86 с., отдельный оттиск; Высшая школа в Харбине, Известия Юридического Факультета, том десятый, Харбин: Типография Н.Е.Чинарева. 1933. С. 273—358).

²³ Устрялов Н.В. Новый Град // Герольд Харбина. Харбин, 13, 14 и 16 октября 1932 г.

²⁴ *Федотов Г.П.* (1886—1951) — религиозный мыслитель, историк, публицист. Эмигрант (Франция, США).

²⁵ КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога, построена Россией в Маньчжурии в 1897—1903 гг. С 1924 г. находилась в совместном управлении СССР и Китая. В 1935 г. продана Маньчжоу-Го. Н.В.Устрялов с конца февраля 1925 г. служил на КВЖД.

«Я ВСЕ ВРЕМЯ СТОЯЛ ДОВОЛЬНО В БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЯХ К МОСКОВСКОМУ ДУХОВЕНСТВУ...»

Из воспоминаний Н.П.Розанова.
1905—1907, 1917 гг.

Не так уж много документальных свидетельств известно нам о жизни московского духовенства в начале XX века. Еще меньшее их количество было опубликовано. Поэтому появление каждого нового свидетельства об этой стороне жизни Москвы интересно и поучительно. Думается, что в полной мере это относится к публикуемым воспоминаниям Н.П.Розанова.

Несколько слов об авторе. Николай Петрович Розанов принадлежал к роду, в нескольких поколениях которого мужчины состояли церковно- и священнослужителями при московских соборах и церквах. Их семьи были многочисленны, а потому за десятилетия они породнились со многими и многими московскими священниками. Н.П.Розанов, что называется с отроческих лет, хорошо знал уклад жизни и интересы духовного сословия. К тому же впоследствии и сам он связал свою жизнь с этим своеобразным миром.

Известные нам сведения о жизни Розанова, к сожалению, отрывочны и скудны. Родился он в 1857 г. в Москве в семье дьякона церкви Петра и Павла в Преображенском. Высшее образование получил в Московской духовной академии, которую окончил со степенью кандидата богословия в 1880 г. По традиции тех лет был направлен «на отработку» на преподавательскую работу за пределы Московской губернии — в Тверскую духовную семинарию. Спустя три года возвратился в Сергиев Посад, где устроился преподавателем Священного Писания и древнееврейского языка в Московскую духовную семинарию и работал в ней долгие годы.

Жизнь его в данном качестве была довольно типичной для преподавательского сословия: 900 рублей месячного жалованья и казенная квартира для семьи (жена и дочь). Была она довольно устойчива и успешна: добился магистерского звания. Не обходили и наградами (имел ордена св. Станислава и св. Анны); присуждалась ему почетная Филаретовская премия за многолетнюю и усердную педагогическую работу; дослужился до чина коллежского советника.

Как сказано в сохранившемся в архивах его личном деле, «в военных походах не участвовал, наказаниям и взысканиям не подвергался»¹. Но и легким труд преподавателя не назовешь: изо дня в день лекции и семинары, занятия в библиотеке и архивах, работа над рукописями книг, журнальных и газетных статей, которых набралось немало, активная деятельность в Обществе любителей духовного просвещения², где он был бессменным секретарем с 1895 г. Добавим сюда бесконечные

---

¹ Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 234. Оп. 2. Д. 912, 950.

² Общество любителей духовного просвещения.

переезды из Москвы в Сергиев Посад и обратно, так что времени на «маленькие» радости жизни оставалось совсем немного.

Н.П.Розанов стал человеком заметным и известным в среде ученой корпорации, в московских духовных кругах. Редко кто из рядовых преподавателей удостоивался чести быть представленными в Полном православном энциклопедическом словаре, между тем сведения о Розанове помещены в XIII выпуске данного популярного и уважаемого издания³.

Об авторитете Розанова свидетельствует и тот факт, что после февраля 1917 года его избрали председателем исполкома Союза педагогических корпораций духовно-учебных заведений Московской епархии. И это, пожалуй, один из последних эпизодов биографии Розанова, достоверно и документально нами установленный. После Октябрьской революции о жизни и деятельности его почти ничего неизвестно. В связи с закрытием семинарии, Розанов остался без работы и средств к существованию. Как он и его семья жили и выжили в революционное лихолетье, остается только догадываться. Но и в этой ситуации он не изменил своей страсти — историческому краеведению. Активно трудился в обществе «Старая Москва», собирая архивные и документальные материалы по истории церкви Московской епархии; старался привлечь внимание общественности к изучению московской старины. По некоторым сведениям скончался Николай Петрович в 1941 г.

К написанию своих воспоминаний Розанов приступил в конце 1920-х гг. и писал их в течение нескольких лет. Первоначально, скорее всего, они не предназначались для «широкой публики». Очевидно, это было желание оставить достоверные свидетельства о времени, уже ушедшем и почти неизвестном новым поколениям. Тем более, что в памяти автора — одного из последних представителей поколения середины XIX в., время это оставило массу воспоминаний.

После смерти Розанова автограф рукописи объемом примерно в семь печатных листов попал в библиотеку им. В.И.Ленина (ныне Российская государственная библиотека), где и хранится до сего времени⁴. Судя по формуляру Отдела рукописей РГБ, воспоминания не были обделены вниманием специалистов по истории Русской православной церкви и общественного движения конца XIX — начала XX вв. Но в книгах и статьях, опубликованных после смерти автора, ссылки на них, за единичными исключениями, отсутствуют. Возможно, что авторский взгляд, с одной стороны, не укладывался в прокрустово ложе официальных исторических воззрений, а с другой — будучи иногда слишком субъективным и пристрастным, казался «неподходящим» и для официальных историков Русской православной церкви.

Как бы то ни было, нам представляется, что рукопись Н.П.Розанова имеет право и должна в полном объеме дойти до современного читателя, интересующегося отечественной историей XX в. Воспоминания состоят из девяти глав: «Жизненная обстановка московского духовенства»; «Нравы московского духовенства»⁵; «Соборяне Большого Успенского собора»; «Выдающиеся лица среди московского духовенства — консерваторы и либералы»; «Московские митрополиты и духовенство в их взаимных отношениях»; «1905—1906 гг. и московское духовенство: борьба с митрополитом Владимиром»; «1917-й год и низложение митрополита Макария»; «Московские викарные архиереи и архиереи на покое»; «Московское монашество».

³ См.: Полный православный богословский энциклопедический словарь. М., 1912. Вып. XIII. С. 1965.

⁴ Отдел рукописей РГБ. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1.

⁵ Главы «Жизненная обстановка московского духовенства» и «Нравы московского духовенства» опубликованы. См.: Отечественные архивы. 1996. № 5.

К публикации отобраны шестая и седьмая главы воспоминаний, повествующие о московском духовенстве — этом втором сословии Российской империи, в годы первых двух русских революций: о событиях епархиальной жизни, наиболее заметных деятелях духовного звания, политических настроениях, предпочтениях и отношении к революционным изменениям в стране. Конечно, далеко не все, о чем писал Розанов, не все его оценки и суждения в отношении места и роли духовенства в общественной и политической жизни в Москве бесспорны. Что-то из написанного может показаться слишком субъективно-эмоциональным, пристрастным, с чем-то нельзя согласиться. Тем не менее, хочется надеяться, что живая и неприукрашенная правда о жизни, отдаленной от нас почти вековой завесой, будет полезна и интересна современным читателям.

При подготовке воспоминаний к публикации текст остался неизменным, лишь в отдельных местах в авторскую рукопись внесена незначительная стилистическая правка, облегчающая ее чтение и понимание.

Публикацию подготовил доктор исторических наук М.И.ОДИНЦОВ.

ВТОРОЕ СОСЛОВИЕ

(мои воспоминания о жизни московского духовенства в последнее пятидесятилетие перед революцией)^а

[1933 г.]^б

Глава 6¹

1905—1906 гг. и московское духовенство:
борьба с митрополитом Владимиром²

Революционное движение 1905 г. перекинулось с улиц Москвы в такие места, где, казалось, ему совсем бы не могло быть места. А именно, в Лихов переулок, в епархиальный дом, служивший со времени своего построения (1901г.) местом собраний Общества любителей духовного просвещения и некоторых особо торжественных собраний других епархиальных обществ; где зал собраний непосредственно соединялся с церковью и во время богослужения представлял собою огромное помещение для молящихся. Дом этот был выстроен при непосредственном участии митрополита Владимира, который на открытие его приглашал великого князя Сергея Александровича³ и всех московских представителей власти, а по окончании торжества освящения устроил в покоях Чудова монастыря обед для всех участников в постройке дома и избранных гостей. На этот дом он сам смотрел, да и начальство светское привыкло глядеть, как на цитадель православия и самодержавия.

Здесь в малом зале висели портреты царя и царицы, великого князя и великой княгини, а настоятелем церкви был поставлен такой защитник православия и самодержавия, как протоиерей Восторгов⁴, имевший

^а Заголовок документа.

^б Дата определена по содержанию воспоминаний Н.П.Розанова и предисловия к ним.

в епархиальном доме хорошую квартиру, и его помощник архимандрит Григорий. Владимир и сам часто бывал в епархиальном доме на разных заседаниях и чтениях, служил здесь и вообще был вполне уверен в том, что епархиальный дом — его полное и послушное орудие для проведения его строго, можно даже сказать, ультраконсервативной политики. И что же? В годы революции в этой «цитадели» православия и самодержавия стали твориться вещи прямо необычайные. Московские батюшки и прочие члены клира стали наполнять зал епархиального дома вовсе не для благочестивых бесед, для которых он предназначался владыкою митрополитом, а для шумных разговоров о церковных реформах, весьма тесно связанных с реформами политическими, возведенными после великой забастовки в Петербурге и провозгласившими всякие «свободы»: собраний, союзов, слова и печати⁵. Эта московская церковная революция в то время ее руководителями скромно называлась освободительным движением.

Да, то, что происходило в 1905—1906 гг. в собраниях Общества любителей духовного просвещения в епархиальном доме, было организованным походом на самодержавие духовного владыки, а вместе с тем и светского. Л. А. Тихомиров⁶ в своем дневнике, напечатанном в журнале «Красный архив» за 1929 год, в этой деятельности Общества любителей духовного просвещения [не видел] ничего иного, как только «скандалы», «хулиганство» распоясавшихся либеральных батюшек. Но он так отзывался о деятельности Общества на основании рассказов своего сына, студента духовной семинарии, в скором времени принявшего иноческий чин и усвоившего черносотенные воззрения своих духовных руководителей — Никона и других монахов.

Между тем, вопросы о необходимых в церкви реформ ставили в Обществе последовательно один за другим, дело велось систематически, резолюции принимались огромным большинством, чуть ли не единогласно, после внимательного обсуждения «доклада» об этих реформах, — словом, все шло вполне «парламентарно». Московское духовенство поняло, что в единении — сила и потому, конечно, в прогрессивной своей части, тесно спланивалось вокруг вновь избранного президиума Общества (старый президиум должен был отказаться от руководства делами Общества). На основании общего нового узаконения — если можно назвать Манифест о свободах узаконением — оно сочло себя в праве действовать совершенно самостоятельно, не считаясь с мнениями владыки митрополита, которому, понятно, такой образ действий казался недопустимым. Ему, однако, доставлялись «для сведения» огромные протоколы заседаний Общества, да, кроме того, о том, что делалось в Обществе, он знал от своих викарных епископов или от преданных ему лиц из консервативного духовенства. Он пытался неоднократно наложить свою руку на Общество, но это ему не удавалось, так как последнее было защищено своим старым Уставом.

Иногда он вызывал к себе некоторых лиц из президиума Общества и старался доказать им свое право налагать «veto» на решения Общества («Я — епархиальный архиерей, я за все отвечаю»), но на его заявления

Общество не отвечало и продолжало свое дело. Митрополит тогда раздражался, входил в пререкания с членами президиума, рвал и метал, как говорится, но все-таки не мог ничего сделать для того, чтобы «вогнать в оглобли вырвавшегося коня». Чем более он кипятился, тем хладнокровнее и организованнее действовали представители Общества, и работа по вопросу о церковных реформах продолжалась вопреки всем стремлениям митрополита прекратить ее. Мало того, когда духовенство узнало, что митрополит отправил в Синод свое мнение о необходимых реформах, какое затребовано было от Московской епархии в виду предстоявшего открытия Церковного Собора, не ознакомив с этим мнением московское духовенство, Общество создало свою комиссию по вопросу о церковной реформе, дало этой комиссии определенные директивы в смысле сокращения власти «владык» и эта комиссия, работавшая около года, издала большой сборник о реформах, необходимых для церкви («Перед Церковным Собором». Москва, 1908 г.). Сборник этот в противовес «мнению» митрополита, был отправлен в Синод и имел большой успех, что, конечно, еще больше раздражало митрополита против Общества.

Вторым пунктом расхождения московского духовенства со своим владыкою было так называемое «освободительное движение» 1906 г. Теперь уже можно положительно сказать, что более образованная часть московского духовенства в политическом отношении была настроена для того времени очень либерально и принадлежала неофициально к партии «народной свободы» (кадеты). Попытки партии 17-го октября привлечь на свою сторону духовенство успехом не сопровождалось. И если комиссия по выработке проекта церковных реформ собиралась после 1905 года в помещении Союза 17-го октября, то это делалось в силу того, что в епархиальном доме это делать было неудобно, а политической связи у духовенства с Союзом чрез это вовсе не устанавливалось. Между тем, митрополит Владимир имел тяготение к Союзу русского народа⁷, представителем которого в Москве был протоиерей Восторгов, выходец с Кавказа, как и Владимир. Митрополит прямо рекомендовал даже — в частной беседе с разными лицами — записываться в этот Союз, и когда ему возражали, что Синод — по крайней мере для учителей духовно-учебных заведений, издал запрещение вступать в какие-либо партии, Владимир наивно отвечал: «Да разве Союз — партия? Это — весь русский народ. Кто чувствует себя русским, тому естественно быть членом Союза русского народа». Соответственно такому отношению к политике, Владимир, разумеется, не терпел кадетов и даже октябристов, почему между ним и духовенством кадетского направления обнаруживались «контры».

В собраниях Общества любителей духовного просвещения неоднократно ставился вопрос и об отношении духовенства к политике, причем преобладало такое мнение, которое показывало явное нежелание духовенства поддерживать политику Союза русского народа, сторонником которой был митрополит, и, напротив, выявляло антимонархические тенденции Общества. Были доклады, в которых освещалась неле-

пость утверждения монашествующих представителей Церкви о том, что монархическая власть необходима как «отражение власти Небесного Владыки», что и в Церкви должно существовать «владычное единоличное управление». В этих докладах документально изображаема была роскошная жизнь иноков, которых воля правительствующего Синода поставила во главе богатейших монастырей Московской епархии. В особенности же выяснялись расходы «по столу» настоятеля Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, архимандрита Андрея, счета которого, представлявшиеся в синодальную контору, показывали, что он ежедневно потреблял по несколько фунтов самой дорогой икры, самых лучших балыков, до нескольких бутылок разных вин и т.д. и т.п. Все такие доклады об «архиереях» сопровождались ироническими замечаниями со стороны огромного числа присутствовавших на заседаниях членов Общества и его «гостей», так что «владыкам» (викариям московского митрополита) приходилось, присутствуя также иногда на этих заседаниях, выслушивать очень обидные, хотя и справедливые, выпады и против них самих. После одного из таких заседаний известный тогда черносотенник епископ Никон⁸ разразился против Общества целую бранную статью, которую он в виде письма отправил председателю Общества. Но письмо это, зачитанное на собрании, подлило только масла в огонь, и Общество ответило епископу обстоятельным письмом, в котором разносило в пух [и] прах все выпады епископа и предлагало ему более не посещать заседаний Общества.

Еще более возмутилось московское духовенство (за исключением некоторых «столпов» реакции) тем обстоятельством, что митрополит распорядился прочитать по церквям поучение, составленное Никоном (а, вероятно, самим митрополитом), о защите веры против всяких попыток на завоевание народом свободы. Это поучение духовенством было правильно понято как известного рода провокация, рассчитанная на несознательные элементы паствы (охотнорядцы, дворники и т.п.) на погромы. В Обществе любителей неминуемо начались дебаты по поводу этой «провокации», причем выяснилось, что огромное большинство священников не исполнило волю «владыки» в прочтении поучения. В тех приходах, где последнее было более ретивыми исполнителями воли владыки прочтено, были в церквях неприятные инциденты — споры и пререкания между присутствовавшими при богослужении, доходившие, по местам, до рукопашной. В виду всего этого, Общество отправило в газету «Русское слово», наиболее распространенную, письмо-протест против митрополичьего «поучения», под которым (протестом) подписались более 80 человек из священников Общества и в котором клеймилась как должно гнусная выходка «владыки». Протест этот имел большой успех в Москве, дошел до Петрограда и был причиной того, что сконфуженный до нельзя митрополит принужден был публично отказаться от всякого участия в составлении погромного воззвания и заявил, что и он «не против освободительного движения».

Другим случаем, когда обнаружилось расхождение московского передового духовенства с митрополитом в отношении политики, было из-

дание Обществом любителей духовного просвещения листовок о «свободах», возвешенных в царском манифесте 17 октября. Как и светское общество, московское передовое духовенство «всерьез» приняло эти возвешенные «свободы» и решило «выяснить» их смысл населению Москвы как путем устных бесед с амвона, так и путем печати — через распространение среди народа особых листков с разъяснением того, что такое свобода слова, свобода союзов, свобода собраний и т.д. Несколько членов написали такие листовки, которые были напечатаны тотчас же в Синодальной типографии без разрешения митрополита, которому типография и не была подчинена. Члены Общества стали раздавать бесплатно эти листовки по базарам, чайным и столовым, где народ и читал их. Когда митрополит узнал об этом, то страшно разгневался на Общество и потребовал от президиума Общества, чтобы он нарядил следствие по этому делу, так как священники, проповедуя свободу с амвона без разрешения его, владыки, этим самым совершали преступное деяние. Но президиум Общества доложил разгневанному владыке, что ничего законопреступного в деятельности «проповедников свобод» он не находит, потому что эти свободы «возвешены манифестом царя». Владыка, в свою очередь, заявил, что все же он будет «иметь в виду» означенных проповедников и приберет их к рукам, как подчиненных его юрисдикции по церковным канонам.

Таким образом, приведенное выше заявление митрополита о том, что и он «не против освободительного движения», оказалось противоречащим его дальнейшим поступкам в отношении к прогрессивному духовенству. Это, конечно, замечено было всеми представителями последнего, возбудив в них еще большее негодование по отношению к своему черносотенному владыке, не стеснявшемуся иногда открыто заявлять, что «у нас итак уже слишком много свобод — о каких еще новых свободах хлопочут либералы?»

Было еще несколько инцидентов в жизни Общества любителей духовного просвещения, когда разошлись взгляды у духовенства с митрополитом. Так, например, во время суда над участниками восстания в г. Кронштадте⁹ Общество на одном из своих собраний подняло вопрос о необходимости от лица духовенства обратиться к царю с ходатайством о помиловании имевших подвергнуться тяжелой каре кронштадтских матросов. Ходатайство это было тут же составлено и отправлено, без ведома митрополита московского, к петроградскому митрополиту Антонию¹⁰, как председателю Синода, чтобы тот представил его царю. Хотя, по каким-то неизвестным причинам, Антоний и не исполнил просьбы московского духовенства, тем не менее, Владимир был страшно раздражен этим поступком подведомого ему духовенства и долго не мог забыть его.

Прогневали его московские священники также и тем, что слишком неосторожно коснулись кошелька монастырского и вместе архипастырского на одном из своих собраний, предложив монастырям поделиться своею казною с духовными учебными заведениями, на содержание пансионеров, при которых они отпускали сушие пустяки по сравнению со своими огромными доходами. «Да как вы смеете касаться средств мона-

стырей? — кипятился митрополит в разговоре с представителями духовенства, представившими ему вышеупомянутую резолюцию съезда духовенства, — монастыри — это не ваше дело, вы берите только из приходских средств». Такая защита монастырского кошелька митрополитом была весьма понятна духовенству, которое хорошо знало, какую большую долю получает митрополит от состоявших в его управлении монастырей Троице-Сергиевского и Перервинского. Понятно было всем, что духовенство, требуя обложения монастырей большим налогом, этим самым залезает в карман и самого высокопреосвященного владыки, который любил «копить денежку» на черный день. И вот таким образом горючего материала в отношениях между владыкой и духовенством накопилось все более и более и «дух боевой» на обеих сторонах не ослабевал.

Эти «расхождения» между московским духовенством и владыкой, наконец, возбудили беспокойство в Синоде, и в Москву прибыл недавно назначенный обер-прокурором Синода князь А. Д. Оболенский¹¹, человек очень близкий к графу Витте¹². В общем, Оболенский был на стороне «либералов» и, будучи в Москве, в епархиальной библиотеке, заметил, увидев на столе читальни «Московские ведомости», что «держат эту газету не следовало бы». Поэтому, когда ему пришлось «беседовать» с представителями Общества любителей духовного просвещения, от которого по приглашению обер-прокурора явился в «Славянский базар» полностью весь президиум Общества в составе 30-ти человек, то беседовавшие с ним заметили, что он ведет совещание о мире с митрополитом только pro forma, сознавая сам, что с таким черносотенным владыкой примирение прогрессивного духовенства невозможно. Члены президиума свободно говорили ему обо всех черносотенных деяниях своего владыки и просили обер-прокурора повлиять на него в том смысле, чтобы владыка несколько изменил свое отношение к политике. В результате такой беседы все-таки оказалось возможным предпринять некоторые шаги к заключению «перемирия» с митрополитом, к которому в Петроград решено было отправить делегацию с выяснением всей справедливости требований духовенства или, ближе всего, Общества любителей духовного просвещения. Делегация ездила в Петроград, была у митрополита, который, по-видимому, уже, будучи подготовлен к приему ее обер-прокурором, вел беседу с делегатами в самых мирных тонах и признал, что Общество действовало «закономерно». Был, таким образом, заключен «худой мир», о чем делегация и осведомила инициатора всего дела — обер-прокурора.

Однако этот «мир» действительно оказался «худым» — он продолжался очень короткое время. Как только революционное движение в Москве и других городах было подавлено, воспрянула с особой силою реакция и среди духовных владык. В частности, и московский владыка возобновил свою прежнюю борьбу с Обществом любителей духовного просвещения, этим «штабом» прогрессивного духовенства. Прежде всего, он добился в Синоде утверждения нового устава Общества, где московский митрополит квалифицировался как постоянный попечитель Общества, утверждающий все постановления Общества. Этот устав ми-

трополит принудил принять, как утвержденный высшей властью и не подлежащий никакому изменению. Результатом этого было то, что стоявшие во главе прогрессивного духовенства члены президиума Общества вышли из его состава, и в Совет общества были избраны прежние деятели иного направления, оставшиеся же здесь члены либерального президиума оказались в меньшинстве, так что «возражать» владыке стало некому.

Затем митрополит захватил в свои руки и печатный орган Общества, который оно издавало с 1869 года в виде еженедельной газеты. Сделал это митрополит на том будто бы основании, что Общество «узурпировало» ранее его право иметь свой еженедельный печатный орган. Были поставлены митрополитом и реакционные редакторы газеты — архимандрит Анастасий, протоиерей Восторгов и профессор Д. Введенский¹³, которые уже не пропускали таких «вольномысленных» статей, какие печатались прежде в газете. Начались также со стороны «владыки» и репрессии в отношении некоторых либеральных членов московского духовенства, известных ему раньше своим боевым характером. Так что, действительно, из прежде заключенного перемирия ничего не осталось, и духовенство прогрессивное ушло из епархиального дома и не выступало уже в качестве руководящего элемента в жизни московской церкви вообще до самого ухода митрополита Владимира из Москвы в Киев.

Новая борьба против власти митрополичьей начата была духовенством уже при преемнике Владимира митрополите Макарии,¹⁴ но это имело место после Февральской революции.

Глава 7

1917 год и низложение митрополита Макария

Митрополит Макарий, переведенный в Москву из Томска благодаря своей дружбе с «Григорием Ефимовичем» (как он постоянно величал Распутина¹⁵), был человеком без высшего образования и недалекого ума, но довольно хитрый и притом черносотенник отъявленный, враг всякого прогресса. Он приблизил к себе протоиерея Восторгова, давши ему ответственные посты в епархии, и сблизился с разными черносотенными деятелями Москвы. Можно сказать, что Восторгов был первым министром митрополита Макария, который (Макарий) пел с его голоса. Сам же 80-летний «владыка» только подписывал разные бумаги. Причем, «резюльции» ему прямо диктовал Восторгов, или пребывавший в контакте с последним, секретарь митрополита. При этом, конечно, как Восторгов, так и секретарь всегда имели «свои виды», а о секретаре прямо говорили в Москве как о человеке, который «оухлки на руку не положит».

Деятельность Макария выражалась в детского характера «поучениях», которые говорились им в церквях и иногда — в домах священников, к которым он приезжал после совершения «вечерен» в приходских церквях. Поучения эти были далеки от современных вопросов, какие предъявляла в то время жизнь населения Москвы, и имели предмет своим разъяснение самых элементарных обязанностей христианина.

Макарий, очевидно, полагал, что и для Москвы вполне годится то, чему он учил в Сибири диких инородцев, пред которыми он в свое время выступал в качестве миссионера. С особою серьезностью он говорил в Москве о том, как надо складывать пальцы при наложении на себя крестного знамения, как низко надо кланяться пред иконами, как понимать самые употребительные молитвы и т.д. и т.п.

Но кроме этого Макарий хотел внушить московскому духовенству уважение к Григорию Распутину — это, конечно, может показаться невероятным, но все же было на самом деле. Как Распутин хвалил Макария («Не трожь его — он святой», — говорил он, кажется, Белецкому), так и Макарий говорил московским священникам, что «старец — человек хороший, религиозный», и выпады некоторых священников против Распутина объяснял тем, что они, очевидно, завидуют возвышению старца. Один из наиболее открытых обличителей Распутина был «сослан» Макарием из хорошего московского прихода в село. Поэтому у многих московских священников о Макарии сложилось твердое представление как о «хлысте» — таком же, каким был и его покровитель, Распутин. Наконец, духовенство было неприятно поражено необыкновенною скаредностью владыки, который, получая огромные доходы, не хотел ничего пожертвовать на благотворительные духовные общества и учреждения, а сам, напротив, старался «урвать» с них что-нибудь, например, заставляя семинарии сотнями экземпляров приобретать его наивные поучения, составившие довольно объемистый том и расцененные по 2 р. 30 коп. за экземпляр. Даже телеграммы, какие посылались по его поручению в Петербург по случаю каких-либо торжеств, он заставлял оплачивать из кошелька тех, кто исполнял его поручения.

Покойный протопресвитер Успенского собора Любимов¹⁶, неоднократно должен был платить за митрополита, который при нападении об уплате говорил, что телеграмму посылал ведь не он, следовательно, и платить он не должен. Кстати, Макарий отличался удивительною беспамятностью: названный выше протопресвитер бывал у него в неделю раза по три по разным делам, и митрополит каждый раз обращался к нему с вопросом: «Скажите, отец пресвитер, как Ваше святое имя?» А ведь такого крупного человека и по росту и по дородности, каким был покойный протопресвитер Любимов, конечно, не трудно было запомнить.

Узналось также духовенством, что Макарий имеет какие-то сомнительные знакомства с девицами, стоящими в близких отношениях к Распутину. В Обществе любителей духовного просвещения священник Романский сообщил однажды, что митрополит ездит «с просвиркой» к приятельнице Распутина, купчихе Решетниковой, жившей где-то на Девичьем поле, и там угощается. Были также у него и другие подобные знакомства.

Все эти и многие другие деяния митрополита Макария возбудили против него почти все духовенство, и вот, когда совершилась Февральская революция, против Макария открыто повел атаку вновь образовавшийся «объединенный союз московского духовенства и мирян». В

первой половине 1917 года представители этого союза (священник Цветков¹⁷, Боголюбский¹⁸, затем миряне: Самарин¹⁹, Рачинский, Мансуров²⁰ и др.) были у нового обер-прокурора Синода В.Н.Львова²¹. Когда последний спросил их: «Может ли Макарий продолжать оставаться управляющим Московской епархией?», все явившиеся единогласно сказали: «Нет!» Тогда Львов объявил им, что в Москве будет новый митрополит, выбор которого будет предоставлен собранию духовенства и мирян. Но при этом Львов сказал, что следует убедить Макария самого подать прошение об «увольнении на покой», и представители союза приняли на себя эту миссию.

Интересно объяснение депутации союза с самим Макарием. Отправились в Петербург к Макарию, бывшему в то время «на черед» в Синоде, протопресвитер Любимов, протоиерей Боголюбский и Беляев, миряне Самарин, Мансуров и Новоселов. По словам отца Любимова, по приезде в Петербург, депутаты, прежде всего, побывали у митрополита Владимира и попросили его переговорить с Макарием относительно цели их приезда, так как самим им предлагать Макарию отречение казалось очень неловким. Владимир действительно переговорил с Макарием в тот день, когда Макарий приехал к нему. Он указывал Макарию на то, что его уже вполне определившиеся убеждения совершенно не могут мириться с новым строем государственной жизни. Что ему, по его старческому возрасту, самым лучшим выходом было бы удалиться в монастырь, где бы ему можно было спокойно «заниматься молитвенными подвигами». И что он сам, Владимир, охотно ушел бы на покой, если бы его об этом попросили. Макарий на это предложение не сказал ни слова и, по выражению Владимира, молчал все время, как убитый. Тогда Владимир, наконец, рассердился и сказал, что если Макарий не доверяет ему, то пусть выслушает депутацию, приехавшую из Москвы. На последнее предложение Макарий согласился и сказал, что он будет ждать депутацию в пять часов вечера в субботу.

В назначенный день и час депутаты явились к Макарию на подворье (на Фонтанке), и тот встретил их торжественно во всех регалиях. Когда Макарий благословил каждого, и попросил всех садиться, протопресвитер Любимов, которому было поручено депутатами держать речь, начал говорить стоя. Заметить нужно, что сначала была мысль выпустить в качестве оратора А.Д.Самарина, но тот нашел это неудобным, так как Макарий мог принять его слова очень недружелюбно в виду того, что Самарин раньше, в бытность свою обер-прокурором, являлся к нему с просьбой «отдалить от себя темные силы», и Макарий, конечно, на это обиделся.

Протопресвитер в своей речи указывал Макарию на то, что московское духовенство в настоящее время находится в крайне стесненном положении: у него нет «главы», от которой исходили бы директивы относительно того, какую дорожку идти духовенству в новой государственной жизни. Митрополит находится в Петербурге и на все просьбы духовенства о директивах отвечает: «Поступайте, как знаете!»

Макарий: Но разве я не руководил духовенством в бытность свою в Москве? Я служил в церквах, проповедовал, беседовал со священниками после служений в приходских храмах. Мало ли и еще другого я делал?

Любимов: Да, все это так. Вы, владыка, великий молитвенник, но нельзя в настоящее время ограничиваться беседами только о молитве и духовной дисциплине. Теперь возникли серьезные общественные вопросы, которые духовенству разрешать надобно и на которые ждет ответа паства московская. Вот в этом отношении Вы и не давали, и не даете нам определенных указаний... Кроме того, Вы окружили себя лицами, которые находятся под подозрением у духовенства и мирян, и им одним доверяете.

Макарий: Какими это лицами?

Любимов: Вы сами их хорошо знаете — это Восторгов, Григорий (архимандрит), Петропавловский, Ваш секретарь.

Макарий: Но их выдвинул вовсе не я, еще митрополит Владимир, когда он был московским митрополитом.

Любимов: Это, положим, верно, но ведь эти лица при митрополите Владимире не имели такого значения, какое имеют при Вас. Все знают, что Петропавловский открыто берет взятки.

Самарин: А я прибавлю к этому, что Петропавловский, принимая взятки, говорит: «Это идет не мне, а тому, кто повыше меня». Вот как позорит Вас Ваш секретарь.

Макарий: Но почему же Вы и протопресвитер не говорили мне об этом ранее? Ведь, кажется, мы часто с Вами виделись в Москве.

Любимов: Да потому что я не хотел быть «темной силой».

Макарий: Что же это означает?

Любимов: Это значит, что я не хотел Вам навязываться со своими советами, которые другими могли бы быть поняты как «наветы». Вы же сами меня никогда не спрашивали относительно епархиальных дел, к которым, впрочем, я и касательства прямого не имел, как состоящий не в епархиальном, а в синодальном ведомстве.

Макарий: Ну, а если я удалю от себя эти, по вашему выражению, «темные силы», — могу ли я тогда остаться на кафедре?

Любимов: Простите, владыка, не можете! Ваши воззрения идут совершенно вразрез с современными настроениями московского духовенства и мирян, и Вы прямо не могли бы выступать руководителем на собраниях духовенства и мирян.

Макарий: Ну, а я все-таки не нахожу справедливым удалять меня с кафедры таким способом, по вашему предложению. Пусть Синод назначит надо мною суд, и если я окажусь в чем-либо серьезном виноватым, пусть тогда меня удаляют.

Любимов: Нет, владыка, лучше будет не доводить дело до суда. Ведь суд над Вами не ограничится только заседаниями в зале суда, а будет вестись и на страницах газет, которые ныне вправе рассуждать о чем угодно, и Вы можете там подвергнуться такому поруганию, что нам Вас просто жалко... Лучше удалитесь сами, без суда.

Макарий: Пожалуй, это имеет известное основание. Вот Григорий Богослов, когда паства выразила им недовольство, ушел в пустыню.

Мансуров: И Вам бы, владыка, нужно последовать этому доброму примеру и уйти в пустыню.

Макарий: Пожалуй, я удалюсь, но только на время. Я возьму отпуск месяца на два, а там погляжу, как обернется дело. Вот — плохо знаю, кого бы назначить временно управляющим епархией? Разве Модеста?

Самарин: Модеста²² — ни в коем случае...

Макарий: Ну, Феодора²³...

Боголюбский: Феодор тоже неприемлем.

Любимов: Лучше назначить Иоасафа,²⁴ — это человек вполне корректный и близко знаком с положением духовенства, как сам долго бывший священником.

Макарий: Ну, пусть будет Иоасаф. Прощайте!

Депутация сообщила о результатах беседы с Макарием митрополиту Владимиру и тот, раздраженный упрямством старика, дал слово добиться в Синоде увольнения Макария «на покой», что и было сделано через день. Макарию было предложено всеми членами Синода подать прошение об увольнении, и тот, видя, что он ни в ком не находит себе сочувствия, «выбросил» на стол прошение, заранее им написанное, но которое он все-таки надеялся оставить в кармане.

Макарию был отведен для жительства Угрешский монастырь, и этот верный друг Распутина жил здесь до самой смерти (ум. в 1925 г.). Таким образом, победа духовенства в соединении с мирянами была, в конце концов, одержана над последним самодержавным духовным владыкой. Выборы нового были предоставлены самому духовенству (опять в соединении с мирянами), которое при временно управляющем после Макария епископе Иоасафе и выбрала на московскую кафедру Ярославского архиепископа Тихона²⁵, превратившегося волею Собора в патриарха.

Всю эту историю я записал со слов протопресвитера Любимова, который передал мне ее в беседе со мною, как со своим товарищем.

ОР РГБ. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1. Автограф.

Примечания

¹ В предисловии к своим воспоминаниям Н.П.Розанов сообщает следующие сведения о московских родственниках: «Дед мой был священник Николо-Толмачевской церкви в Москве — Николай Яковлевич Розанов. Фамилия ему была дана, по-видимому, при поступлении в семинарию, так как отец деда, дьячок при церкви Черниговских чудотворцев на Пятницкой улице, Яков, в клировых ведомостях не обозначен по фамилии. На плане же домов, стоящих на церковной земле означенного прихода, хранящемся в Древнехранилище, является под фамилией “Голубкова”. Отец мой был дьяконом на дьяконовской вакансии при церкви Петра и Павла в Преображенском. Дед мой по матери Александр Попов был сакелларием Большого Успенского собора в Кремле. Таким образом, родство у меня в Москве среди духовенства было значительное (у деда по матери было пять дочерей, которые все вышли замуж за лиц, принявших духовный

сан), и я в течение всей своей жизни, за исключением четырех лет пребывания в Московской Духовной академии и трех лет (1880—1883 гг.) службы в Тверской семинарии, имел возможность наблюдать жизнь московского духовенства, как приходского, так и соборного (у меня были дяди: в Успенском соборе, в Покровском и Казанском соборах). В бытность свою преподавателем Московской семинарии я также все время стоял в довольно близких отношениях к московскому духовенству, имея в нем родственников и по жене, что дает мне право выступить в некотором роде историком жизни этого сословия в последнее пятидесятилетие перед революцией. Мои воспоминания о многих лицах московского духовенства несомненно расходятся с изображениями характера и деятельности этих лиц, имеющимися в официальных и неофициальных изданиях (некрологи, описания юбилеев и пр.), но это не должно никого удивлять, так как все описанные сообщения, конечно, изображали московских батюшек в сильно приукрашенном виде, а мне нет никакого повода и основания изображать жизнь духовенства не такую, каковой она была в действительности. Пословицу я признаю не имеющую никакого разумного основания, потому что принять ее за принципы, значило бы совсем лишить всякого объективизма историю человеческого общества и отдельных деятелей. В мои воспоминания могут встретиться хронологические неточности, и я прошу в этом извинения у читателей: пусть они примут во внимание, что воспоминания я пишу, достигши 76-летнего возраста, когда память человеку уже изменяет».

² *Владимир* (1848—1918) — родился в Тамбовской губернии, в семье священника. Образование получил в Тамбовской духовной семинарии и в Киевской духовной академии, которую окончил в 1874 г. со степенью кандидата богословия. В течение последующих восьми лет преподавал в Тамбовской семинарии. В 1882 г. принял священнический сан и служил в церквах г. Козлова Тамбовской губернии. В 1886 г. принял монашество и назначен настоятелем Тамбовского Троицкого монастыря, а затем — Новгородского Антониева монастыря. В 1888 г. рукоположен во епископа Старорусского, викария Новгородской епархии. Архиепископом стал в 1892 г., в 1898 г. — митрополитом. С 1898 г. по 1912 г. возглавлял Московскую кафедру. Был выдающимся проповедником и церковным публицистом. В 1912 г. был переведен на Киевскую кафедру. В 1918 г. при невыясненных обстоятельствах был убит неизвестными лицами в Киеве, близ Киево-Печерской лавры. Канонизирован на Архиерейском соборе Русской православной церкви в 1992 г.

³ *Сергей Александрович* (1857—1905) — великий князь, член Государственного совета. С 1891 г. московский генерал-губернатор.

⁴ *Восторгов И. И.* (1867—1918) — протоиерей. После окончания духовной семинарии состоял учителем в учебных заведениях Кавказского учебного округа. Затем — синодальный проповедник-миссионер и окружной наблюдатель церковных школ Приуральской губернии. Автор многочисленных статей, брошюр и книг (Христианство и социализм. М., 1906; Христианский социализм. М., 1907 и др.). Расстрелян по приговору ВЧК в 1918 г.

⁵ Имеются в виду политические забастовки в Санкт-Петербурге осенью 1905 г., вынудившие Николая II подписать 17 октября Манифест о «даровании свобод» населению.

⁶ *Тихомиров Л. А.* (1852—1923) — писатель, публицист.

⁷ Союз русского народа — правомонархическая организация, выступавшая в защиту абсолютной монархии, незыблемости союза самодержавия и православной церкви, против каких-либо уступок освободительному и революционному движению. Союз активно действовал в годы первой русской революции. В состав его территориальных организаций входили несколько десятков архиереев, а

также представители от приходского духовенства и мирян во многих губерниях Российской империи.

⁸ *Никон (Рождественский)* (1851—1919) — по окончании Московской духовной семинарии принял монашество (1880 г.) и нес послушания в Троице-Сергиевой лавре, с 1893 г. был ее казначеем. В 1904 г. хиротонисан во епископа Муромского. С 1906 г. — на Вологодской кафедре. В 1912 г. назначен членом Государственного совета и уволен от управления епархией. Неоднократно выступал в печати по современным церковно-общественным вопросам. Занимался издательской деятельностью — выпускал «Троицкие листки», «Троицкое слово», «Божию ниву». Известен борьбой с монахами-имябожниками на Афоне, куда ездил по поручению Святейшего Синода. Примыкал к правому консервативному крылу в Российской православной церкви. См. о нем: Церковно-исторический вестник. 1999. № 2—3. С. 199—204.

⁹ Речь идет о восстании моряков в Кронштадте в годы первой русской революции.

¹⁰ *Антоний (Вадковский)* (1846—1912) — с 1898 г. митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. Постоянный член Святейшего Синода, а с 1906 г. — первенствующий член Святейшего Синода. Член Государственного совета.

¹¹ *Оболенский А.Д.* — обер-прокурор Святейшего Синода.

¹² *Витте С.Ю.* (1849—1915) — граф, член Государственного совета. В 1903—1906 гг. председатель Комитета (Совета) министров.

¹³ *Введенский Д.* — профессор Московской духовной академии.

¹⁴ *Макарий (Невский)* (1835—1926) — переведен на московскую кафедру в 1912 г. До этого в течение нескольких десятков лет служил в Алтайской миссии. С 1891 г. епископ Томский.

¹⁵ *Распутин Г.Е.* (1864—1916) — крестьянин с. Покровского Тобольской губернии, один из самых известных царских фаворитов (1905—1916). Убит в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г.

¹⁶ *Любимов Н.А.* (1858—?) — протопресвитер Успенского собора в Кремле. См. его воспоминания о работе Священного Синода, членом которого он был, весной—летом 1917 г.: Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (12 апреля — 12 июня 1917 г.) / Российская церковь в годы революции (1917—1918 гг.).

¹⁷ *Цветков Н.В.* (1862—?) — протоиерей московского храма на Варварке. Из семьи священника. Окончил Заиконоспасское духовное училище, московские духовные семинарию и академию. Член Поместного Собора в 1917—1918 гг.

¹⁸ *Боголюбский И.Н.* (1856—1926) — протоиерей, магистр богословия Московской духовной академии, профессор богословия Сельскохозяйственного института (1902—1911). В 1923 г. участник обновленческого Поместного собора, где был избран в состав Высшего церковного управления.

¹⁹ *Самарин А.Д.* (1869—1932) — в июле—сентябре 1915 г. исполнял должность обер-прокурора Святейшего Синода, см.: Встреча в Ставке. Николай II и А.Д.Самарин. Июнь 1915 г. / Исторический архив 1996. № 2. С 1916 г. занимал должность Председателя совета объединенного дворянства. В июне 1917 г. на съезде духовенства и мирян Московской епархии группой мирян-членов съезда был выдвинут кандидатом на должность митрополита Московского. Член Поместного собора Русской православной церкви.

²⁰ *Мансуров П.Б.* (1860—?) — директор Московского главного архива министерства иностранных дел. Член Предсоборного Совета. Член Поместного Собора Русской православной церкви.

²¹ *Львов В.Н.* (1872—1934) — российский политический деятель. Член III и IV Государственных дум. Возглавлял комиссии по церковному вопросу. С марта по июнь 1917 г. занимал должность обер-прокурора Святейшего Синода. Проводил активную «антираспутинскую» политику, выступал за «обновление» церкви на началах соборности, единения усилий епископата, духовенства и мирян. После Гражданской войны непродолжительное время был в эмиграции. По возвращении в Советскую Россию примкнул к обновленческому движению.

²² *Модест (Никитин)* — епископ (с 1913 г.) Вере́йский, викарий Московской епархии. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол.

²³ *Феодор (Поздеевский)* (1876—1937) — по окончании Казанской духовной академии оставлен при ней профессорским стипендиатом (1900 г.). Приял монашество и был рукоположен в священный сан. В 1901—1902 — преподаватель, инспектор Казанской духовной академии, магистр богословия (1903 г). С 1906 г. по 1917 г. — ректор Московской духовной академии. С 1909 г. — епископ Волоколамский. Уволен из Академии стараниями обер-прокурора В.Н.Львова и в результате конфликта между Феодором и членами ученой корпорации.

²⁴ *Иоасаф (1851—?) (Каллистов)* — епископ Дмитровский, викарий Московской епархии.

²⁵ *Тихон (Белавин)* (1865—1925) — Ярославскую кафедру занимал в 1907—1913 гг. Затем переведен на Винскую и Литовскую кафедру. В июне 1917 г. на съезде духовенства и мирян Московской епархии избран на должность митрополита Московского. В ноябре 1917 г. на Йюмистном Соборе Великой православной церкви избран патриархом Московским и всея Руси.

«САМОЕ ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ИЗ НАПИСАННЫХ ВАМИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ»

Письма издательства «Мир» к Г.В.Плеханову. 1909—1917 гг.

Публикуемые ниже письма позволяют нам лучше понять, как создавалось одно из самых важных сочинений Г.В.Плеханова — *«История русской общественной мысли»*. 47 писем Плеханова и его жены в издательство «Мир» были опубликованы еще в 1924 г.¹, чего, к сожалению, нельзя сказать о посланиях из издательства Плеханову, за исключением 3-х². Причина ясна: внимание исследователей обращалось, главным образом, на высказывания Плеханова. Но, на наш взгляд, важно рассмотреть вопросы издания *«Истории русской общественной мысли»* и с точки зрения издательства. Д.Б.Рязанов в предисловии к XX тому сочинений Г.В.Плеханова писал: «Так как издательство очень торопилось [с] выпуском книги, то оно, [рассудку вопреки], закончило первый том параграфом о Крижаниче, разорвав совершенно произвольно главу седьмую второй части и отнеся параграфы о Котошихине и Голицыне, а также главу восьмую о расколе, во второй том. Этот произвол, объяснявшийся только коммерческими соображениями, сильно повредил архитектонике первого тома»³. Такое мнение нам представляется односторонним, потому что, как свидетельствуют публикуемые ниже письма издательства, в разделении сочинения на тома виноват скорее всего сам Плеханов, поскольку он так и не смог соблести оговоренных заранее сроков. Однако нелишне указать, что, несмотря на различие интересов автора и издателей, они нашли общий язык и объединили усилия для выпуска в свет «самого значительного» из произведений Г.В.Плеханова.

Главная контора издательского товарищества «Мир» располагалась в Москве: сначала — на Большой Никитской, 22, а в 1909 г. переместилась на Знаменку, 9. В этом издательстве вышли такие книги, как: *«История русской литературы XIX века»* под ред. Д.Н.Овсяннико-Куликовского. Т. 1—4, 1908—1912; Покровский М.Н. *«Русская история с древнейших времен»*. Т. 1—5, 1909—1914; *«История западной литературы (1800—1910)»* под ред. Ф.Д.Батюшкова. Т. 1—4, 1912—1917; *«Русская литература XX века (1890—1910)»* под ред. С.А.Венгерова и другие. Переписку с Плехановым и его женой вели издатели: Моисей Яковлевич Фитерман, Лев Аркадьевич Лурье и некий Александров. С середины 1914 г. с Плехановыми переписывался один Л.А.Лурье.

В Доме Плеханова Отдела рукописей Российской национальной библиотеки хранится 69 писем издательства «Мир» Плеханову и его жене. Для настоящей публикации нами отобраны 19 писем Г.В.Плеханову и 2 письма Р.М.Плехановой,

¹ См.: Воинствующий материалист. Сб. 1. М., 1924. С. 165—202; Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова. Т. 3. М., 1974. С. 282—283.

² См.: Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова. Т. 3. С. 251; 264—265; 286—287.

³ Плеханов Г.В. Соч. Т. XX. М.—Л., 1925. С. XI.

наиболее ярко освещающие ход рождения «Истории русской общественной мысли», и пропущены письма, касающиеся, главным образом, доставки требовавшихся Плеханову для написания данной работы книг, а также письма, в которых обсуждаются публикации статей Плеханова в «Истории русской литературы XIX века» и «Истории западной литературы (1800—1910)».

Хочу выразить благодарность заведующей сектором Дом Плеханова Отдела рукописей Российской национальной библиотеки Т.И.Филимоновой за помощь в работе.

Публикацию подготовил профессор Университета международных исследований Тояма ХИРОСИ САКАМОТО (Япония).

№ 1

М.Я.Фитерман — Г.В.Плеханову

5/18 октября 1909 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович, в вышедших на днях 12 и 13 выпусках напечатаны Ваши статьи: «Герцен» и «Чернышевский»¹, и мы получили возможность точно подсчитать все Вами написанное. Во всех написанных Вами статьях заключается 285000 букв. Считая по 100 р. за лист в 40000 букв, Вам причитается всего 712 р. 50 к., в счет коих Вами одновременно получено 600 руб., а остальные 112 р. 50 к. препровождаем чеком на местный банк (на имя Вашей почтенной супруги, т. к. не уверены, что Вы в Женеве²). Покорнейше просим получение денег подтвердить и прислать прилагаемую при сем обычную квитанцию.

Вы очень обяжали бы нас, глубокоуважаемый Георгий Валентинович, если бы сообщили, остались ли Вы при своем обещании написать «Историю русской общественной мысли» и когда, в случае положительного ответа на предыдущий вопрос, можно рассчитывать получить от Вас план предполагаемой работы, ее размер, условия (Вы хотели кое-что изменить в предложенных нами условиях)³. В ожидании Вашего ответа пребываем.

С глубоким почтением

Фитерман

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 910. Г. 38.6. Л. 1—2.

№ 2

М.Я.Фитерман — Г.В.Плеханову

23 октября/5 ноября 1909 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович, подтверждая получение Вашего почтенного письма от 29 октября, настоящим имеем честь формулировать те условия, на которых Т[оварищ]во Мир просит Вас написать для него книгу «История русской общественной мысли в XIX в.», а именно: 1. Издание имеет составить книгу в 40 листов по 40000 букв каждый. 2. Гонорар с листа в

40000 букв определяется в 75 руб. 3. Издание переходит в собственность издательств, с тем однако, что за каждую тысячу экземпляров, напечатанную сверх первых 3000, Т-во имеет [возможность] уплачивать Вам половину первоначального гонорара 75/3?2, т. е. 12 р. 50 к. с листа за тысячу экземпляров. 4. По получении Вашего согласия на указанные выше условия, Т-во имеет выслать Вам аванс в 600 руб., а остальные 2400 р. Т-во выплачивает Вам по мере поступления рукописи⁴.

Книгу желательно было бы поделить на две части, чтобы сделать ее доступной широкой публике (по цене, конечно). Книги, какие Вам потребуются, Вы можете, конечно, получить через нас, и мы с удовольствием возьмем на себя труд приобретения и пересылки их. Не будете ли любезны указать, в какие сроки Вы рассчитываете доставлять рукопись.

В ожидании подтверждения настоящего нашего письма и согласия на изложенные в нем условия пребываем.

С глубоким почтением

Фитерман

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 910. Г. 38.7. Л. 1.

№ 3

М.Я.Фитерман — Г.В.Плеханову

22 января/4 февраля 1911 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович, сегодня отправил Вам взятые мною для Вас в унив[ерситетской] библиотеке книги: Любавского (2 кн.), Влад[имирского]-Буданова (1 кн.)⁵ и Барбашев[а] (1 кн.). Дашкевич и Аксаков взяты и их не скоро получишь; о Киев[ских] унив[ерситетских] изв[естиях] за 1882 г. я написал в Киев⁶. Вы много обяжете нас, если книги, взятые из унив[ерситетской] библи[отеки], немедленно по использованию вышлете нам, т.к. их могут во всякое время потребовать. Кроме того, к маю все эти книги должны быть здесь, т.к. в мае ежегодно производится проверка книг.

Очень желательно было бы получить текст для набора, чтобы хотя бы первая половина могла выйти в августе. Возможно ли это?

С глубоким почтением

Фитерман

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 910. Г. 38.18. Л. 1.

№ 4

М.Я.Фитерман — Г.В.Плеханову

12/25 марта 1911 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович, спасибо за сообщение о состоянии Вашей работы. Мы потому запрашивали, что хотели выпустить книгу к осеннему сезону н[ынешнего] г[ода], но, очевидно, до этого далеко еще.

Книги, которые Вы просите, очень трудно достать. О части, а именно: Собрание летописей, Александр I и Забелин, Домашний быт⁷, и говорить нечего. Из унив[ерситетской] библиотеки взять их нельзя — книги такие, что преподаватели могут их потребовать во всякое время. Я пока навожу о них справки у знакомых историков — не дадут ли на подержание. Что касается Дьяконова, Рождественного и Чечулина, которые Вы просите купить, то первая стоит 15 р., вторая — 4 р., третья — 10 руб. (у букинистов). Покупать ли? Или взять, если можно, из библиотеки?

Книги, отправленные Вами в двух посылках, получены.

С глубоким почтением

Готовый к услугам

Фитерман

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 910. Г. 38.21. Л. 1.

№ 5

М.Я.Фитерман — Г.В.Плеханову

17/30 сентября 1911 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович, статью об утопистах получили и перешлем Ф.Д.Батюшкову⁸. Прилагаем при сем чек на 150 р. (397.55 фр.) в качестве аванса. Много обяжете, если сообщите, когда начнете присылать рукопись «Истории общ[ественной] мысли». Очень хотелось бы в начале 1912 г. начать выпускать эту книгу.

С глубоким почтением

Фитерман

РНБ. АДП. Ф.1093. Оп.3. Ед. хр. 910. Г.38.26. Л. 1.

№ 6

М.Я.Фитерман — Г.В.Плеханову

5/18 марта 1912 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович, много обяжете, если сообщите, когда мы получим материал для набора «Истории общественной мысли». Приближается лето и, чтобы книга вышла к осеннему книжному сезону, надо использовать лето для набора и печатания. Вы писали нам уже, что предполагаете начать доставлять материал с января 1912 г. Мы Вас поэтому не требовали, но теперь уже март, и мы боимся не упустить бы нам сезона. В ожидании Вашего ответа пребываем.

С глубоким почтением

Фитерман

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 910. Г. 38.29. Л. 1.

№ 7

М.Я.Фитерман — Г.В.Плеханову

22 мая/4 июня 1912 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович,

наконец-то дождались от Вас подробного письма — мы его долго, очень долго ждали. Что работа Ваша в целом не может быть готова к осени, мы знали, конечно⁹. Но мы решили выпускать ее частями приблизительно листов по 15 в части. При 40—45 листах общего размера таких частей было бы три. Теперь после детальной разработки материала Вам виднее необходимые размеры — не придется ли выйти за намеченные размеры, а если да, то насколько именно. Точный размер нам важно знать заранее. Выпуская частями, надо однако избежать перерывов между ними, т. к. это охлаждает читателя. *Весь* материал надо здесь иметь к январю: первую и вторую части мы выпустили бы тогда в течение этой осени, а третью зимой. Сегодня мы телеграфировали Вам «Сорієз»¹⁰ — нам важно одновременно получить больше, чем 4 S л., т.к. иначе и типография недостаточно серьезно относится к заказу и растянет выполнение. Все же по изготовлении копии пришлите рукопись.

Книги, которые Вы просите, постараюсь разыскать. На днях я Вам телеграфировал и просил выслать Шишкова¹¹ и Лукина — книги требуются унив[ерситетской] библиотекой. Надеюсь, что Вы их уже выслали.

С глубоким почтением

Преданный Вам

Фитерман

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 910. Г. 38.31. Л. 1.

№ 8

Л.А.Лурье — Г.В.Плеханову

5/18 июля 1912 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Рукопись Ваша своевременно получена. Простите, что не сообщили Вам о том немедленно; мы все ждали письма¹².

Против увеличения размера Вашего труда до 45—48 листов мы бы ничего не имели; нам лишь необходима твердая уверенность, что установленный размер не будет превзойден¹³. Мы и просим теперь указать точный и определенный размер. Мы уже Вам писали, что было бы удобно выпустить Вашу работу в трех частях приблизительно по 15—16 листов в каждой; не откажите сообщить, позволит ли подобного разделения план Вашей работы. Вместе с тем просим указать, когда материал каждой части может быть Вами доставлен. В письме нашем от 22 мая мы сообщили, что нам было бы желательно первые две части выпустить из печати осенью, а третью — зимой; сможете ли Вы в надлежащие

сроки доставить нам материал? До получения от Вас ответов на поставленные вопросы мы опасаемся отсылать рукопись Вашу в набор.

До Вашей статьи для «Ист[ории] западн[ой] литерат[уры]» очередь может прийти приблизительно в октябре; надеемся, что к тому времени Вы ее доставите¹⁴.

Книги Сперанского — «План государств[енных] преобраз[ований]» и «Ивашка Пересветов» — постараюсь достать¹⁵.

Крайне нас обяжете, если не задержите ответа на это письмо.

Искренне Вас уважающий

Л.Лурье

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 910. Г. 38.32. Л. 1.

№ 9

Л.А.Лурье — Г.В.Плеханову

28 марта/10 апреля 1913 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Вчера мы Вам отослали очерк о социализме и сообщили о том Федору Дмитриевичу Батюшкову. Мы его просили списаться с Вами точнее и определеннее относительно характера желательной для «Ист[ории] западн[ой] литературы» статьи. Так как Вы первую статью предлагаете поместить в журнал, то теперь есть возможность заранее точнее определить план новой статьи, которая могла бы быть разделена на 2 части¹⁶.

Получили Вы, конечно, начало корректуры «Ист[ории] русск[ой] обществ[енной] мысли»; в ближайшие дни пошлем Вам продолжение. Присланную Вами рукопись рассчитываем в скором времени набрать всю; корректуру, надеемся, не будете задерживать. Вопрос в том, в какой постепенности будете нам доставлять остальной материал. Как бы наше нетерпение не было велико, мы не хотели бы торопить Вас во вред целостности самого труда Вашего. Но ... но все же сроки необходимы, так как нам необходимо указать подписчику, что когда он получит. Если издать Ваш труд в виде трех томов по 18 счетных листов в каждом (печатных выйдет несколько больше), промежутки между томами по времени их выхода будут слишком велики, что серьезно вредит распространению книги. Издательство поэтому находит более целесообразным выпускать произведение Ваше по подписке частями по 10 листов (печатных) в каждой, предлагая таких частей около семи. При таких условиях установленный нами размер — 54 листа по 40000 букв — Вас не должен так теснить: в случае надобности Вы можете несколько расширить рамки. Такое обстоятельство с авторской точки зрения, надо полагать, должно признаться благоприятным. Указывая в проспекте, что произведение будет содержать около 7 выпусков, издательство может дать и 8 выпусков. Но за то, открывая подписку, мы должны установить, в какие сроки будут выходить выпуски. Так как мы к началу осени

будем иметь в своем распоряжении всю первую часть, т.е. 2 выпуска (18 счетных листов составит ок. 20 печатных), то мы, имея отпечатанным первый выпуск и заканчивая печатанием второй, объявили бы *в начале августа* подписку, обещая приблизительно через каждые 2 месяца выпуск. Принимая во внимание нашу беседу¹⁷, я думаю, что Вы найдете возможным принять на себя такие обязательства. Вы тогда рассчитывали закончить всю работу к концу 1913 года; изложенные условия выхода издания отодвинули бы срок на 6—7 месяцев. Но особенное значение получает при этом постепенность (но и непрерывность) доставления материала. Мы теперь и хотели бы получить от Вас определенный ответ: получим ли до сентября окончание первой части, причем это окончание мы желали бы получать частями, дабы мы могли продолжать набор без больших перерывов (требование типографии), можем ли мы рассчитывать получать от Вас, начиная с сентября, по 4—5 листов литературного материала ежемесячно. Для Т-ва крайне важно осуществить выпуск издания так, как выше изложено; будем очень рады и благодарны Вам, если с[о] своей стороны примете меры к точному выполнению намеченного плана. — Вторая просьба к Вам, дать нам возможность скорее выпустить проспект «Истории русской обществ[енной] мысли». Для этой цели нам прежде всего нужно примерное общее оглавление издания, т.е. приблизительное содержание его. Оно, конечно, может быть составлено так, чтобы оно потом Вас не очень связывало; можете даже сделать оговорку, что при осуществлении оставляете за собой право вносить некоторые изменения. Кроме плана, желательно получить для проспекта маленькое предисловие (1—1½ страницы) о целях и задачах издания. Далее, нам кажется не бесполезным дать некоторое количество иллюстраций — портретов представителей русской обществ[енной] мысли; всего таких портретов мы бы думали дать ок. 60. Быть может, для введения было бы уместно дать портреты историков. Если Вы против этого предложения ничего не имеете, не откажите теперь же указать первые 16 портретов (их придется печатать группами по 16)¹⁸.

Я раз как^a к Вам писал, а на днях поговорив опять с Ал. Ис. Браудо (он был здесь), считаю нужным еще раз обратить Ваше внимание, что при посредстве какого-либо швейцарск[ого] или итал[ьянского] профессора Вы могли бы получать из Петерб[ургской] Публ[ичной] библиотеки весьма много нужных Вам книг. Бывает и так, что не какое-либо лицо через консула, а университет как учреждение, обращает[ся] в Пет[ербургскую] Публ[ичную] библ[иотеку] за книгами; такие просьбы также всегда выполняются.

Примите уверение в искреннем уважении
и глубокой преданности

Л. Лурье

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 911. Г. 38.35. Л. 1—2.

^a Так в тексте.

№ 10

Л.А.Лурье — Г.В.Плеханову

30 апреля/13 мая 1913 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

28 марта я Вам отправил подробное письмо по поводу «Истории русской общественной мысли», первая часть корректуры была выслана еще раньше. К удивлению и огорчению мы до сих пор не получили ответа на поставленные вопросы, меж тем издательству они необходимы. Раз уже приступлено к народу, необходимо окончательно установить, как сочинение будет выходить, какими частями, в какие сроки и т.д. А так как Ваш труд издательство желает выпускать в виде подписного издания, то те сведения, о которых мы говорили в нашем письме от 28-го марта, еще более необходимы и возможно скорее. В виду этого позволяем себе еще раз убедительнейше просить Вас немедленно дать нам обстоятельные ответы на все наши вопросы.

Вам выслан дальнейший набор, гранки 41—89. Не откажите выслать предыдущие 40 гранок и не задерживать последующих.

С нетерпением ждем Вашего письма.

С глубоким уважением и искренней преданностью

Л.Лурье

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 911. Г. 38.36. Л. 1.

№ 11

Л.А.Лурье — Г.В.Плеханову

28 мая/10 июня 1913 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Сейчас получили Ваше письмо от 7-го июня н. ст.; получена также корректура «Введения».

Мы предполагаем иллюстрировать Ваш труд только портретами; бытовой материал исключаем¹⁹; вероятно, ограничимся представителями определенных умственных течений, лицами, игравшими более и менее заметную роль в развитии русской общественной мысли. Мы можем подбор портретов взять на себя, сообщая Вам каждый раз, какие портреты предполагаем поместить. Затрудняет нас несколько «Введение»; мы думаем, что здесь уместнее всего было бы дать портреты более крупных историков, и потому просим Вас указать, чьи портреты тут бы следовало поместить; не откажите в ответе, и в скором ответе, за что заранее просим принять благодарность нашу.

Предисловие нам нужно, как предисловие к Вашему труду; так как Вы пишете, что можете его составить сейчас же, то мы Вас и просим возможно скорее его прислать. Имея Ваше предисловие и программу издания, мы проспект издания сами составим. Под программой мы имеем в виду предположительное содержание труда. Это примерное ог-

лавление, однако, не связывает автора так, чтобы он впоследствии не мог в известных пределах отступить от него. Для того, чтобы познакомить Вас с обычными проспектами нашими, высылаем Вам проспект «Истории западной литературы». Как видите, в нем имеется предисловие, определяющее в самых общих чертах, что и в каком виде предполагается дать в предпринятом издании; это предисловие дается от имени издательства, а не автора или редактора. Мы только для составления его *используем* Ваше предисловие; самое же предисловие Ваше будет помещено от Вашего имени в начале первой книги, т.е. перед «Введением».

Не затруднит Вас, надеемся, дать нам теперь же и предполагаемое содержание. Мы тогда будем иметь весь материал, необходимый для проспекта. Мы охотно пошлем Вам для ознакомления и просмотра корректуру проспекта.

Вместе с тем просим также сообщить, когда получим дальнейшую рукопись.

Искренне Вас уважающий

Л. Лурье

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 911. Г. 38.39. Л. 1.

№ 12

М.Я.Фитерман — Г.В.Плеханову

31 июля/13 августа 1913 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович, посылаем Вам сверстанный 1 лист, который не просмотрен Вами целиком, и просим вместе с ним вернуть гранки 90—130.

Кроме того, просим вернуть оглавление с теми изменениями, которые мы просили внести.

Посылаем далее стр. 51 и 102—105. Теперь «сударь, жестокие у нас нравы» пошли насчет печати, и мы просим Вас изменить подчеркнутые синим карандашом места. На 51 стр. выпад против К. и В. можно бы совсем опустить, на других страницах «предрассудок» заменить другим выражением, не вскрывающим отношение автора к политическому символу веры крестьян. Вы простите, что мы просим Вас внести эти поправки. Времена такие, что какое-нибудь, не понравившееся прокурору выражение, может погубить книгу. Вот ведь задержали и будут судить книги IX и X «Истории» Покровского, хотя ее просматривал прис[яжный] по-в[еренный] Муравьев²⁰. Все кричащее было уничтожено, осталось несколько резких выражений, и — даже прокурор не нашел в них состава преступления, а суд[ебная] палата не согласилась с ним, передала другому прокурору и книга в узилище вот уже год. Мы освободились благодаря амнистии. Т[аким] о[бразом] приходится выдержать возможно бесстрастный тон «объективной» истории. Что поделаешь — жалко ведь губить книгу из-за того, что читатель русский и без того прочтет меж строк.

С глубоким почтением

Фитерман

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 911. Г. 38.41. Л. 1.

№ 13

М.Я.Фитерман — Г.В.Плеханову

27 февраля/12 марта 1914 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович, нам очень неприятно, что мы Вас огорчили. Нас Ваша работа интересуется не только с издательской стороны — мы уверены, что с историко-литературной стороны это будет самое значительное из написанных Вами произведений, и гордимся, что способствуем по мере сил его выходу. Мы потому и не тесним Вас размерами, как Вы знаете, мы должны принять меры к распространению этого обширного издания. Положитесь на нас в этом отношении — мы опытные издатели. Деление Вашего произведения на томы не уничтожает ведь деления на части, и читатель и критика увидят, что том не совпадает с частью (да это и будет указано и на шмуцтитуле). Вот и в «Истории русской литературы XIX [века]» первый том не совпадает с первой частью, и можно Вас уверить, что нареканий ни от кого не было. Вы не можете отделаться от привычного Вам способа выпуска цельных законченных книг, но Вы посмотрите на *всю* «Историю» как на одно издание, и отпадет многое, что Вас смущает и огорчает.

Что касается книг, то сегодня я выслал Вам «Духовную» и «Экономич[еские] указания» (во «Временнике» в конце, среди приложений), т. к. книги небольшие, то я *очень* прошу в течение 3—4 дней просмотреть и вернуть. Совсем плохо обстоит с «Российской историей»²¹ — она на руках и, по-видимому, мало надежды получить ее, т. к. она в большом ходу среди учащихся. Приобрести ее нельзя — у букинистов нет. (Ведь это очень редкая книга: первые 3/4 т. отпечатаны в XVIII в., а т[ом] в 1848 г.).

Нет у букинистов и Чистовича²².

С глубоким почтением

Фитерман

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 911. Г. 38.51. Л. 1.

№ 14

М.Я.Фитерман — Г.В.Плеханову

12/25 апреля 1914 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович, Ваше указание насчет Татищева примем к сведению²³. Что касается причитающихся Вам денег, то полезней привести Вам счет за все время наших отношений до 1 янв. 1914 г.

Вами получено от нас: 1908 — сент. 150 р., 1909 — апр. 300 р., май 150 р.; 1912 — окт. 400 р., и всего 2012 р. 50 к. За Ваш счет куплено книг (за книго-издательской скидкой и не считая пересылки) на 130 [р.] 78 [к.]. Всего т[аким] о[бразом] Вами получено 2143 [р.] 28 [к.]. Причи-

талось Вам за статьи по «Ист[ории] р[усской] л[итературы] XIX в.» (Белинск[ий], Герцен, Черн[ышевский]) 926 [р.] 25 [к.], за статью «Утопический социализм» 280 р. (2.8 гонорарных листа); а всего 1206 р. 25 к. В 1 т. «Ист[ории] общ[ественной] м[ысли]» 16.77 гонорарных листа, а т.к. мы печатали его в количестве 5000 экз., то Вам причитается за него 1677 р. (по 75 р. лист за первые 3000 и по 12 [р.] 50 [к.] за каждую последующую 1000 экз., и всего по 100 р. за лист). Всего т. о. Вам причитается, считая и 1 [том] «Ист[ории] общ[ественной] м[ысли]», 2883 р. 25 к., а за вычетом полученных 2143 [р.] 28 к. — 739 [р.] 97 [к.], каковые чеком и переводятся Вам. Просим проверить счет, подтвердить полученные денег и не отказать подписать прилагаемые при сем квитанции.

С глубоким почтением

Фитерман

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 911. Г. 38.53. Л. 1.

№ 15

Л.А.Лурье — Г.В.Плеханову

17/30 июня 1915 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Прошел год, как вышел из печати первый том Вашего труда. Правда, год необычайный; все же мы бы в течение и этого года выпустили второй том, если бы Вы доставили нам достаточно материала. И теперь не только требуют от нас продолжения «Ист[ории] р[усской] о[бщественной] м[ысли]», но забрасывают нас крайне неприятными претензиями и упреками в том, что мы не выполняем своих обязательств. Мы вынуждены поэтому вновь и вновь просить Вас ускорить доставление материала, и прежде всего для окончания второго тома.

10-го с[его] м[есяца] мы перевели Вам по телеграфу через Лионский кредит 500 р.; надеюсь, по[д]твердили их получение. 12-го Вам высланы еще 4 экземпляра 1-го тома «И[стории] р[усской] о[бщественной] м[ысли]».

Подпишемся для Вас на «Ист[орию] р[усского] театра» и вышлем Вам на днях вышедшую часть, равно «Почин»²⁴, Архив Паниных и брошюры Гольдштейна. Сочинений Щербатова в продаже не имеется; получить их у частных лиц для отсылки за границу теперь никак нельзя.

Мы еще не получили от Вас 26 гранок; ждем их с нетерпением и продолжения рукописи.

Первые четыре листа 2-го тома давно (еще до войны) читались Вами и в гранках, и в тираже и подписаны к печати; они имеются сейчас в виде матриц; когда эти листы будут отпечатаны по стереотипу, мы Вам пришлем оттиски (конечно, печатные, следовательно, не для правок).

При чтении корректуры очень просим иметь в виду, что второй корректуры в виду затруднительности и медленности почтовых сноше-

ний мы Вам посылать в настоящее время не можем, а потому не откажите в гранках подвергнуть тщательной проверке цитаты, ссылки и т. п. Просим также вопросы, обозначенные нами на полях гранок, зачеркивать, если Вы не находите нужным вносить изменения.

Итак, наша убедительнейшая просьба — ускорить доставку рукописи, присылку корректуры, дать нам возможность наискорейшим образом выпустить второй том и сократить до *minimum*'а промежутки между томами.

Искренне Вас уважающий и преданный Вам

Л.Лурье

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 911. Г. 38.57. Л. 1.

№ 16

Л.А.Лурье — Г.В.Плеханову

22 марта/4 апреля 1916 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

30 декабря п[рошлого] г[ода] мы перевели Вам по телеграфу 1843 лиры, стоившие 1000 р. 37 к. (по 54.25 к. лира), комиссии 10 р. 05 к. Надеюсь, деньги в свое время получены Вами.

Очень нас беспокоит, что до сих пор нет рукописи 3 тома; судя по телеграмме и письму Розалии Марковны, рукопись выслана или должна была выслана в конце декабря или начале января. Ее отсутствие вынудило нас 12-го с. м. запросить Вас телеграфно о судьбе рукописи; к сожалению, ответа от Вас нет. Надеюсь, что рукопись при получении Вами этого письма уже будет в пути либо у нас. Повторяю неоднократно высказанную нами просьбу по возможности ускорить доставку нам дальнейшего материала. Если Вами закончен материал для 3 тома, то весьма желательно, чтобы Вы работы не прерывали и скорее довести до конца; длинный перерыв в выходе томов крайне вредно отзывается на распространении издания. А что неприятнее всего [—] это бесчисленные претензии, заподозривания, недоверие и т[ому] под[обное].

В последний раз состояние Вашего счета Вам было сообщено 12 апреля 1914 года, следовавшие Вам тогда 739 р. 97 к. тогда же были Вам переданы. С того времени Вам переведено в июне 1915 года 506 р. 05 к. (считая и пересылку) и в декабре 1915 года — 1010 р. 42 к. (с пересылкой), уплачено за посланные Вам книги 52 р. 24 к., уплачено за Ваш счет переписчице 12 р., всего 1580 р. 71 коп. Причитается Вам за 2 том И.Р.О.М. за Вами 104 р. 71 к. В этот счет пока не вошел гонорар за статью «От Гегеля к Фейербаху» для «Ист[ории] зап[адной] лит[ературы]»; соответствующий выпуск этого издания еще не отпечатан.

Искренне Вас уважающий

Л.Лурье

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 911. Г. 38.58. Л. 1.

№ 17

Л.А.Лурье — Г.В.Плеханову

18/31 октября 1916 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Мы получили Вашу почтовую карточку от 11[-го] с[его] м[есяца]; корректуры пока нет; надо полагать, на днях прибудет.

Мы Вам сегодня перевели 800 р. Так как чека на Сан-Ремо банк выдать не мог, то деньги переведены через Banca Commerciale Italiana в Милане, откуда банк Вам перешлет деньги в Сан-Ремо по Вашему адресу; получение денег не откажите подтвердить (800 р. составили 1720.40 лир по курсу 46.50 к. за лиру). По последнему расчету, изложенному в нашем письме от 22/III 16 г., за Вами числится 104 р. 71 к. Причитается Вам за статью «От Гегеля к Фейербаху» для «Ист[ории] зап[адной] лит[ературы]», составившую 2.7 гонорарного листа, 270 р.; следовательно, в счет гонорара за III том И.Р.О.М. Вам выдано: 800 + 104.71 — 270 = 634 р. 71 к.

Кроме корректуры Фонвизина, Вам посланы были также следующие 28 гранок; надеюсь, Вы и их получили и уже нам отсылали.

Искренне Вас уважающий

Л.Лурье

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 911. Г. 38.62. Л. 1.

№ 18

Л.А.Лурье — Р.М.Плехановой

7/20 января 1917 г.

Многоуважаемая Розалия Марковна!

Получил Ваше письмо и карту от 18-го янв. н[ового] с[тиля]. Глава «Отношение России к Западу» уже набрана, но, к сожалению, бандероль с корректурой на почте не принята. Приложу все старания к улучшению корректуры. По той же причине, т.е. невозможности посылать в Италию печатные произведения, не могу Вам выслать листа, где говорится об Арс. Мациевиче (лист отпечатан)²⁵, и никаких книг.

Как только пересылка книг станет возможной, с величайшей охотой буду выполнять все поручения Георгия Валентиновича. 2 главы о самодержавии пока не получил. Впредь немедленно буду подтверждать получение всех рукописей; хотелось бы только скорее их получать.

Привет и наилучшие пожелания Вам и Георгию Валентиновичу.

Л.Лурье

Прошу также передать привет Ольге Осиповне.

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 911. Г. 38.65. Л. 1.

№ 19

Л.А.Лурье — Г.В.Плеханову

28 января/10 февраля 1917 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Второй том «Масонства в прошлом» Вам выслан 30 дек. ст[арого] ст[илия]. А с 1 янв. печатных произведений посылать в Италию нельзя. Сегодня хотел было отправить Вам корректуру главы «Вопрос об отношении России к Западу», но бандероль на почте не была принята. Придется, к сожалению, впредь обходиться без Вашей корректуры. Нам остается только более тщательно прочитывать здесь. Главы о самодержавии мы пока не получили; из Вашего письма от 18 дек. н. ст. не ясно, выслана ли она была тогда или ее предполагалось выслать; не откажите сообщить. Засим обращаюсь к Вам с обычной нашей просьбой ускорить доставление последующих глав, ждем рукописей с нетерпением.

С искренним уважением

Л.Лурье

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 910. Г. 38.28. Л. 1.

№ 20

Л.А.Лурье — Г.В.Плеханову

28 июня/11 июля 1917 г.

Глубокоуважаемый Георгий Валентинович!

Был бы Вам очень признателен, если бы нашли возможным сообщить, выслана ли из Сан-Ремо вновь переписанная глава о самодержавии. К сожалению, уже 5 месяцев, как за отсутствием материала прекратился набор Ист. Р. О. М. Очень просил бы также уведомить, когда предполагаете доставить нам дальнейшие рукописи. На днях Вам высланы недополученные Вами книги «Ист[ории] западн[ой] литер[атуры]», в том числе последняя — IV-ая, в которой помещена Ваша статья.

Третий том Вашей Истории давно отпечатан, но никак не можем вырвать из переплетной; есть надежда, что в июле мы его получим и, конечно, немедленно Вам вышлем несколько экземпляров.

С искренним уважением и глубокой преданностью

Л.Лурье

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 911. Г. 38.66. Л. 1.

№ 21

Л.А.Лурье — Р.М.Плехановой

8 июля 1918 г.

Многоуважаемая Розалия Марковна!

Д-р Дука²⁶ передал нам Ваше письмо от 3-го с. м. и, надеюсь, он ознакомил Вас со взглядом Т-ва на взаимоотношения между Т-вом и

правопреемниками Георгия Валентиновича. Эти взаимоотношения определяются договором, изложенным в письме Т-ва от 23 октября 1909 г. Согласно этому письму «Гонорар с листа в 40000 букв определяется в 75 р. Издание переходит в собственность издательства, с тем однако, что за каждую тысячу экземпляров, напечатанную сверх первых 3000, Т-во имеет уплачивать Вам половину первоначального гонорара: $75/3?2$, т. е. 12 р. 50 к. с листа за тысячу экземпляров». Эти условия наши все время соблюдались и соблюдаются. В прошлом августе при личном свидании Вами был возбужден вопрос об увеличении гонорара, на что я заявил, что в виду изменившихся условий Т-во несомненно пойдет навстречу Вашему желанию. Настоящим могу подтвердить согласие Т-ва на изменение условий гонорара. Но раньше всего Т-во считает необходимым подчеркнуть, что право издания «Истории русской общественной мысли» принадлежит только ему, Т-ву «Мир», и это произведение может издаваться и переиздаваться только им, другим же издаваться не может без его, Т-ва «Мир» разрешения²⁷. Мы передали г. Льву Григорьевичу Дейчу «для ознакомления» рукопись главы XI (второй главы т. IV): «Реакция против освободительной французской философии на западе Европы и России»; надеемся в ближайшее время получить обратно эту главу, равно и главу X (первая глава т. IV): «Вопрос о самодержавии», которая до нас почти не дошла и копия которой хранится у Вас.

Что касается изменения условий гонорара, то речь может идти главным образом о рукописях новых, еще не печатавшихся, и о статьях, право издания которых Т-ву «Мир» не принадлежит. За новые не печатавшиеся рукописи Т-во «Мир» согласно платит гонорар в размере 300 р. с листа в 40000 букв текста за первые 5000 экземпляров; за бывшие в печати статьи — по 200 р. с листа в 40000 букв текста за первые 5000 экз. Издание как рукописей, так и статей переходит в собственность Т-ва, с тем однако, что за каждую тысячу экземпляров, напечатанных сверх первых 5000 экз., Т-во имеет уплачивать Вам половину первоначального гонорара, т. е. соответственно $300/5?2 = 30$ р. и $200/5?2 = 20$ р. с листа за тысячу экземпляров.

Что касается переиздания написанных, оплоченных и изданных раньше при совершенно других условиях первых трех томов «Истории русской общественной мысли», то Т-во согласно удвоить гонорар, т. е. считать по 25 р. с листа за каждую тысячу экземпляров, но, согласно договору, оно к этому отнюдь не может быть принуждаемо. Засим Т-во убедительно просит сообщить содержание и план IV тома, когда такие душеприказчиками будут составлены и намечены.

С уважением

Л. Лурье

РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 911. Г. 38.67. Л. 1—2.

Примечания

¹ См.: Плеханов Г.В. Белинский В.Г. / История русской литературы XIX века. Т. 2. М., 1909; его же. Герцен-эмигрант; Чернышевский Н.Г. / История русской литературы XIX века. Т. 3. М., 1909.

² В это время Г.В.Плеханов жил в Сан-Ремо в Италии.

³ М.Я.Фитерман в письме от 17/30 апреля 1909 г. предложил Плеханову написать «книгу по истории русской общественной мысли XIX в.». На это Плеханов в письме от 2/15 мая ответил: «Предложение написать историю русской общественной мысли я в принципе принимаю, хотя и предложу изменить некоторые условия».

⁴ М.Я.Фитерман в письме от 17/30 апреля 1909 г. предложил Плеханову следующие условия: «Размер книги предполагается приблизительно в 30 листов в 50000 знаков. Гонорар за такой лист 100 руб. при условии, что книга поступает в собственность издательства. Оно имеет право выпустить 5000 экземпляров книги, а за каждую следующую 1000 экз. имеет уплачивать Вам по 50% первоначального гонорара, т. е. по 10 руб. с листа. Первоначальный гонорар (за первые 5000 экз.) уплачивается по мере доставления рукописи по приблизительноному подсчету, а окончательный расчет производится по отпечатании. В качестве аванса издательство может выдать 10% гонорара». Г.В.Плеханов в письме от 14/27 октября поставил свои условия: увеличить объем работы до 40 печатных листов (40000 букв) и удвоить аванс. Эти условия были приняты издательством.

⁵ Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статуса. М., 1892; его же. Литовский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. М., 1901; Владимирский-Буданов М.Ф. Поместья Литовского государства. Киев, 1889.

⁶ В «Киевских университетских известиях» за 1882 и 1883 гг. были помещены статьи Н.П.Дашкевича «Литовско-Русское государство, условия его возникновения и причины упадка».

⁷ Шильдер Н.К. Император Александр I. СПб., 1899; Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях, 1862—1869.

⁸ Эта статья была написана для «Истории западной литературы XIX века», издававшейся под редакцией Ф.Д.Батюшкова. Но статья оказалась слишком большой для этого издания. Плеханов отказался от мысли поместить ее в издании Батюшкова и передал в журнал «Современный мир» (№№ 6, 7. 1913), а для «Истории западной литературы XIX века» написал другую статью — «Утопический социализм XIX века».

⁹ В письме от 17/30 мая 1912 г. Плеханов писал Фитерману: «Я должен поставить Вам на вид, что хотя теперь моя работа пойдет несравненно скорее, однако к осени вся она никоим образом не будет закончена». В это время Плеханов только что закончил «Введение: Очерк развития русских общественных отношений».

¹⁰ В том же письме Плеханов писал: «Если рукопись нужна немедленно, то телеграфируйте: *envoyez immédiatement*. Если можно снять копию, то телеграфируйте: *copiez*».

¹¹ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка адмирала Шишкова. Берлин, 1870. В письме от 26 июня/7 июля 1911 г. Плеханов писал Фитерману: «Я употребил здесь все от меня зависевшее, чтобы достать записки Шишкова (они вышли когда-то в Берлине). Но найти не удалось. Буду очень благодарен, если вышлете мне сочинения Шишкова: они необходимы мне для характеристики славянофилов». В том же письме: «Нужны были бы также комедии и переводы В.И.Лукина, вышедшие в 2 томах в 1765 году».

¹² В письме от 13 июля/30 июня 1912 г. Плеханов писал Фитерману: «Около месяца тому назад была послана мною в Москву, по Вашему адресу рукопись:

Историческое введение в мою работу. Меня очень беспокоит, что Вы не извещаете меня об ее получении».

¹³ В том же письме Плеханов писал: «Вы говорите в своем письме, что моя работа, вероятно, разрастется. Вследствие этого Вы предлагаете теперь же определить размеры вероятного приращения. — У нас был разговор и условие насчет сорока (40) листов. Согласны ли Вы на 50 (пятьдесят) листов?»

¹⁴ Л.А.Лурье имеет в виду статью «Французский утопический социализм XIX в.».

¹⁵ Сперанский М.М. План государственного преобразования графа М.М.Сперанского (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.). М., 1905; Стрига. Ивашка Пересветов.

¹⁶ На самом деле статья «Утопический социализм XIX века» была разделена на 3 части: «Английский утопический социализм», «Французский социализм» и «Немецкий утопический социализм».

¹⁷ Г.В.Плеханов и Л.А.Лурье встречались в Сан-Ремо в октябре 1912 г.

¹⁸ В 1-м томе «Истории русской общественной мысли» помещены портреты Н.П.Павлова-Сильванского, В.О.Ключевского, С.М.Соловьева, патриарха Никона, Ивана IV и А.Л.Ордин-Нащокина.

¹⁹ В письме от 26 мая/7 июня 1913 г. Плеханов писал: «Если Вы одобрите мою мысль о помещении изображений воинов русских и французских, то можно бы дополнить эту параллель изображениями из быта *восточных деспотий*, например, воспроизвести сцену сочинения египтянина (древнего) из книги Rawlinson'a: *Manners and customs of ancient Egiptians*».

²⁰ Н.В.Муравьев был известен как либеральный юрист.

²¹ Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через 30 лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором Василием Никитичем Татищевым. В 5-ти т. 1768—1848.

²² Чистович П. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868.

²³ В письме от 7/20 апреля 1914 г. Плеханов попросил издателей послать ему выписки из второго тома истории В.Н.Татищева «Примечания, имеющие общее теоретическое значение».

²⁴ В письме от 15/28 мая 1915 г. Плеханов писал: «Есть сборник «Почин», изданный Обществом Любителей Российской Словесности, 1895 год. Там помещен Н.С.Тихонравовым «Плач холопов прошлого века». Мне, — Вы сами понимаете это, — крайне важно иметь этот плач. Пришлите мне: или самый Сборник, или копию его (рукописную)».

²⁵ В письме от 27 декабря/9 января Р.М.Плеханова писала Лурье: «Муж просит выслать ему корректуру или тот печатный лист, где изложено дело Арсения Мациевича. Ему нужно сделать кое-какие вставки».

²⁶ Зять Р.М.Плехановой.

²⁷ Несмотря на протесты издательства «Мир», посмертное издание «Истории русской общественной мысли» было опубликовано Петроградским союзом рабочих потребительских обществ в 1919 г.

«О РАСПРОСТРАНЕНИИ ТРЕВОЖНЫХ СЛУХОВ»

Из архивов политического сыска. 1862—1890 гг.

Листая дела политической полиции XIX века, невольно проникаешься взрывоопасной атмосферой той эпохи. Тайные общества, пропагандисты, террористы... Официальный Петербург постоянно пребывал в напряженном ожидании новых революционных эксцессов. В столицах и провинции толковали о преступных намерениях злоумышленников, важнейшее место среди которых народная молва отводила посягательству на «Священную Особу Российского монарха».

«Цареубийственные разговоры» нашли отражение в массе доносов и анонимных заявлений, агентурных сведений и следственных материалов, сохранившихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), в фондах III Отделения и Департамента полиции. Разработке подлежала любая информация такого рода, хотя «большая часть доносов была столь неопределенна, что признавалось возможным ограничиться, после тщательных дознаний, учреждением за обвиняемыми негласного наблюдения»¹. Перестраховка в данном случае казалась как нельзя более оправданной. Причем, «тревожный сигнал» жандармские чины передавали по начальству сразу, даже не выяснив еще ничего конкретного. К примеру, секретный сотрудник докладывал, что «в революционной среде настойчиво появляются слухи» о необходимости «покушения на жизнь Государя Императора»². Со всей возможной быстротой сообщение летело по инстанциям, нередко достигая «Высочайшего слуха» и усиливая в верхах беспокойство, перераставшее порою в панику (вспомним знаменитое «Гатчинское сидение» преемника Александра II³).

Однако поводов для опасений действительно хватало. Слова тайных и явных «охранителей основ» и дела злокозненных шаек «нигилистов» расходились подчас лишь в деталях. Так, во время каракозовского процесса всплыли сведения о некоем европейском революционном комитете, «имеющем целью содействовать успехам революции во всех странах систематическим убийством царствующих особ и высокопоставленных правительственных лиц»⁴. Возможно, речь шла о Тайном международном братстве, созданием которого в середине 1860-х гг. занимался М.А.Бакунин, — прообразе бакунинской организации, действовавшей внутри I Интернационала, для которой Альянс социал-демократии являлся лишь «незаконспи-

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223 (85). Д. 32. Л. 1об.—2.

² ГА РФ. Ф. ДП. 3 д-во. Д. 112. Л. 17—17об.

³ Зловещие нашептывания К.П.Победоносцева и фантазии Санкт-Петербургского градоначальника Н.М.Баранова, демонстрировавшего свое служебное рвение и успехи в раскрытии «кровавых заговоров», довели Александра III, и так удрученного ужасной гибелью отца, до того, что 27 марта 1881 г. он покинул столицу и затворился в Гатчинском дворце.

⁴ Покушение Каракозова. Стенографический отчет. М.—Л. 1928—1930. Т. 2. С. 272, 276; ГА РФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 12. Л. 120об., 413об.—414; Д. 14. Л. 281, 314об., 341, 342; Д. 15. Л. 33об., 89.

рированной пристройкой»⁵. Как бы то ни было, следствию вопрос о Европейском революционном комитете прояснить не удалось. Неизвестность рождала пугающие химеры.

25 апреля (7 мая) 1866 г. произошло покушение на О.Бисмарка, в котором усматривали связь с делом Каракозова, след обширного международного заговора⁶. 25 мая 1867 г. снова стреляли в Александра II. Двадцатилетний поляк Антон Березовский был признан фанатиком-одиночкой. Однако агент III Отделения доводил до сведения властей слова одного из ссыльных каракозовцев о том, что преступник «действовал не от себя, а в целях Парижского революционного комитета»⁷. Сочетание подобных известий могло поразить какое угодно воображение. После каждого громкого теракта новый всплеск молвы, предрекающей гибель российскому самодержцу, терзал души «обреченных революционерами на смерть», становясь своеобразным эхом выстрела или разрыва бомбы.

Тексты документов приводятся с сохранением орфографии и пунктуации оригиналов. Слова, подчеркнутые авторами, выделены курсивом.

Публикацию подготовили В.И.КОЧАНОВ и кандидат исторических наук Е.И.ЩЕРБАКОВА.

№ 1

Из всеподданнейшего отчета III Отделения собственной его императорского величества канцелярии и корпуса жандармов за 1862 год

О сомнительных и неосновательных доносах по делам политическим

В июле месяце получен был донос из Москвы, за подписью Ивана Жукова, в котором сообщалось, что проживающий там Губернский секретарь *Свешников*¹ непримиримый враг правительства, имеет сношения с Лондоном² и посылает туда деньги; что он возбуждает народ к революции, и что единомышленники его готовятся 26 августа посягнуть на жизнь Вашего Величества³ и Наследника Престола⁴. При обыске произведенном у Свешникова ничего к подтверждению доноса не оказалось, но как он при этом позволил себе резкие суждения о правительстве, то был доставлен в [анкт-]Петербург и заключен в Петропавловскую крепость. Собранными сведениями дознано, что Свешников был уволен без прошения от должности станового Пристава в Ардатовском уезде, и вообще страдает душевным расстройством. На допросе он объяснил, что при обыске говоря о правительстве, он разумел тех облеченных властью лиц, от действий которых он находится в бедственном положении. Других обвинений против Свешникова не обнаружено; и потому он, в

⁵ См.: Рудницкая Е.Л., Дьяков В.А. Новые материалы о Тайном интернациональном братстве М.А.Бакунина // Проблемы итальянской истории. М., 1972; Рудницкая Е.Л., Дьяков В.А. Рукопись М.А.Бакунина «Международное тайное общество освобождения человечества» // Революционная ситуация в России 1859—1861 гг. М., 1974.

⁶ См.: Былое. СПб., 1907. № 6. С. 297—300.

⁷ Базанов В. И.А.Худяков и покушение Каракозова // Русская литература. 1962. № 4. С. 155.

исполнение Высочайшего повеления, освобожден из крепости и возвращен в Москву, под надзор полиции, с представлением Военному Генерал-губернатору выслать его, если пребывание его там окажется неудобным.

Армянин г[орода] Шуши *Тер Акопов*, 24 июля, представив Его Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу⁵ проект условия неизвестных лиц о преступном намерении против особы Вашего Величества, объявил, что проект этот найден им в квартире проживающего здесь мещанина *Лебедева*.

По обыску у сего последнего, никаких подозрительных бумаг не найдено и он сознался, что проект писан им по просьбе Тер Акопова, с тем, чтобы, по подписании онаго известными ему лицами, представить оный начальству и получить за это вознаграждение.

Произведенным исследованием обнаружено, что главный виновник в этом деле сам проситель, поведение которого вообще не одобрено; а потому он заключен под стражу и делу дано судебное направление; Лебедев же отдан на поручительство[...]

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223 (85). Д. 27. Л. 54—55об. Подлинник. Рукопись.

№ 2

Из всеподданнейшего отчета III Отделения собственной его императорского величества канцелярии и корпуса жандармов за 1866 г.

Гдовский мещанин *Назаров* был обвинен в рассказах о существовании в России обширного общества заговорщиков, к которому принадлежал Каракозов⁶, и соучастии с ними Его Высочества Великого Князя Константина Николаевича⁷. По неудобству предания Назарова суду, он, по Высочайшему повелению, подвергнут временному тюремному заключению.

Из Ростова-на-Дону получен донос купеческого сына *Хлебникова* о готовившемся будто бы к 20-му июня 1866 г. вновь покушении на жизнь Вашего Величества. Вытребованный в С[анкт-]Петербург Хлебников представил найденное, по его объяснению, на одном из Волжских пароходов, письмо, в котором изложено об означенном замысле и даже названы лица, принадлежащие к обществу заговорщиков. По произведенному исследованию, этот донос не подтвердился и Хлебников, как неблагонадежный и вредный, выслан на жительство в Вятскую губернию, под надзор полиции.

Бывший агентом при С[анкт-]Петербургской полиции Фельдъегерь *Дмитровский*, войдя в близкие сношения с воспитанником Ларинской гимназии, Саксонским подданным *Лоренцом*, и пользуясь вредным его направлением, склонил его на вымышленное заявление об известном будто бы ему обществе заговорщиков, имевшем целью посягнуть на Царевубийство и произвести переворот в государстве, посредством бунта. Этот донос также не подтвердился, и как доноситель, так и подстрека-

тель, признанные вредными, подвергнуты наказанию в административном порядке.

При исследовании дела о злодейском покушении 4-го апреля, соучастники этого преступления *Ишутин*⁸ и *Мотков*⁹ показали, будто бы в Москве образовалось отдельное революционное общество из офицеров. При дознании по этому предмету обнаружилось, что прапорщик 67-го пехотного Тарутинского полка *Скольмейстер* сообщил своему товарищу, назначенному в 5-й Восточно-Сибирский линейный батальон, *Кузьмину*, что члены этого общества весьма многочисленны; и что они собрали значительные денежные средства и имея сношения с заграничными агитаторами, замышляли на истребление высших воинских начальников и даже на Цареубийство.

Скольмейстер и другие заподозренные по этому делу лица арестованы и дело о них, произведенное в Московской следственной комиссии¹⁰, было препровождено в Высочайше учрежденную в С[анкт-]Петербурге комиссию¹¹, которая, по рассмотрении обстоятельств, не находя достаточных оснований к какому-либо заключению, возвратила это дело в Москву, для дальнейшего пополнения.

Раскрытые следствием сравнительно неважные факты, дают повод предполагать, что Ишутин и Мотков представили это дело в преувеличенном виде[...]

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 31. Л. 7об.—8об. Подлинник. Рукопись.

№ 3

Письмо московского обер-полицмейстера начальнику штаба корпуса жандармов Н.В.Мезенцову¹² в связи с сообщением о подготовке покушения на Александра II

№ 833

18 апреля 1869 г.

Конфиденциально

Милостивый Государь,
Николай Владимирович

Г[осподин] Московский Почт-директор препроводил ко мне вынутое из почтового ящика, адресованное на мое имя, анонимное письмо, в котором заявляется об угрожающей опасности Священной Особе Его Императорского Величества и об учреждении кружка с этою преступною целью в Петровско-Разумовском¹³ и Александровском военном училище.

Хотя по способу заявления, изложению его и искусственности почерка можно полагать, что оно составляет лишь чей-либо личный вымысел¹⁴ и хотя за всеми принятыми мерами до сего времени не обнаружено никаких признаков образования с изъясненною целью кружков в указанных в письме местах, но в виду всей важности предмета, которого касается заявление, я считаю долгом препроводить к Вашему Превосходительству копию с оною, а равно и с надписи на конверте, в котором

оно получено, имея честь присовокупить, что мною сделано распоряжение о секретном строжайшем и неослабном наблюдении к открытию преступного замысла, о котором упоминается в анонимном письме, и если бы были обнаружены малейшие признаки оно́го, то я тотчас же сообщу Вам о том.

Примите уверение в моем к Вам истинном почтении и совершенной преданности.

Н.Арапов

Копия с письма, вынутого из почтового ящика:

«Не могу больше молчать, дело слишком серьезное, у нас сходок не будет, а намерены быть посмелее: предполагается убить Царя в Ильинском в ожидаемый приезд. Ради Бога примите меры, заговор слишком силен и другого Комис[с]арова¹⁵ не будет. Пока не высказываю себя, боясь мести товарищей. Теперь же сообщаю об этом в Петербург. Главный кружок наш в Разумовском и в Александровском училище на Знаменке».

Копия с надписи на конверте:

«Его Превосходительству Генералу Адъютанту Арапову, Г[осподину] Обер-полицеймейстеру в Москве.
Государственное дело».

ГА РФ. Ф. 109. 3 эксп. Оп. 154. Д. 112. Ч. 1(2). Л. 130—132.

№ 4

**Сообщение Киевского губернатора
в Департамент государственной полиции**

№ 44

3 марта 1881 г.

По сведениям полученным Начальником Киевского Губернского Жандармского Управления¹⁶, есть некоторое основание полагать, что в преступной среде появляется в настоящее время мысль о новом злодейском замысле против жизни ныне царствующего Государя Императора Александра III, при чем, революционная партия останавливается на Москве, как на самом удобном пункте осуществления преступления во время Высочайшей коронации. Основанием этого замысла служит то соображение преступной партии, что в случае удачи их плана, Россия, при несовершеннолетию Государя Наследника Цесаревича¹⁷, будет поставлена в условия регентства, которое в глазах Среды близко к анархии.

К этому Полковник Новицкий высказывает свой взгляд, что не выдавая полученное сведение за намерение уже созревшее в умах злодеев и близкое к осуществлению, но ряд минувших прискорбных событий, не дает ему нравственного права умаливать значение возможности нового преступления, которое революционеры могут подготовить исподволь, воспользовавшись теперь же какой-либо квартирой на одной из

тех улиц Москвы, по которым Его Величество будет следовать в храм или во дворец.

О вышеизложенном имею честь довести до сведения Департамента Государственной Полиции.

Губернатор
Гессе

Корпуса Жандармов Капитан
Скандраков¹⁸

ГА РФ. Ф. 3 д-во. Д. 112. 1881 г. Л. 1—2. Подлинник. Рукопись.

№ 5

Уведомление Отделения по охранению общественного порядка и спокойствия в Санкт-Петербурге, направленное в Департамент государственной полиции

№ 4161

6 марта 1881 г.

Секретно

Помощник Начальника С[анкт-]Петербургского Отделения Виленского Жандармского Полицейского Управления железных дорог 6-го сего марта препроводил в Секретное Отделение составленное из слов Прусской подданной Елизаветы Августы Шмидт заявление о том, что какой-то студент Горного Института, по имени Спиридон, в разговоре о совершившемся злодейском поступке рассказывал, что подобные убийства будут совершаться постоянно, что революционная партия совершит подобное злодеяние и над Царствующим ныне ИМПЕРАТОРОМ АЛЕКСАНДРОМ III, что на предстоящей печальной процессии¹⁹ будут произведены беспорядки и что в Берлин посланы уже четыре человека для совершения такого же злодеяния над ИМПЕРАТОРОМ ВИЛЬГЕЛЬМОМ III²⁰ ко дню его рождения 10/22 марта.

Препровождая при сем означенное заявление, имею честь уведомить Департамент Государственной Полиции: 1) что о содержании этого заявления Секретным Отделением, вместе с сим, сообщено в С[анкт-]Петербургское Губернское Жандармское Управление и 2) что по имеющимся в Секретном Отделении спискам студентов Горного Института, есть только один по имени Спиридон, именно Туманов, об учреждении за которым негласного наблюдения, а также собрания об нем надлежащих сведений и о выяснении вообще указанной Елизаветой Шмидт личности сделано распоряжение, о чем, по мере получения этих сведений, сообщается будет Департаменту Государственной Полиции и С[анкт-]Петербургскому Губернскому Жандармскому Управлению.

Градоначальник, Генерал-Майор
Трепов²¹

Начальник Секретного Отделения
Судейкин²²

ГА РФ. Ф. ДП 3 д-во. 1881. Д. 112. Л. 4—4об. Подлинник. Рукопись.

№ 6

Сообщение генерал-губернатора

Восточной Сибири министру внутренних дел М.Т.Лорис-Меликову²³

№ 468

1 апреля 1881 г.

Совершенно секретно

Вечером 28 минув[шего] марта издатель газеты «Сибирь»²⁴ Подполковник Нестеров представил Начальнику Иркутской губернии²⁵, полученную им по городской почте, чрез Типографию Синицына, заклеенную в обыкновенный почтовый конверт, анонимную записку следующего содержания: «Спасайте Царскую семью. В Москве, по окончательной программе варваров, на Тверской, при торжестве выезда, будут *три мины* и все взлетит; узнал счастливым случаем от сосланных; дело верное, решительное». На конверте сделана следующая надпись: «В Типографию Синицына, издателям газеты Сибирь». Как самая записка, так и адрес на конверте, в коем она помещалась, писаны простой очиненной палочкой.

Генерал-Лейтенант Педашенко, передав помянутые конверт и записку Исправляющему должность Начальника Иркутского Губернского Жандармского Управления для производства дознания, доводит об этом до сведения моего.

Считаю долгом сообщить об изложенном Вашему Сиятельству.

Генерал-Губернатор Генерального Штаба

Генерал-Лейтенант

Д.Г.Анучин

Управляющий Отделением

Л.Булатов

ГА РФ. Ф. ДП 3 д-во. 1881 г. Д. 112. Л. 48—48об. Подлинник. Рукопись.

№ 7

Сообщение директора Департамента полиции В.К.Плеве²⁶

министру императорского двора И.И.Воронцову-Дашкову²⁷

№ 2499

4 мая 1881 г.

Милостивый Государь Граф Илларион Иванович

По сведениям Краковской полиции, между 9-м и 15-м сего мая предполагается покушение на жизнь Государя Императора, посредством *отравленных сигар*.

Долгом считая сообщить это сведение Вашему Сиятельству, покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Плеве

ГА РФ. Ф. ДП 3 д-во. 1881 г. Д. 112. Л. 38. Подлинник. Рукопись.

№ 8

**Донесение начальника жандармского управления
Ломжинского и Мазовецкого уездов Ломжинской губернии
начальнику Варшавского жандармского округа П.В.Оржевскому²⁸**

№ 173

24 ноября 1881 г.

В дополнение к рапорту моему, от 21-го числа сего ноября за № 171-м, имею честь донести Вашему Превосходительству, что допрошенный мною, в присутствии Прокурора Ломжинского окружного суда, *новобранец Антон Михайлов Дыжевский*, 21-го года от роду, происходящий из шляхты²⁹ Мазовецкого уезда, заявил: Служа конторщиком на станции «Волочиск» Юго-Западной железной дороги, летом сего года, в июне или в июле месяце, был отпущен своим начальством в ближайший уездный город Австрийской Галиции «Тарнополь» для покупки платья, зайдя в лавку неизвестного ему по фамилии еврею, стал торговать костюм.

В это время вошли в лавку два неизвестных Австрийца и узнавшие из разговора его с купцом, что он приехал из России, спросили его на польском языке, что у нас нового слышно и получив ответ, что ничего особенного, рассказали ему, что будто в Вене был съезд социалистов, на котором решено не допустить совершения коронации и лишить жизни Государя Императора Александра III-го, посредством взрыва поезда и, что поручение исполнить это, возложено на одного из агентов Юго-Западных железных дорог; по рассказу незнакомцев, он так понял, что все это имеет случиться в мае месяце; кто именно были эти личности, он не мог узнать, а купец в лавке говорил, что это приезжие. О слышанном никому не рассказывал, а когда был принят в военную службу Мазовецким рекрутским присутствием, намекнул об этом двум земским стражникам находившимся в том заездном дворе где он остановился, будучи уверен в том, что они донесут о сем кому следует и он будет спрошен о подробностях этого. После этой поездки в Тарнополь, заграницей не был и все время находился в Волочиске до явки по призыву в Мазовецк, и более ничего подобного ни от кого не слышал.

Из показания Дыжевского видно, что в июне месяце 1878 года, выйдя из 3-го класса Белостокского реального училища, прямо поступил на поденные занятия при станции железной дороги «Жмеринка», а с 1-го мая 1880 года поступил на штатную должность табельщика при депо на станции «Волочиск» где в последнее время состоял конторщиком. Ввиду чего, я отнесся к начальнику Волочиского отделения Жандармского полицейского управления железных дорог, о сообщении мне сведений о поведении Дыжевского в политическом и нравственном отношениях, за время служения Его по ведомству железных дорог, на станциях «Жмеринка» и «Волочиск». По получении ответа, приложу таковой к дознанию и дело представлю Прокурору Варшавской судебной палаты, а Вашему Превосходительству буду иметь честь донести дополнительно, как держал себя Дыжевский служа при железной дороге.

Копия настоящего донесения за № 173-м, одновременно предоставлена мною в Департамент Государственной полиции.

Верно: Подполковник
Томашевич

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 1881 г. Д. 1192. Л. 1—2. Подлинник. Рукопись.

№ 9

Сообщение Волынского губернатора министру внутренних дел И.Н.Дурново³⁰

№ 1717

5 июля 1889 г.

Совершенно секретно

Ковельский уездный Исправник в еженедельной записке от 30 истекшего июля донес мне, что землевладелец Ковельского уезда *Антон Властелица*, 28 июня рассказал ему, Исправнику, что будто бы главный Священник или С[анкт-]Петербургский Митрополит³¹, за несколько дней до принятия Его Императорским Величеством, Государем Императором³² Св[яты]х Таин, купил в одной из столичных аптек яд. О покупке этой Аптекарь сообщил регенту Придворного хора певчих и сей последний, когда надо было пропеть перед Причастием «приидите, примите...» пропел «приидите, но не примите». Удивленный Государь Император спросил: «что это значит». На это регент ответил, что Митрополит или главный Священник купил яд и таковой вероятно подмешал в Причастие. Тогда Государь Император, подзвав бывшего в церкви солдата спросил его: «желаешь ли за Меня умереть?» и получив ответ «с большою радостью», дал солдату Причастие, от которого солдат тотчас же умер. Поэтому преступника священника или Митрополита, в скором времени, будут судить в Киеве и всем желающим видеть его и присутствовать на суде, железная дорога выдает бесплатные билеты в Киев, а правительство 60 коп[еек] суточных.

При этом помещик Властелиц[а] добавил, что все рассказанное им, он слышал от проживающего в м[естечке] Несухоиже Ковельского уезда, еврея Кривинского, а сему последнему рассказывал об этом еврей Файерштейн. Оба еврея, при спросе их Исправником подтвердили это обстоятельство, объяснив, что слышали все вышеизложенное от крестьянина д[еревни] Комарова Артемия Васьковца, работавшего в м[естечке] Несухоиже и что молва об этом в значительной степени распространена среди крестьянского населения. При дальнейшем следовании Исправника по уезду, ему о том же заявлял местный Становой Пристав, слышавший этот рассказ от священника с[ела] Ракова, причем доложил Исправнику, что среди крестьянского населения упорно держится слух о действительности подобного случая.

Такой слух по мнению Исправника распространился из Луцкого уезда, или Минской губернии, так как в Ковельском уезде впервые появился в пограничном с губерниею и уездом местечке Стобыхове, скорее

же всего, как полагает Исправник, слух этот исходит из заграницы, в отмщение за воссоединение униатов с Православною Церковью³³, с целью ослабить среди народа авторитет нашего Духовенства.

Об изложенном имею честь довести до сведения Вашего Высокопревосходительства.

Губернатор
В. В. Фон-Валь

Правитель Канцелярии^a

ГА РФ. Ф. ДП—3 Д. 1889 г. Д. 385. Л. 1—2. Подлинник. Рукопись.

№ 10

Донесение начальника Волынского губернского жандармского управления в Департамент полиции

№ 1247

13 ноября 1889 г.

Секретно

В последнее время в Владимировольском уезде был пущен неизвестным лицом следующий слух, «что будто бы в Сентябре месяце сего года Его Императорское Величество Государь Император принимал Св[ятые] Тайны у Митрополита, и во время причащения Его Величества упала на землю из Св[ятой] чаши ложка, и что находившиеся в то время в церкви какие-то лица запели Его Величеству «вечная память», а когда предложено было после этого приобщиться другому лицу, то лицо это, по принятии Св[ятых] Тайн тотчас же в церкви скончалось, что об этом в Империи и Полиция знает, и уже есть распоряжение о провозе желающих ехать в Петербург по железной дороге бесплатно с выдачею кормовых денег». В Дубенском уезде был пущен точно такой же слух с малыми изменениями: «что Государя Императора Митрополит хотел отравить во время принятия Государем Св[ятых] Тайн, но кто-то из приближенных предупредил Его Величество; тогда Государь приказал объявить арестантам, не пожелает ли кто принять Св[ятые] Тайны; один пожелал, но сейчас же умер. Государь повелел опубликовать: кто желает присутствовать при наказании виновных, то тем будут выданы бесплатные билеты «для проезда в Петербург и обратно». Произведенными расследованиями помощниками моими в названных уездах, выяснить лиц, пустивших подобные слухи, до сего времени не удалось; но приняты меры для прекращения дальнейшего распространения их.

О изложенном имею честь донести Департаменту Полиции.

Полковник
П. П. Бек

ГА РФ. Ф. ДП—3 Д. 1889 г. Д. 385. Л. 7—7об. Подлинник. Рукопись.

^a Подпись неразборчива.

№ 11

Сообщение Херсонского губернатора министру внутренних дел

№ 803

12 июля 1890 г.

Секретно

Александрийский Уездный Исправник доносит мне, что в с[еле] Стецовке, Александрийского уезда, 2 минувшего Июня отставной Штабс-Капитан Платон Валерианов *Щепанский*, будучи в присутственной комнате местного волостного правления, передавал находившимся там волостному писарю Федору Антонову и его помощнику Осипу Козубу, что недавно, в С[анкт-]Петербурге, социалисты подкупили царского парикмахера за четыре миллиона рублей лишить Государя Императора жизни с условием, чтобы парикмахер, исполнив свое дело, выставил флаг и тем бы дал знать социалистам; парикмахер заявил об этом по принадлежности и, для примера, флаг был выставлен с целью открыть социалистов, которых и было изловлено до 3000 и что в Киеве будут казнить Митрополита за то, что он покушался отравить Государя Императора во время принятия Св[ятых] Таин и что такой замысел Митрополита был открыт певчим.

Об этом имею честь довести до сведения Вашего Высокопревосходительства, докладывая, что произведенное по настоящему предмету полицией дознание передано ею Помощнику Начальника Херсонского Губернского Жандармского Управления, о чем сообщено Прокурору Елисаветградского Окружного Суда и его Товарищу.

И. д. Губернатора^а, Вице-Губернатор^аУправляющий Канцеляриею^а

ГА РФ. Ф. ДП—3 д-во. 1889 г. Д. 385. Л. 21—21об. Подлинник. Рукопись.

Примечания

¹ В 1866 г. на В.Свешникова вновь стали поступать доносы, на этот раз анонимные. Сообщалось, что «на жизнь Государя Императора готовится второе посягательство», которое поручено Свешникову неким «революционным обществом». Он объявлялся также «коноводом» кружка с характерным названием «Новые люди» и корреспондентом А.И.Герцена. При обыске у Свешникова действительно были найдены герценовские издания, заряженный револьвер, порох, пули и неотправленное письмо «весьма подозрительного» содержания: «...В жизни моей совершилось великое событие, — говорил он другу, — в силу которого я принял достойное решение. Стою накануне его исполнения. Ужасная борьба духа и понятий. Буду жив, увидимся, а нет — прощай!» По словам Свешникова, эти строки были вызваны желанием покончить с собой из-за неудачного романа; револьвер ему был нужен «для безопасности при лесных прогулках»; за границей он не был и с Герценом не переписывался. В результате дознания доносы были признаны «безосновательными», объяснилось все проис-

^а Подпись неразборчива.

ками недоброжелателей Свешникова и он был освобожден под надзор полиции (ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 313. Л. 2—4).

² Имеются в виду «лондонские пропагандисты», редакторы-издатели «Колокола» и «Полярной звезды» А.И.Герцен и Н.П.Огарев.

³ *Александр II* (1818—1881) — российский император с 19 февраля 1855.

⁴ *Николай Александрович* (1843—1865) — великий князь, старший сын Александра II.

⁵ *Николай Николаевич* (1831—1891) — великий князь, брат Александра II, генерал-адъютант, с 1855 г. член Государственного совета, в 1862 г. являлся командиром отдельного гвардейского корпуса.

⁶ *Каракозов Д.В.* (1840—1866) — из дворян; будучи студентом Московского университета/ вступил в тайное общество «Организация» и кружок «Ад», созданные Н.А.Ишутиным. 4 апреля 1866 г. стрелял в Александра II. Казнен.

⁷ *Константин Николаевич* (1827—1892) — великий князь, брат Александра II, генерал-адмирал, с 1855 по 1881 г. — управляющий морским министерством, с 1860 г. — председатель Главного комитета по крестьянскому делу, в 1862—1863 гг. — наместник Царства Польского, с 1865 по 1881 г. — председатель Государственного совета. Один из виднейших представителей либеральной бюрократии. В 1866 г. составил конституционный проект, что, вероятно, и явилось поводом для распространения молвы о «Константиновской партии», готовящей «переворот в пользу Великого князя». Подобные слухи циркулировали в ходе дознания по делу Каракозова. Н.А. Ишутин, например, сообщил следствию, что еще летом 1865 г. узнал «о существовании партии политической, во главе которой стоит великий князь Константин Николаевич и Герцен» (Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г. (публикация следственных материалов)// Красный архив. Т. 4 (17). С. 126—127). Некоторые показания свидетельствуют о причастности к этой «партии» и самого Каракозова (См. там же. С. 94, 129). Однако во время процесса этой темы старательно избегали.

⁸ *Ишутин Н.А.* (1840—1879) — из купцов, вольнослушатель Московского университета, двоюродный брат Д.В.Каракозова, арестован в связи с покушением на Александра II 4 апреля 1866 г., приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой.

⁹ *Мотков О.А.* (1846—1867) — представитель так называемого «умеренного крыла» ишутинцев, арестован в середине апреля 1866 г. в связи с покушением Д.В.Каракозова, приговорен к 4 годам работ в крепостях.

¹⁰ Особая следственная комиссия по делу о покушении на Александра II 4 апреля 1866 г. под председательством Московского генерал-губернатора генерал-адъютанта князя В.А.Долгорукова.

¹¹ «Высочайше учрежденная в Санкт-Петербурге под председательством члена Государственного совета генерал-майора от инфантерии графа М.Н.Муравьева на Жизнь Его Императорского Величества 4 апреля 1866 года».

¹² *Мезенцев (Мезенцов) Н.В.* (1827—1878) — генерал-адъютант, с 1864 по 1876 г. — начальник штаба корпуса жандармов, затем шеф жандармов и главноуправляющий III Отделением; убит С.М.Кравчинским.

¹³ Московская земледельческая академия.

¹⁴ 24 апреля 1869 г. к Московскому обер-полицмейстеру добровольно явился бывший студент Петербургского технологического института Г.П.Енишерлов, перу которого, по мнению генерала Арапова, и принадлежала анонимная записка на его имя (ГА РФ. Ф. 109. 3 эксп. Оп. 154. Д. 112. Ч. 1 (3). Л. 163). Он был подвергнут аресту, срочно доставлен в Петербург, а затем выслан на родину, в Харьковскую губернию. Вторично арестованный по нечаевскому делу, Енишер-

лов был освобожден за недостатком улик. В 90-х годах он составил еще один любопытный документ — рукопись под названием «Моя исповедь». Согласно этим мемуарам, в конце 60-х гг. автор рассуждал в кругу единомышленников о «царящем в мире зле» и предлагал поставить «против силы — насилие, против неправды — ложь, против интриг и козней — систему Лойолы... Каждый должен немедленно делать, что может, — говорил Енишерлов, — сидеть сложа руки — преступно». Он выдвинул план заговора, военного переворота, «всякого рода покушения на личности». Для достижения единства мнений между сторонниками Енишерлова была распространена своеобразная анкета. Единогласный ответ получили вопросы о цели будущего тайного общества — «социальной революции», «безразборчивости в средствах», а также о смертной казни для «изменника, т. е. доносчика». По утверждению Енишерлова, результаты опроса составили основу программы, получившей впоследствии известность под названием «Катехизиса революционера», авторство которого приписывалось Сергею Нечаеву и Михаилу Бакунину (Цит. по: Пирумова Н. Бакунин или Нечаев// Прометей. Т. 5. М., 1968. С. 178—180). Возможно, именно эти крамольные проекты, напугавшие в конце концов самого инициатора, и вызвали обращение Енишерлова к властям.

¹⁵ *Комиссаров О.И.* (1838—1892) — мастеровой из крестьян Костромской губернии. Возведен в дворянство под фамилией Комиссаров-Костромской за спасение жизни императора Александра II во время покушения Каракозова.

¹⁶ *Новицкий В.Д.* (1839—1907) — с 1878 по 1903 г. являлся начальником Киевского губернского жандармского управления.

¹⁷ *Николай Александрович* (1868—1918) — великий князь, старший сын Александра III, с 21 октября 1894 г. — российский император Николай II.

¹⁸ *Скандраков А.С.* (1849—1905) — в 1881 г. служил адъютантом Киевского губернского жандармского управления.

¹⁹ Имеется в виду перенесение гроба с телом Александра II из Зимнего дворца в Петропавловскую крепость, состоявшееся 7 марта. В дневнике А.В.Богдановича об этом событии имеется следующая запись: «Сегодня с утра большое движение в Петербурге... Везде столько полиции, столько войск, что через них трудно что-либо видеть. Но тревожные телеграммы, полученные из Берлина и других государств, конфиденциально сообщают, что эти меры необходимы, что у дерзких врагов ужасные замыслы, что они ищут случай произвести беспорядок» (Богданович А. Три последних самодержца. М., 1990. С. 58).

²⁰ В оригинале, видимо, описка. Речь идет о Вильгельме I Гогенцоллерне (1797—1888), короле Пруссии (с 1861) и германском императоре (с 1871).

²¹ *Трепов Ф.Ф.* (1812—1889) — петербургский градоначальник с 1873 по 1881 г., 24 января 1878 г. именно в него стреляла Вера Засулич.

²² *Судейкин Г.П.* (1850—1883) — подполковник (с 1882), с начала 70-х гг. служил в Киевском губернном жандармском управлении, в начале 1881 г. был назначен начальником секретного отделения Санкт-Петербургского градоначальника, а затем — инспектором Петербургского отделения по охране общественной безопасности и порядка. Убит народовольцами.

²³ *Лорис-Меликов М.Т.* (1825—1888) — граф, генерал-адъютант, начальник Верховной распорядительной комиссии по охране государственного порядка и общественного спокойствия с чрезвычайными полномочиями (1880), с августа 1880 по май 1881 г. — министр внутренних дел и шеф жандармов.

²⁴ Газета «Сибирь» выходила в 1873—1887 гг. в Иркутске. А.П.Нестерову, являвшемуся редактором-издателем газеты с 1878 по 1883 г., удалось привлечь к

сотрудничеству «лучшие сибирские силы» (Энциклопедический словарь Ф.А.Бронгауза и И.А.Ефрона. СПб., 1900. Т. XXIXа. С. 814).

²⁵ Иркутский гражданский губернатор и военный генерал-губернатор г. Иркутска генерал-лейтенант И.К.Педашенко.

²⁶ *Плеве В.К.* (1846—1904) — директор Департамента полиции с 1881 по 1884 г.

²⁷ *Воронцов-Дашков И.И.* (1837—1916) — граф, генерал-адъютант, с 1881 по 1897 г. — министр императорского двора и уделов, пользовался личным расположением Александра III. В дневнике А.В.Богдановича сохранилось свидетельство о том впечатлении, которое производили взаимоотношения Воронцова-Дашкова с императором — он «очень бесцеремонно обращается с царем, ездит козырем, без всякого почтения, имеет вид настоящего временщика» (Богданович А. Три последних самодержца. М., 1990. С. 71).

²⁸ *Оржевский П.В.* (1839—1897) — генерал-лейтенант, в 1881 — начальник Варшавского жандармского округа, затем товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов.

²⁹ Польско-литовское дворянство.

³⁰ *Дурново И.Н.* (1830—1903) — министр внутренних дел с 1889 по 1895 г.

³¹ *Исидор (Яков С.Н.)* (1799—1892) — митрополит Петербургский и Новгородский с 1860 по 1892 г., первоприсутствующий Святейшего синода.

³² *Александр III* (1845—1894) — российский император с 1 марта 1881.

³³ Униатская (греко-католическая) церковь, возникшая согласно Брестской унии 1596 г. на территории Речи Посполитой, признавала основные догматы католичества при сохранении православных обрядов, подчинялась папе Римскому. После разделов Польши униатская церковь оказалась в ведении Римско-католической, а затем (с 1828) — особой Униатской коллегии в Петербурге. В связи с начавшейся в 30-х гг. XIX в. ликвидацией Униатской церкви (завершена в 1839; в Холмской епископии — в 1875 г.), она (с 1837 г.) была передана в подчинение обер-прокурору Святейшего Синода Русской православной церкви, что не могло не вызывать недовольства в кругах, тесно связанных с Ватиканом.

³⁴ Херсонским губернатором в 1890 г. был А.С.Эрдели.

«МОЯ ПРЕДАННОСТЬ ВАМ ИМЕЕТ ОДНУ ОСНОВУ: НАЦИОНАЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ»

Письма князя В.П.Мещерского цесаревичу
Александру Александровичу. 1871 г.

Редактор-издатель влиятельного консервативного журнала «Гражданин» князь Владимир Петрович Мещерский (1839 — 1914) на протяжении полувека оставался одной из заметных фигур российского политического небосклона. Внук Н.М.Карамзина, он принадлежал к известной своим консервативным убеждениям семье и всю свою долгую жизнь оставался видным и едва ли не самым активным защитником национальной идеи. Близкое знакомство с Россией, многие губернии которой он изъездил в молодости в качестве чиновника особых поручений при министре внутренних дел П.А.Валуеве, придавало его суждениям конкретность и здравомыслие. Однако едкое перо князя, его смелые и далеко не всегда продуманные предложения, высказываемые на страницах собственного печатного органа, создали ему устойчивую репутацию махрового реакционера. Для советских исследователей характеристика эта стала аксиомой. Соответственно, как заведомо реакционное, трактовалось и его влияние на, тогда еще цесаревича, Александра Александровича (1845—1894), будущего императора Александра III (что вроде бы подтверждается и политикой последнего), с которым Мещерский близко сошелся в начале 60-х годов и на которого в первые десять лет их знакомства оказывал немалое влияние (как в политическом, так и в личном плане). В качестве доказательства этого человека на рубеже 60—70-х годов прошлого столетия. Апелляция к общественному мнению, положительная оценка Великих реформ, от противников которых он дистанцируется, призыв к опоре на земства и распространению последних в том числе на западные губернии (что было сделано только в 1911 г.), отрицание словесных политических прав² — все это мало сочетается с общепринятой политической репутацией князя. Но зато — во многом совпадает со взглядами либерального лагеря эпохи Александра II, представители которого, от либеральных бюрократов

---

¹ Цит. по: Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. С. 125.

² ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 895. Л. 209об.—210, 225—225об., 226об.—227об. и др.

до фрондирующего дворянства, сходились в признании необходимости сильной самодержавной власти, упреждающего реформаторства «сверху», во многом походя, таким образом, на западноевропейских консерваторов, а отнюдь не либералов³.

Либеральные настроения Мещерского того времени подтверждают и тем кругом лиц, которых он приглашал на свои вечера, устраиваемые для расширения кругозора охотно посещавшего их наследника русского престола. Здесь бывали и такие деятели Великих реформ как кн. В.А.Черкасский, Г.П.Галаган. Мещерский всячески подталкивал Александра Александровича во всем советоваться с наставником покойного цесаревича Николая С.Г.Строгановым — одним из наиболее «прогрессивных» деятелей эпохи Николая I, и в то же время всеми силами пытался отвлечь его от группы консервативно настроенного высшего чиновничества во главе с шефом жандармов П.А.Шуваловым.

Публикуемые ниже письма, написанные с разрывом в три месяца (24 марта и 1 (13) июля 1871 г.) представляют собой, по сути, целую программу действий (во внутренней политике она, кстати, так и не была осуществлена), которой должен придерживаться наследник, чтобы сделаться со временем «великим государем». Главное в этой программе — единение царя с народом через земства. Путь этот, как известно, остался нереализован, и «народное самодержавие» Александра III и Николая II вылилось, в конце концов, в чистую декларативность, духовная связь между монархом и народом не была подкреплена никакими внешними формами и потому не выдержала напора времени.

Несомненной ценностью публикуемых материалов является раскрытие в них личных отношений князя В.П.Мещерского с наследником престола, до сих пор известных, в основном, по слухам и сплетням, широко рассыпанным в мемуарной литературе. 1871 год — время заката этой удивлявшей современников дружбы. Интенсивность их отношений не идет уже ни в какое сравнение с более ранним периодом, чисто личное, дружеское общение все более уступает место деловым отношениям — их сближает активное участие князя в различных проектах, во главе которых стоит цесаревич, но идея которых зачастую принадлежит Мещерскому. Так, князь играет ведущую роль в организации Ремесленного училища цесаревича Николая: подыскивает подходящее место для его постройки в Петербурге и кандидатуру на должность директора, занимается финансовой стороной дела (в том числе через городскую думу). Он же берет на себя издание так называемого «Севастопольского сборника» (воспоминания участников обороны Севастополя), также связанного с именем наследника⁴. Велико еще было и политическое влияние князя. Однако растущая самостоятельность Александра Александровича, все менее склонного слепо следовать рекомендациям друга, заставляет Мещерского сетовать на надвигающееся охлаждение и стараться всеми силами сохранить свое влияние на наследника. Причем, зная слабые струны цесаревича, Мещерский не останавливался и перед

³ См., напр.: Филиппова Т.А. По пути контролируемой модернизации // Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация. Т. 1. М., 1996. С. 193; Секиринский С.С. Либеральный идеал и российская действительность XIX века: некоторые аспекты взаимодействия // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М., 1999. С. 185, 195—196.

⁴ Полное название: «Сборник рукописей, представленных Его Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами» (СПб., 1872). Во втором издании, вышедшем в трех томах, название было изменено: «Рукописи о Севастопольской обороне, собранные Государем Наследником Цесаревичем» (СПб., 1876). В обоих случаях имя Мещерского даже не упоминалось. Недавно сборник был переиздан в серии «Редкая книга» под названием «Севастопольские бастионы».

тем, что смахивало на шантаж — использованием имени глубоко почитаемого Александром Александровичем покойного старшего брата Николая и такого беспронгрышного аргумента, как польза России и долг цесаревича поступиться всем личным для достижения ее блага. Но личные качества Мещерского (нескромность, повышенное самомнение, чрезмерная требовательность), опасные для любой дружбы, постепенно делали все более и более невозможным общение с ним человека, занимающего столь высокое официальное положение, как наследник русского престола.

Публикуемые ниже два письма извлечены из фонда Александра III в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 677. Оп. 1. Д. 895). Фонд этот содержит довольно большой блок писем (Д. 894—897) и так называемых «дневников» — еженедельных обзоров событий, составлявшихся Мещерским для своего царственного друга (Д. 105—117) за 1868—1894 г. Текст печатается по автографам. Подчеркнутые места выделены курсивом.

Публикацию подготовила Н.В.ЧЕРНИКОВА.

№ 1

Москва

24 марта 1871 г.

После двух с половиною недель сидения в Москве, решаюсь исполнить желание сердца побеседовать с Вами! Что Вы поделяете? Намеревался я вернуться к Страстной, но так как отец мой возвращается из Москвы только на Святой¹, то я остался в белокаменной с тем, чтобы ему сопутствовать.

Право, Москва мила и прелестна. Как жаль, что Вы ее не любите больше², говорю я себе по несколько раз в день, в особенности тогда, когда слышу то здесь, то там, как Вас здесь восторженно любят. Я бы мог написать целый том разных эпизодов Вашей жизни, составленных воображением и сердцем москвичей, где Вы являетесь в самых привлекательных и интересных обстановках. И замечательно, что рассказы эти про Вас слагаются не только в high life³, но и в купеческих сферах, где Вы очень популярны! С тех пор, что мы не виделись, дело Черноморское³ успело сделаться достоянием Истории. Признаюсь откровенно: одно очень огорчило меня; зачем с такою неумолимою ненавистью отнеслись к тем, которые, как Моск[овские] Вед[омости]⁴, в данную минуту высказали по поводу нашей дипломатической победы мнение свое, самостоятельное и искреннее⁵? Я не разделяю мнения этой газеты, радуюсь от души событию, как Русский, но смею в то же время думать, что всякий не обязан непременно иметь одно и то же мнение. Как по Вашему? В дебатах Парламента Английского⁶, у Гладстона⁷ вырвалось на днях одно слово, обращенное к Дизраэли⁸, которое в дипломатическом отношении не может не показаться всякому русскому оскорбительным, когда он сказал ясно и громко, что и угроза Ода Росселя⁹ России войною, и требование Конференции, и решительное отклонение Петербурга, как центра для конференции — не есть слова Росселя, а Бисмарка¹⁰. Затем вывод один: мы больше всего обязаны Пруссии, а не

^a В высшем свете (англ.)

Бисмарка¹⁰. Затем вывод один: мы больше всего обязаны Пруссии, а не твердости нашего Государя, по мнению того же Таймса¹¹ и того же Бисмарка, что очевидно и ложь и оскорбление России. Получив неизмеримую услугу от России¹², Пруссия очень рада память о ней загладить своею мнимою услугою, как будто бы если Пруссия не вмешалась в наше дело декларации, мы бы его не выиграли также победоносно. У Государя было в руках для того самое верное оружие — твердость!

Из этого что вывести? Увы, все тоже! Шатко у нас уважение к общественному мнению и к печати. Мерзавцы как Корш¹³, Стасюлевич¹⁴, самые злые враги Правительства, подлизываем в данный момент покупают себе право безнаказанно отравлять умы до мозга костей, а честный человек, как Катков¹⁵, объявляется врагом Правительства, за то, что он честно высказал свое мнение, нисколько не умаляя значение факта, но остерегая от опасности признания себя обязанным Пруссии.

Вообще то, что случилось — факт, достойный внимания. Со всех сторон явилось обвинение общества в том, что оно недостаточно обрадовалось результату конференции! Факт этот глубоко поучителен и замечателен, и служит ответом на вопрос: есть ли у нас общественное мнение? Да, и весьма сильное! Но горе, если мало-помалу будут все больше им пренебрегать и все меньше с ним соотнобразовываться. Общественное мнение ослабить нельзя, напротив, всякое унижение его усиливает, а в особенности раздражает. В этом отношении, Вы себе и представить не можете, как Россия за последние годы быстро изменилась. В октябре является декларации нашего кабинета об уничтожении пункта о Флоте Черном[орском] Парижского Трактата. При появлении ее обозначаются три факта. Первый — равнодушие в обществе, второй — полное неведение этого факта и Государственным Советом, и вообще Россиею до его совершения, и в-третьих — неудовольствие Пруссии, маскировавшееся тотчас и перешедшее в покровительственное обещание нам помочь выйти из этого дела успешно. Но возле 4-й факт: Моск[овские] Вед[омости] попадают в немилость за то, что усомнились в благополучном исходе этого внезапно затронутого вопроса. Но что же обнаружили эти факты и что они значат? Вот это-то и важно анализировать!

Откуда это равнодушие общественного мнения к декларации? Декларация явилась в ту минуту, когда всю Россию от Севера до Юга и от Востока до Запада охватила одна мысль и одно чувство: ненависть к Пруссии, и сознание, что мы не готовы к войне, и сожаление о том, что Правительство в своих заявлениях сочувствия к Пруссии пошло в разрез с национальным чувством¹⁶. Случилось то же, что так сильно отразилось на России — во время войны за Австрию против Венгрии в 1848 году¹⁷, недоверие к Правительственному начинанию. Все прочитали декларацию, и прочитавши сказали: у нас нет ни флота, ни армии, ни денег¹⁸, и это-то всего сильнее помешало какому-нибудь восторгу проявиться, а с другой стороны политика нашего Правительства стала непопулярна, было смутное предчувствие, что мы свяжемся с Пруссией в деле декларации, что, увы, и случилось.

С другой стороны, весьма скоро стало известным и то, как нехорошо поступил Горч[аков] с Игнатьевым¹⁹. Кто знает, не гораздо ли удачнее кончилось бы дело, если оно осторожно разрешилось бы в Константинополе? Вместо этого, Игнатьева дезавуируют и переносят дело на почву Европейскую. Здесь что же случилось? Россия в своей декларации категорически разрывает пункт Трактата о Черном Море, об остальных она предлагает конференцию. Общественное же мнение смутно сознавало, что Россия, будучи совершенно не готова к войне, должна будет вслед за категорическим уничтожением этого пункта, все-таки подчиниться конференции, что и случилось!

Все это в России чувствовали и сознавали, без всякого Каткова, и вот здесь-то и была роковая ошибка Правительства. Зазывают редакторов газет, внушают им любовь к Пруссии, редакторы любовь не принимают, а по всему городу об этом рассказывают, как искра новость эта облетает всю Россию, непопулярность политики нашей еще усиливается, и именно в это-то время еще более неловко дают понять через Губернаторов, что адреса Государю были бы своевременны и приятны, и это-то глупейшее внушение наносит еще более сильный удар кредиту дела декларации. Являются жиденькие два, три адреса²⁰, Россия упорно молчит, и когда 18-го марта Горчаков получает рескрипт²¹, парад делается войскам, 101 пушечный выстрел раздается со стен Петропавл[овской] Крепости, все в России безмолвствует. Событие это необыкновенно грустно, но в то же время и глубоко поучительно и в известном смысле и страшно. Никто не сговаривался, а между тем все поступили, как будто сговорились. А что нельзя это признать случайностью, то доказательством тому служит такая же победа Горчакова в 1863 году, но только оперевшаяся на десятки миллионов голосов России²². Но еще грустнее то, что вместо того чтобы понять, что в России есть общественное мнение, к которому надо прислушиваться, Князь Горчак[ов], упоенный и ослепленный своею дряхлостью, говорит: энтузиазм начинал возрождаться по поводу декларации, но газеты, и Катков в особенности, его затушили; и вследствие этого печать впадает в большую еще немилость! А между тем все факты самым наглядным образом говорят противоположное, Голос²³ и Петерб[ургские] Вед[омости]²⁴ попытались было раздуть восторг к Черном[орскому] вопросу, и все-таки ничего не переменялось: вот лучшее доказательство, что не печать влияет на общественное мнение, а общественное мнение уже стало и силою самостоятельной.

Как будто нарочно в подкрепление этих мыслей натыкаюсь сегодня на статью весьма и весьма замечательную Kreuz-Zeitung²⁵. Она говорит приблизительно следующее: «Итак, национальной политике Русской нанесен окончательный удар. С одной стороны, союз России и Германии закреплен услугой, нами оказанной России, а с другой Дамоклов меч висит над главным агитатором Русской партии! — (Катков). Но да не думают, что причина этого смертельного удара, нанесенного русской национальной партии, заключается в каких-либо интригах с нашей стороны (хорошо предположение!), но в ней самой — *национальная поли-*

тика для России немыслима, потому что в ней ничего нет цельного и стройного, и грубое невежество ее мешает и всегда будет мешать ей осуществлять то, что Германия достигла образованием, — единства». Что можно сказать выразительнее и замечательнее. Какого предостережения заслуживали бы такие слова, если в Пруссии была бы цензура, и если бы эта цензура внушала журналам ту же любовь к России, какую у нас наша цензура внушает к Пруссии.

Нет, Ваше Высочество, не надо быть в Москве и фанатиком, чтобы ясно видеть, как опасно то новое положение, в которое теперь входит Россия! Мы, закрывши глаза и уши, отдаем себя в распоряжение Пруссии, с тем чтобы она нас вела на буксире. А между тем с каждым днем все сильнее общественное мнение против этой политики восстает. Чем это кончится, знает один Бог! Но политика, основанная на презрении к русской национальности, хорошего ничего дать не может! Впереди только чуются шпионства, запретительные меры против печати хорошей, поощрение печати гнусной, вредной и подмачивающей организм. Такова была Наполеоновская печать — погубившая Францию, такова она в руках у Петерб[ургских] Ведом[остей] и Вестника Европы²⁶ — ces deux journaux en faveur^a, затем усиление врагов Правительства, вероятное возникновение заграничной русской печати, а там и аресты, ссылки, тайные общества и т.д. Другого внутренний союз с Пруссией не может нам ничего обещать. Это поймет 10-летнее дитя.

Но еще вреднее была бы открытая вражда с Пруссией, ибо рано или поздно привела к войне, со всеми ужасными ее последствиями.

Вот почему на вопрос: чего же желать, ответ прост и ясен. *Национальной политики и только!* то есть признания России силою самостоятельной, не нуждающейся ни в каком союзе, и действующей так, как в данный момент велят ей интересы. Нужно — то внешний союз с Пруссией, нужно — то внешний союз с Австрией, Турцией, с кем угодно, но чтоб никогда внутренняя политика не подчинялась другому двигателю, кроме своих государственных интересов.

Очень желал бы знать, согласны ли Вы с этими мыслями?

Нет сомнения, что на Вас с каждым годом будут сильнее и сильнее действовать враги национальной политики, ежедневно усиливающиеся. Противодействовать им Вы не можете иначе, как если Вы твердо убеждены, что другой политики нет кроме национальной. Тогда это противодействие может заключаться в самом простом: слушать все, что Вам будут говорить, с невозмутимым спокойствием, кто бы ни говорил, и ничему из всего этого не верить! Но если Вы не твердо убеждены в том, что единственная политика для Вашего царствования есть национальная, то есть противоположная нынешней, то нет сомнения, что весьма скоро Вас еще более пошатнут и внушат Вам мысль, что Катковы и К-ия — это враги правительства, а Шуваловы и К-ия²⁷ — это преданные слуги его.

Национальная политика весьма проста. Ее основа — объединение Государя с народом, отрицание сословных политических прав, а при-

^a Эти две газеты в фаворе (фр.).

знание сословий только как частей земства, невмешательство в дела Европы, и твердое запрещение Европе вмешиваться в наши дела, развитие земства, и неуклонное распространение всех законов и учреждений на все окраины Государства, не исключая и Балтийской.

При этой политике Вы имеете в виду громадные выгоды: 1) народ и войско безусловно за Вас, 2) вся интеллектуальная часть России за Вас, 3) Церковь за Вас, 4) Вы получаете необъятную сферу, откуда черпать людей, 5) Вы получаете возможность уничтожить на веки веков III отделение²⁸, 6) Вы можете просто изменять государственные учреждения как того потребует время, 7) Вы раз навсегда душите в своем зародыше нигилизм и все революционные пропаганды, 8) Вы навсегда поканчиваете с вопросами польским и немецким²⁹, и 9) Видя Вас твердым, Пруссия поймет, что воевать с Вами слишком опасно, ибо в данный момент Вы имеете за себя весь Славянский мир, который только и ждет торжества национальной политики в России, чтобы примкнуть к ней.

Совершенно обратное Вы получите в случае, если Петербургской партии пруссофилов удастся на Вас подействовать.

Вы разом лишаетесь популярности в России и во всем Славянском мире.

Вы с каждым днем будете все больше вооружаться против всех представителей национальной политики в России, и за неимением необъятного престижа и нравственной силы Государя Вашего отца, Вы не будете иметь другой силы, как сила карательная, и нет ни малейшего сомнения, что уже тогда пойдут заговоры за заговорами, и Вам придется или уступить силе, что всегда опасно, или воцарить грозное управление Иоанна IV или Николая I-го в 1825 году, что в настоящее время тоже безусловно опасно, но что всего хуже, быть всегда рабом доносов с одной стороны, и интриг Пруссии с другой. Надо Вам во что бы то ни стало понять, что потому национальная политика в России так ненавистна Пруссии, Бисмарку и К-ии что она представляет собой объединение России в союз Славянский, то есть громаднейшую силу в мире. Государь, с детства сжившийся с мыслью о близкой дружбе и родстве с Прусским Корол[евским] домом³⁰, Государь, приведенный после 4-го Апр[еля]³¹ подлость Ш[увалова]³² к мысли, что в него стрелял не сумасшедший, а стреляла будто бы Россия и национальная ее партия, Государь, который не может при всех этих условиях допустить мысль, что Пруссия его враг, не может изменить своих воззрений на политику, это понимает всякий, но Вы, Вы поставляетесь в совершенно иные условия. Кругом везде организуется сильная партия, чтобы вывести Вас в Шувал[овскую] партию, и подрезать Вам крылья, и в то же время подорвать Вашу популярность. Это вопрос, о котором много есть что сказать и что я должен Вам сказать. Но пока — важно мне знать: признаете ли Вы истинными мои мысли? ибо моя преданность Вам имеет и имела всегда одну основу: национальную политику.

Я давно, увы, не беседовал с Вами, а потому ясно не знаю, успели ли пошатнуть Вас в Ваших основных и коренных убеждениях. Но скажу откровенно: за ужином у меня, зародилось у меня опасение в ту минуту,

когда Вы сказали: «*Не знаю, за уничтожением крепостного права, не ослабла ли народная сила как помощь в минуту опасности, подобной 12 году?*» Напротив, внутри России она станет гораздо надежнее, ибо делается уже не народною, а земскою, то есть чисто русскою силою. Этой-то земской силы Шувал[ов] и К-ия боятся и против нее вооружают Государя. Вот почему родилось во мне опасение и насчет Вас! Политика, которая будет основана на недоверии к этой земской силе, неминуемо приведет к катастрофе; напротив, политика, проникнутая безграничным доверием к этой силе, упрочит Монархическую Власть и создаст великие события для славы этой Власти.

Что сказать о Москве? Здесь весна и погода изрядная. Холера начинает показываться, но незначительны доселе ее размеры. Выборы Городского Головы состоялись. Черкасский решительно не баллотировался только для того, чтобы не ставить в фальшивое положение городское общество относительно высших властей³³. Его преемник Купец Лямин³⁴ человек весьма замечательный по образованию и по положению, которое он занимает среди купечества. Он чуть ли не единственный экземпляр в купечестве, который при громадном состоянии не имеет никаких недостатков, со званием купца связанных: он говорит чисто и хорошо, держит себя [д]жентльменом, не заискивает ни у кого, убеждений честных и в известном смысле либеральных.

Познакомился я с Ник[олаем] Алекс[еевичем] Милютиным³⁵. Он теперь явление замечательное. Ум его так же светел, как был прежде, но он говорит с трудом много, ибо не может всегда находить нужные в данную минуту слова; но слушая, понимает все и любит, чтобы ему читали.

Я, грешный, занимался в Москве чтением: прочел я в кругу всех интеллектуальных людей Москвы (было человек 30) свою комедию в 5 акт[ах] Роковой обед³⁶, и не хвастаясь скажу, что последний акт имел огромный успех, 2-й и 3-й успех просто! Но еще больший успех имела моя переписка весьма замечательного человека с человеком довольно замечательным, сатира на Государственного человека, едущего по России. Она должна появиться в Апрельской Книжке Русск[ого] Вестника³⁷.

За сим вот сцена от начала до конца истинная, характеризующая Московские нравы.

Кн[язь] Ник[олай] Ив[анович] Трубецкой³⁸ сидит во время концерта Патти³⁹ в 1 ряду кресел и напевает под дивные звуки Ла Патти. Офицер сзади его обращается к Ник[олаю] Ив[ановичу] с просьбой не подпевать.

Ник[олай] Ив[анович] презрительно на него взглядывает и напевает громче.

Офицер Прошу вас перестать.

Ник[олай] Ив[анович] Милостивый Государь, знаете ли вы, кому вы говорите, я Андреевский...

Офицер (прерывая) Мне решительно все равно, Андреевский вы или Ивановский, я вас прошу не подпевать!

Ник[олай] Ив[анович] Вы Милостивый Государь грубиян, как вы смаете мне это говорить. (Отправляется к Коменданту⁴⁰)

(Дива кончает арию)

с жалобой на офицера; Комендант зовет офицера и распекает его за грубость Князю Трубецкому).

Офицер Какой Трубецкой, это был Андреевский!

Комендант Помилуйте, что вы, он вам сказал, что он Андреевский Кавалер.

Офицер пожимает плечами, а Комендант его уговаривает не возмущаться тем, что Князь Трубецкой будет подпевать!

За сим пора и кончить.

Но прежде дозвольте умолять Вас о нижеследующем.

Простите, если я обидел Вас чем-нибудь, завтра я приобщаюсь!

Скажите мне, довольны ли Вы были мною за зиму⁴¹!

Собираясь вернуться к Среде на Святой, хотел бы устроить еще вечер для Вас, можно ли на это удовольствие рассчитывать, если даст Бог вернуться.

Умоляю, если накопились у Вас Севастоп[ольские] рукописи⁴², вложите их в большой пакет, и пришлите мне в Москву, если можете тотчас же; у меня досуг здесь и я успею прочесть.

Но тогда удостойте вложить в одну из записок маленькое письмецо — с ответом на мои вопросы, а в особенности относительно мыслей о нац[иональной] политике, которые Вы могли бы выразить так: «с ваш[ими] мыслями о Н.П. согл[асен] или не согл[асен]».

Скажите также, правда ли, что ждут Императора Германского в Петербург.

Увы, дом на Сергиевской для Приюта⁴³ оказался слишком дорогой. Беда с этим вопросом.

Простите за длинное письмо! Но любя Вас так, как люблю, это многое, что написал Вам, сотая часть того, что хочется сказать. Когда и где бы не говорил о серьезных предметах, думал всегда о Вас, ибо вопрос, как разовьются Ваши убеждения, меня мучит и тревожит. Теперь настала роковая минута решиться идти по твердому пути.

А в первые годы я почти сбратался с Вами мыслями, атома между нами не было различия. Вот почему Вы поймете, как дорог сердцу этот вопрос.

Нежно, крепко и от всей души Вас обнимаю, Бог да будет с Вами!

ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 895. Л. 207—215об.

№ 2

Франценсбад⁴⁴

1 (13) июля 1871 г.

Для прочтения в досужный час

При сем, Ваше Высочество, два пакета позволяю себе адресовать на Ваше имя, один с соображениями по Приюту и с планом нового дома, другой с длинным письмом, которое писал долго, хладнокровно, и глупо обдуманно.

Думаю, что Вы найдете в нем различие от других десятков писем, прежде Вам писанных. Различие это заключается в том, во-первых, что

оно как бы писалось целый год, то есть является плодом передуманных в течение года размышлений и, следовательно, не страдает недугами прежних писем; во-вторых, в нем нет ни сентиментальности, ни громких фраз, ни клятв, ни увлечений, ни порывов: всякое понятие названо своим именем, всякое имя преложено к своему понятию. В-третьих, оно строго и долго проверено — с целью быть достойным Вас, то есть Вашего высокого положения — по правде и серьезности изложения. Затем оно глубоко и очень душою прочувствовано.

Помню, что такое письмо писал Вашему Брату⁴⁵ 6 дней в Скевинингене <?> и отдал его только тогда, когда оно было строго проверено.

Результатом его, несмотря на всю суровую правду, в нем высказанную, было то, что Брат Ваш мне протянул руку и назвал мой поступок услугою друга, и месяцев 5 спустя в письме из Флоренции вспоминал про это впечатление, и имел настолько к нему уважения, что сказал мне в письме: что если он переродится, во многом о чем мы говорили, то этим он будет мне обязан. Не гордость внушили мне эти слова, но они сделали меня навсегда счастливым, и в дружбе к Вам дали мне силу и право предлагать Вам мои письменные услуги.

Не ожидаю того же от Вас в ответ на мое письмо. Вас слишком против меня и моих чувств восстановили и люди и обстоятельства.

Но ожидаю одного: что письмо мое произведет на Вас глубокое правдивое впечатление и поможет Вам сделать над собою усилие, чтобы спасти наши отношения от гибели настолько, по крайней мере, чтоб главная цель их — служение правде, Вашим интересам и России остались неприкосновенны!

Затем, прибавится ли вследствие письма более с Вашей стороны дружбы — ко мне, или нет, — этого я слишком часто, увы, просил напрасно, чтоб сегодня, в минуту, когда озабочен самую серьезную сторону наших отношений, решился просить об этом вновь!

Дружбу просить легко, но еще легче ее заподозривать!

Повторю две мысли, сказанные в письме.

Я был когда-то счастлив, и с меня довольно; для себя ничего не прошу.

Не ищите в письме этом задней мысли или скрытой цели: оно искренне, правдиво, просто, и написано потому, что все серьезные и честные люди судят Вас, опасаются за Ваше будущее, а между тем ни их суд, ни их опасения до Вас не доходят. Потому смею просить прочесть это письмо со вниманием — и если можно, с доверием.

I

Вероятно, не на этом свете дано будет Вам понять и уяснить себе во всей его полноте и во всем настоящем смысле, что такое то чувство, которое заставляет меня доселе играть какую-то роль в Вашей жизни, и проходя чрез самые разнообразные положения, не уставать в борьбе за какую-то цель, за какую-то мысль, и вместо того чтобы, насытившись и горечью, и унижениями, и обидами, и насмешками, и подозрением, отойти от поприща, принесшего все это, наоборот, все больше и больше

делать усилия и добиваться сохранения отношений, бывших когда-то хорошими и дружескими, а теперь дошедших до холодной терпимости с Вашей стороны!

Вы всегда глядели на эту связь между нами *с одной ее стороны*: когда-то, пока люди в нее не вмешались, Вы смотрели на нее просто, очами Вашей славной натуры и мы были друзьями, и нас оставляли в покое; потом Вы взглянули на ту сторону, которая была послабее, на сентиментальность, и упрекнули ею меня; затем Вы слышали уже суждения людей об этой дружбе весьма нелюбезные, и Вы взглянули уже на ту сторону, где могли, при одностороннем взгляде, оказаться поводы заподозрить кое-что из наших отношений, потом Вы нашли, что морали слишком много в моих письмах, и наскучились ею; потом, еще больше внимая другим, а про свое сердце позабыв, Вы с особенною строгостью стали искать моих промахов и ошибок, и на них основали разрыв, потом уже наконец все более и более поступая осторожно со мною, как с дурным человеком, Вы дошли до того, что просто запросто выключили меня совсем из Вашей интимной жизни!

На все это Ваша Воля, и довольно. Всеми этими переходами и треволнениями Вы, бесспорно, отвязали Себя от меня, порядком заставили меня проработать, внушили к Вам во мне чувство, которое прежде я не знал, *чувство страха (из всех чувств самое скверное)*, под влиянием которого сколько раз хотел Вам писать о Вас, но или боялся писать, или боялся посылать и рвал написанное, — все это случилось, правда, но спрашиваю Вас по совести — легче Вам, лучше Вам стало от того, что Вы били, били и почти забили человека, не имевшего другой цели, как служить Вам и много провинившегося потому, что он много, много думал о Вас, много делал для Вас, и крепко, крепко Вас любил?

Не думаю! Даже более того, я твердо убежден, что Вы ни разу не наносили мне обиду иначе, как почувствовав это, твердо убежден и в том, что все наше общее прошедшее в Вашей памяти сердца так же светло, как в моей, что это прошедшее Вы любите, как люблю его я, но не хотите эти собственные Ваши впечатления поставить в борьбу с теми, которые приходят к Вам от людей!

Но дело в том, что пока Вы отвязываете меня от себя, процесс моего привязывания к Вам остался тот же: я продолжал жить Вашей жизнью, и вот что случилось. Пока люди наговаривали Вам обо мне многое такое, что все больше и больше Вас заставляло держаться настороже — и изменяло отношения Ваши ко мне, другого рода люди, то здесь, то там, говаривали об Вас при мне и со мною; но только с тою разницею, что говорили они с любовью и грустью, а не со злобою и желанием Вам вреда, и их-то речи потому самому производили на меня действие совершенно противоположное тому, какое производили на Вас речи против меня: я еще крепче привязывался к Вам, еще сильнее была ревность по Вас, по Вашем добром имени.

Вот эту-то сторону наших отношений Вы всегда забывали. *Она есть гордость за того, кого любишь*. Вас судят, Вас осуждают, и я огорчаюсь этим, как будто бы меня это касалось, и вот ответ на вопрос, почему,

несмотря на то, что я долго молчал, я решился писать Вам, ответ на вопрос: почему, когда я вижу, что Вы удаляете меня от себя систематично, почему эти письма, выпрашивающие милость, толкующие о любви, просящие объяснений, и т.д. К чему? Ответ ниже.

Человек живет надеждою. Это неотъемлемое его право и главное его утешение. Я надеюсь и, скажу откровенно, надеюсь крепко, что придет день, когда Вы будете тронуты моею настойчивостью в усилиях спасти обломки нашей дружбы, когда обстоятельства Вашей души заставят Вас на дружбу взглянуть серьезнее, и когда сами от себя, Вы дадите вашей милой, но крепко запертой теперь, натуре сердца, простор и свободу.

Спаситель долго не отвечал на вопли и просьбы жены Хананейской, до той минуты, пока, тронутый ее твердою надеждою и верою, Он не обратился к ней, и не назвал ее более верующею, чем все Израильтяне⁴⁶.

Вот смысл моих неотступных сетований и объяснений!

Но затем есть вторая причина! Она гораздо серьезнее.

Откройте первую страницу Вашего журнала № 1⁴⁷, откройте любую страницу моих бесчисленных писем к Вам, вспомните каждый малейший с Вами обмен мыслей, начиная с наших долгих бесед зимою 1865—1866 года в Петербурге и в Царском Селе, и кончая теми минутными свиданиями, которыми ограничиваются наши отношения теперь, везде Вы увидите, что наряду с сетованиями о моей личности, сентиментальными речами, поэтическими мечтаниями и т. под., всегда говорю я Вам о России, о Вашем положении, о Ваших обязанностях к Ней.

Плюйте на меня, добивайте меня как хотите, бесчестным я оттого не буду, но пока я не бесчестен, я имею право голоса, и пользуюсь им, чтобы неотступно, ежечасно, ежеминутно напоминать Вам, что я люблю Вас *как любят Высшие Существа в мире*, со страхом к ним и за них, с благоговением к ним, с твердостью и неизменяемостью, исходящими из другого источника, чем всякая любовь обыденная.

Источник этот, это Ваше будущее. Вы можете отнять у меня Вашу дружбу, но моей к Вам Вы не можете, а если не можете, то не можете и отнять у меня страх за Ваше будущее. Он присущ мне, как присуще дыхание жизни, и этот-то страх выше всех остальных двигателей моей жизни.

Убедившись светлым опытом, насколько дружба к Вам может быть плодотворна, при благоприятных обстоятельствах, и насколько она совместима с мыслию о России, могу ли я бросить мысль о России под предлогом, что от дружбы этой остались одни обломки? Нет, Вы сами скажете, что нет. Дружба может рушиться, как может и восстановиться, но всякое упущение в служении Вашим интересам, как будущего Государя, может принести невознаградимый и невозстановимый вред Вам, отдаляя от Вас правду, какая бы она ни была.

Но, быть может, навязывание себя и своих услуг, когда дружба с Вашей стороны проходит или даже (чего не дай Бог) прошла не только

бесполезно, но даже вредно в смысле государственном, в смысле Ваших интересов?

Да! если дружба подорвана потому, что уважение и доверие подорваны, тогда служение Вашим интересам государственным, обращается в навязывание, и только может вредить. Но если дружба подорвана вследствие случайных обстоятельств, нисколько не поколебавших ни уважения, ни доверия, тогда, нет! тогда служение государственным интересам Вашим и страх за будущее Ваше не могут и не должны без ущерба для Вас быть парализованы, ибо если уважение и доверие ёсть, есть и возможность говорить Вам правду и видеть правду эту плодотворною!

Не находя ни в себе, ни в моем прошедшем поводов обвинять себя в поступках, могущих поколебать в Вас ко мне доверие и уважение, я полагаю, что и то и другое не изменились со дня нашего знакомства.

Даже более того, я в праве думать, что опыт пережитых годов и ряд глупостей и ошибок, мною сделанных и мною сознанных, дают доверию Вашему ко мне теперь более прочности.

С другой стороны, Вы сами, сколько я Вас понимаю, несмотря на весьма, увы, наглядное охлаждение в проявлениях дружбы, продолжали в делах серьезных давать мне доказательства Вашего доверия и уважения.

Если это справедливо, то серьезная часть наших отношений очевидно жива, и я, с Божиею помощью, должен и могу в нее вложить всю мою беспредельную любовь к Вам, тем более что в интимных отношениях должен отказаться почти от всякого общения с Вами, как бы сильно не рвалось к Вам сердце. С каждым годом Вы все более и более укрепляетесь в том положении, в котором все труднее и труднее Вам будет разбирать и анализировать чувства к Вам отдельных лиц. Все будет принимать название «преданность», и если недоверия заслужит один вид этой преданности, то неизбежно оттенок этого недоверия упадет и на другой. Это закон природы, нераздельный от психического мира Вашего положения.

Думать, что для меня будет сделано исключение Вами, было бы с моей стороны безумно! Напротив, ни с кем Вы не были так часто в сношениях, как со мною, ни о ком так дурно не говорили Вам, как обо мне, ни к кому так рельефно возле и кругом Вас не выказывалась неприязнь и недоверие, как ко мне, следовательно, при всем уважении и остатках прежней привязанности ко мне, никто не представляет столько причин возбуждать к себе в Вас недоверие, как я, ибо я столько раз, как говорится, пересаливал, столько раз навлекал на себя Ваше неудовольствие, и все продолжаю Вам навязывать свои услуги.

Вот навстречу-то этим понятным причинам к недоверию, которые с каждым годом будут увеличиваться, я должен идти также бойко, также смело, также бесстрашно вперед, как идет солдат навстречу смерти. Я не боюсь немилости, которая тяжела для сердца, но не затрагивает внутреннего содержания жизни, но боюсь сделаться бессильным принести посильную пользу вследствие усиления поводов к недоверию.

Итак, идя навстречу ему, прошу Вас, дорогой Александр Александрович, позвольте принести Вам это простое заверение, к которому не присоединяю ни громких фраз, ни громких клятв.

Даю Вам слово на всю мою жизнь, что стремясь из всех сил беречь как сокровище отношения к Вам, я *ничего, никогда* не буду искать или добиваться, и вследствие этого более чем когда-либо прошу Вас положиться на меня с доверием и верить, что я только одного желаю: возможности говорить с Вами обо всем, что может Вас прямо интересовать, и действовать только там, где сфера действий делается частною, и перестает быть официальною!

Честолюбие было во мне, но я не лгу, когда говорю, что я вырвал его из себя с корнем.

Вас же прошу только этому верить, дабы Вам можно было придать доверию Вашему более спокойствия.

Засим, объяснившись с Вами насчет этого главнейшего вопроса, дозвольте в следующем отделе коснуться вопроса — почему я еще раз делаю попытку — уяснить и закрепить то поле, на котором ныне наши отношения проявляются. Коснуться этого намерен так, чтобы вопрос исчерпать до конца и не оставить между нами ни тени недоразумений.

Здесь же, если можно, начертите только сущность Вашего впечатления и ответа^а.

II

Время, в которое мы живем не только в России, но и в Европе в особенности, ничего не имеет общего с прежним временем по главным своим основным чертам.

Еще 15 лет назад Государи и Владыки все могли, все смели; они могли ничего не делать; они могли попираť законы столь же безгранично, как и права. Теперь, несмотря на то, что правление у нас остается, чем было — самодержавным, оно неузнаваемо изменилось потому, что именно временем, то есть обществом, склонено было издать такие реформы, которые незаметно отняли у правления, у власти право все сметь и все мочь; крестьянская реформа⁴⁸ поставила на ноги 50 миллионов людей, свободных, мыслящих, которые со дня на день явились с *правами*. Земская реформа⁴⁹ ввела эти 50 миллионов в государственную сферу, то есть открыла им целый мир, в котором они научаются тому, чего они вправе требовать от власти для своего благосостояния, и ежедневно слышат то здесь, то там критику Правительства. Наконец, судебная реформа⁵⁰ связала самодержавную власть сущностью реформы, и теми новыми понятиями о суде и праве на суд, которые теперь присущи каждому бобылю, каждому извощику^б.

Таков был процесс законный, спокойный, посредством которого государственная власть не могла не утратить часть своего неограниченного, единоличного и всегда тяжелого произвола. Это была величайшая

^а Далее оставлены пустыми пол-листа.

^б Так в тексте.

революция общественная, которая себе подобной в истории мира не имеет.

С каждым годом всякий из нас чувствует все живее, как сильна эта революция в России, столько же в учреждениях, сколько в нравах и мыслях. Но образ или способ понимания и оценки этой революции в России далеко не одинаков.

Мы, люди благонамеренные и преданные Государю честно, мы видим в реформах, Им совершенных, новую причину благоговеть перед Властью и более чем когда-либо работать для тесного союза Государя с Государством. Мы видим на Нем присутствие благодати Божией, а в союзе Его с Россиею видим залог Его силы и Ее силы; и при таких воззрениях, твердых и неподкупных, мы всегда и везде остаемся верными и надежными слугами, и с осуждением того или иного злоупотребления в сферах исполнительной Власти, мы осуждаем, мы критикуем, но не перестаем быть верными слугами Царского Полновластия.

Но далеко не все так думают.

Есть вне благомыслящего большинства две группы весьма сильные людей. Одна — это так называемые *преданные лично Государю люди*, которые о России не имеют и не хотят иметь никакого понятия, и все, что до нее относится, именуют огулом — *патриотизмом смешным и глупым*.

Люди эти наполняют все этажи дворцов и немало кабинетов администраторских. Они враги реформы по принципу, ибо видят в ней *какое-то дело русское*, слышат о ней суждения свободные и самостоятельные, наталкиваются вследствие ее на людей, признающих за правило избегать Двора и, напротив, искать общественного поприща, словом, видят реформу в ее результатах, в картине постепенного освобождения общества из-под гнета старых предрассудков и в постепенном расширении умственного кругозора в массе мыслящих людей.

В этом они видят главную опасность всякой реформы, и подчиняясь такому чувству страха, ближе прижимаются к придворной жизни, и оглашая воздух под сводами дворца уверениями в своей преданности, оглашают его в то же время криками об опасности, угрожающей власти от реформ. *Вторая группа людей* — тоже произведенная и вызванная на свет реформами, — *это враги Власти и порядка столько же, сколько враги России, как Государства*.

Столь же быстро, как шли одна за другою реформы, столько же быстро общество выделяло из себя группы людей, извлекавших из нового времени одну только дикую, необуздываемую, ненавистью проникнутую свободу, чтобы ею пользоваться хитро, скрыто и умно для постепенного растления государства, начинавшего жить более свободною жизнью.

Может быть, более другого, благодаря моим поездкам⁵¹, самым разнообразным сношениям с людьми, навидался я этих людей, и должен отдать им справедливость, они умно и очень ловко умеют действовать, а главное берут тем, что сплочены воедино, и настолько же действуют дружно, насколько мы, люди благомыслящие, действуем врознь, друг друга не знаем, друг на друга косимся, друг другу не доверяем и т.д.

Главная сила этих врагов Правительства и порядка заключается в том, что они почти всегда союзники мнимые первой категории людей, лично преданных власти людей. Причина очень понятная: и те и другие ненавидят реформы: первые, потому что реформы расширяют круг способных людей и яснее обрисовывают всю ничтожность их узких воззрений и всю бесполезность личной преданности, когда она не связана с серьезными отношениями к Государству; вторые ненавидят реформы потому, что они делаются мирно и с каждым днем увеличивают фалангу людей, истинно преданных Правительству и России.

Отсюда сила врагов *Правительства* и отсюда же, что гораздо важнее, действительная опасность для *Правительства* быть направленным на такую дорогу, на которой оно очутится совершенно в разрезе с Россией и ее потребностями.

Другая сила врагов Правительства — кроется в *умственном, весьма сильном движении умов на Западе Европы*, прямо враждебных всякому сильному и законному правительству.

Сила эта давит, гнетет и действует незаметно; но в том, что она у нас действует, в том нет ни малейшего сомнения.

За границу она принимает формы внутренних, социальных вопросов, как то, напр[имер], рабочего вопроса, не сегодня так завтра могущего вспыхнуть в самой кровавой обстановке⁵². У нас она является в виде дружной, отчаянной борьбы, борьбы на жизнь и на смерть со всеми проявлениями национального стремления к объединению, самостоятельности и порядку. Не поразителен ли, например, следующий факт из нашей жизни.

Кто является врагом наших так называемых национальных тенденций? 1) Бакунины и К-ия в Женеве⁵³. 2) Все наши красные и ненавидящие правительство газеты и журналы⁵⁴. 3) Целая категория чиновников — из той же категории врагов правительства, но умеющие отлично скрывать свою игру и 4) Так называемые преданные Власти люди.

В этом деле — все эти силы вместе составляют крепко *сплоченный союз*, удачно парализующий всякую общественную инициативу к отстаиванию национальных интересов. Явления более поразительного своею безусловною странностью трудно придумать. Трудно решить вопрос: кто вреднее и кто опаснее для Власти: люди ли лично преданные Ей или враги Ее?

Современная история Европы дает нам поразительные доказательства того, что и те и другие приводят Власть к тем же результатам: к ее ослаблению и падению.

Во Франции, где принцип личной преданности играл роль огромную, все перекувырнулось теперь, как кувырнулось в 1848 году, в 1830 году⁵⁵ и т.д.

В Австрии на деле нет *Власти*, а нет ее потому, что главный принцип государственного управления есть принцип личной преданности, выработанный придворною жизнью, совершенно отдельно от государственной.

Меттерних⁵⁶ 30 лет назад, Бейст⁵⁷ теперь, это прежде всего придворные рыцари, изошряющие свою политику на принципе личной преданности и согласовании ее с нуждами государственными.

В Пруссии⁵⁸ и Англии мы видим наоборот. Там нет политики личной преданности, на том основании, что и Король, и гимназист иначе не думают, как с точки [зрения] государственных интересов. Свое отечество, сила его, слава его, польза его составляют причину жизни каждого, причину деятельности каждого, составляют звено, объединяющее каждого, начиная с высших и кончая низшими слоями общественного строя.

Оттого в Пруссии и Англии есть будущность!

Оттого в них немисливо разрушительное действие антиправительственных или антинациональных сил; оттого нельзя себе представить там рыцарей придворной личной преданности в союзе с врагами государства или с социалистами и коммунистами; оттого, наконец, всякое усилие этих врагов порядка разбивается об общество, как волна об сильный и твердый берег. Эти явления замечательны: в них у нас мало вдумываются, а между тем вдумываться в них надо, ибо от этого зависит будущность нашей Государственной Власти и Государства.

До Петра I-го у нас не было понятия о личной преданности. Все были Государевы слуги.

Петр I-й по необходимости ввел это роковое понятие, ибо для ломки понадобились люди прежде всего ему преданные. Но ныне Россия входит всеми своими составными частями в правильную, государственную жизнь, первым условием которой есть тесный союз с Властью и отождествление ее с Государем.

Государь ограничивает свои права реформами для блага России, но из этого не следует, чтобы он становился слабее; напротив, увеличение и усиление прав России придает Государю ее более действительной силы.

Если же, наоборот, берет верх та партия людей, которая убеждает Государя в том, что реформы ослабляют Его власть и этим опасны, тогда действительно эта Власть начинает слабеть, ибо ведет к действиям и колебаниям — в разрез с Жизнью и нуждами России: и чем сильнее колебания, тем слабее становится власть, а раз что власть слабеет, усиливаются ее враги, и есть причина уже серьезная опасаться действительного торжества врагов Власти и ее падения, с помощью многих других растлевающих двигателей.

Неизбежность этой опасности происходит оттого, что друзья порядка и преданные слуги Власти, видя в ней нерешительность, перестают действовать, а когда эта нерешительность переходит в явное недоверие к патриотизму и национальным стремлениям, тогда многие из приверженцев порядка и Власти, принужденные выбрать между Отечеством и Властью, идущою с ним вразрез, без колебаний избирают Отечество, и со дня на день становятся — врагами Правительства.

Такова была и печальная история 14-го Декабря, скосившая весь цвет русской умственной силы⁵⁹.

Итак, нынешнее положение России выражается в следующих фактах. Лично преданные Государевой Власти люди, того не подозревая, дают руку врагам Правительства и России.

Враги Правительства и России, дружно объединенные, энергически противодействуют развитию России в национальном направлении.

Благомыслящая часть общества, разрозненная, колеблющаяся, встречает в Правительстве глухую реакцию против своих национальных стремлений.

Правительство же, остановившись на пути реформ, прислушивается только к преданным ему лично слугам, боится идти вперед, жалеет об утраченных правах, но не смеет прямо идти назад.

Из всего этого должно сложиться Ваше будущее.

Трудно и мрачно оно; и еще труднее и еще мрачнее тем, что нет ни единого во всей Германии человека, который бы не был уверен, что Вы враг Немцев⁶⁰, и нет ни единого человека в России, который бы не верил твердо, что Вы призваны закрепить Россию в ее национальном направлении.

В этом всякий понимает — Ваша задача! Она и есть Ваша задача.

Если Вы ее от себя оттолкнете, или она Вас испугает, или она Вам придется не по силам, тогда без выбора Вам останется принять на себя задачу Николая I-го, то есть после 14-го Декабря, давить и тушить свободу, и идти на риск все потерять или все придавить.

Среднего между сими двумя не будет, разве подчиниться влиянию нашей аристократической партии и отдавши Россию и себя вести на уздечке Пруссии — идти, сопутствуемый ненавистью России, навстречу всем опасностям от этой ненависти.

Вот об этом-то страхе увидеть Вас сворачивающим с единственного пути, на котором Вы могли бы идти в союзе с Россиею, с пути национального, я писал Вам, если помните, из Москвы в нынешнем году⁶¹.

Вы мне ответили на это упреком, в неосновательности моих на счет Вас опасений; с той поры мы не имели случая разговаривать, а между тем в ответ на Ваш упрек много с тех пор накопилось и выработалось мыслей.

Выскажу только главнейшую, но с условием, чтобы Вы не сердились, не искали задних мыслей в моих словах, а приняли их как слова дружбы, слова сердца, внушенные серьезными опасениями за Ваше будущее.

В мыслях Ваших Вы не изменились.

Но Вы значительно изменились в Ваших действиях и в Вашей жизни. Об этом свидетельствуют, увы! факты, и это-то очень и очень огорчает тех немногих, которые Вас знают близко и Вас любят искренно.

Недоверие пустило в Вас столь глубокие корни, жизнь Ваша так сузилась в своей рамке, Вы так выделили себя, свой умственный, духовный мир от всякого общения с Россиею, что Ваша личность нынешняя сравнительно с личностью первых годов нашего знакомства неузнаваема.

Если бы при этом перемена эта была действительная, то есть если бы Вы в самом деле переменились, то не стоило бы о том и говорить.

Всякий искренно Вас любящий махнул бы рукою и, чувствуя свое бессилие, отошел бы от Вас, и ничего более!

Но в том-то и дело, что перемена эта в Вас есть картина, изображающая, как Вы беспощадно насилуете свою прекрасную, милую природу, над которою так любил задумываться Ваш покойный брат.

Вы были, чем Вы остались, и Вы есть тем, чем Вы были — *идеалом честности*, а между тем, как часто в день Ваш лоб хмурится, и в каждой безделице Вы готовы заподозривать бесчестную попытку Вас обманывать или эксплуатировать Вас!

И вот под предлогом, что многое, что делается кругом Вас, Вам не по душе, Вы отдаляетесь от всего, что кругом Вас делается, под предлогом, что Вы испытали разочарование, неприятности и т.п., Вы заключились в узкую рамку жизни и держитесь настороже, чтобы никто не зашел слишком далеко в Вашей интимности.

Оттого самолюбие Ваше стало гораздо чувствительнее и раздражительнее, а жизнь настоящая, серьезная, во всем ее величии, во всем ее разнообразии — не смеет идти далее порога Вашего жилища: она останавливается у него, хлынет назад, и доносит до Вас только как бы отголоски или дребезги той громадной работы сил, которая производится из конца в конец России.

Все наши чудные планы, деятельность, сходки, чтения, путешествия, множество свиданий с людьми⁶², все рушилось, все исчезло!

А возле, увы! число лиц, увидевших близко, как мало нынешняя Ваша жизнь отвечает на потребность Вашу и России, и глубоко огорченных этим растет с каждым годом, покачают головою и говорят: «да, это были лишь слова!»

Видеть все это — когда знаешь, что в Вашей душе есть, что она высказывала прежде, к чему она стремилась, видеть, как одновременно с насилием, которое Вы чините над собою, падает Ваш кредит, бледнеет Ваше имя, извините мне, но не в мочь! Но не потому не в мочь, что одновременно с этим я прохожу через ряд унижений и обид, нет! но потому, что если так будет Ваша жизнь продолжать идти, то через два, три года национальное направление в Вас замрет совершенно, Вы уже изменитесь не в формах, а в характере, Вы станете орудием, а не двигателем, Вы утратите популярность, и в день вступления на престол Вы будете совершенно в руках всякого, кто захочет Вас эксплуатировать, Вас запугать, Вас разделить от России. Увы! уж сколько раз останавливать пытался я на этих сообщениях Ваше внимание.

Казалось, Вы словам моим верили, а жизнь Ваша между тем доказывала противное.

А между тем, каково любящему Вас быть бессильным и безмолвным свидетелем того, как соберутся два, три человека, то там, то здесь, и начиная разговор о настоящем, переходят к будущему, и кончают гадания о Вас среди этого будущего роковым предвидением и предчувствием самых драматических событий или самых безотрадных картин.

III

Но что делать? Немыслимо желать коренных переломов в Вашей жизни, ибо они противны Вашей природе. Остается желать, чтобы Вы из старого удержали кое-что хорошее, что Вам не только не вредило, но приносило пользу. Ради Бога, держитесь за это немногое. Процесс, посредством которого Вы приведены были к новому положению, среди людей и посреди обстоятельств, и заключающийся, как я сказал, в насилии, которое Вы сами чините над собою, весьма прост и понятен. Но этот-то процесс надо приостановить для Вашего блага.

Соберутся у Вас Ваши братья⁶³, и сегодня посмеются над одним, завтра над другим, здесь анекдот явится с прикрасами — доказывающий будто, что Вам хотят читать мораль; здесь явится другой анекдот, доказывающий, что Мещерский ищет всякого повода важничать, вмешиваться в Ваши дела и для этого прикрывает себя маскою преданности; а там скажут, что Вас хотят ставить во главе какой-то оппозиции Государю, или что такой-то своею бестактностью Вас компрометирует и т.д.

Все это весьма понятно, весьма естественно, всегда было и всегда есть, пока только есть две, три личности, которые дерзают находить, что Ваше положение сто раз серьезнее, чем кажется, и которые, держа себя в стороне от придворного мира, уже этим одним заслуживают или насмешки, или антипатии, или противодействия.

Этим процессом Вас пристыжают, в Вас возбуждают какое-то беспокойство, Вас возмущают, и Вы не можете не испытать хоть частичку влияния такого процесса осмеиванья, о котором давно уже было сказано: «Calomniez, calomniez, il en restera tousjours quelque chose»^a.

Для меня и на мне всего ощутительнее было влияние этого процесса.

В эти два года я не переменялся нисколько к худшему. Напротив, как Вы сами сказали, я вел себя в прошлом году безупречно, бестактности не делал, а между тем, какая резкая перемена в Вас именно в том, из-за чего наши отношения только и стоило сохранить; — 1) *в беседах и переписке серьезной между нами серьезных*^b и 2) *в вечерах, которые я для Вас устроил*. То и другое, я, увы, это знаю, было безжалостно осмеяно. Относительно первого было сказано: что я ставлю себя в роль Вашего учителя!!! Относительно второго, что я устраиваю вокруг Вас партию, что я возбуждаю разговоры антиправительственные, что вообще смешно ездить на вечера ко мне!! и т.д. И что же? Переписка и разговоры прекратились. Вечера один за другим лопались!

А между тем, за невозможностью Вам изменить Ваш образ жизни, ввести путешествия и т.д., какую огромную пользу могли бы принести Вам эти вечера, если бы Вы дали им разрастись. Какую громадную пользу приносил бы Вам словесный или письменный обмен мыслей с человеком, с которым Вы привыкли беседовать и который никогда, как Вы сами это знаете, не употребил во зло этими беседами.

^a Клеветите, клеветите, всегда останется что-то еще (фр.).

^b Так в тексте.

То и другое тем более жаль было утрачивать, что Вы сами испытывали и удовольствие и пользу.

Серьезного же повода к тому, чтобы прекращать эти предания старины, в виде серьезных обвинений против меня, при всем желании, при всем недоброжелательстве ко мне, вряд ли люди, осмеивающие мои стремления и действия, могут Вам представить.

Отсюда самый естественный вопрос, почему же разрушать или давать разрушать то, что оказалось полезно и что дурного ничего в себе не имеет и выдерживает самую строгую и щекотливую критику?

А что будут смеяться над этим, что будут критиковать это те, которые меня терпеть не могут, какое Вам дело. Поверьте, чем больше Вы будете к такой критике чувствительны, тем она будет сильнее и будет для будущего запасаться все большею силою уже не против меня одного, или против двух, трех лиц, а против всякого Вашего шага, несогласного с преданиями старой придворной жизни.

Наоборот, чем менее Вы будете на нее обращать внимание, тем она будет мало помалу ослабевать, и убедит каждого, что у Вас есть собственный разум, собственная воля, собственная оценка людей и т.д.

Ваш покойный брат⁶⁴ так именно и поступал: он давал людям выбранивать и осмеивать на здоровье всякого, а сам поверял человека собственными глазами ума и сердца, и когда от недоверия к лицу переходил к доверию, тогда ничто уже, никакая насмешка, никакое суждение не могли колебать уважения и доверия. «Пуская бранят», — говорил Он.

Мне на беду, увы! пришло против меня слишком явное нерасположение Цесаревны⁶⁵, как будто усиливающееся с каждым порывом моего сердца Ее более уважать, Ее более еще любить! Но что значит это нерасположение в юной, чистосердечной женщине? Неопытная в жизни, может ли Она основать его на серьезных фактах? Нет! Вы сами это знаете, это результат насмешек Ваших братьев, злобных наветов моей давнишней приятельницы А.В.Жук[овской]⁶⁶, едких сатир моего приятеля А.Б.⁶⁷, и моей собственной антипатической фигуры и постоянных надоеданий! Больше ничего! Но не думаете ли Вы, что если бы в Вас, которые призваны быть Ее руководителем, Цесаревна нашла твердую привязанность ко мне, уважение и доверие, то Она, с Ее чистою душою, перед фактами, истолковываемыми честно и добросердечно Вами, а не другими, не нашла в Себе настолько доброй воли, чтобы из любви к Вам, из уважения к Вашей привязанности, к Вашему доверию, не изменить свое дурное чувство мало, помалу.

Неужели Вы думаете, что при всех моих недостатках и глупых сторонах, я не очутился более достойным Ее, если не привязанности, то терпимости, чем потешнейший А.Б., который всю свою несомненно даровитую натуру употребляет на отрицание и осмеиванье всего серьезного!

Увы! в том-то и дело, что роковое стечение обстоятельств сложило события мне во вред совершенно иначе.

К наказыванию меня, когда я заслуживал этого, к заподозриванию меня, к оценке всего дурного Вы, увьи! приложили гораздо более инициативы, чем к отстаиванию меня против моих недоброжелателей!

Жаль, ибо тут речь идет, как Вы сами знаете, не обо мне; что я? нуль? что за беда мои страдания? что за дело, если Вы совсем меня бросите? Жаль потому, что, что бы Вам ни говорили Ваши братья, как бы ни осмеивали они мои к Вам отношения, смысл их — общая забота для *государственных*, а не *частных* соображений, для *Ваших*, а не *моих* интересов. Я настолько уже прожил, настолько уже заявил себя, что, слава Богу, могу опереться на десятка два или три людей, *глубоко меня уважающих*, могу, следовательно, говорить Вам их именем, могу и на тех немногих сослаться, которые знают и скажут, что я был достоин Вашего доверия, следовательно, пока Вы не оттолкнули меня еще вовсе, я в праве, внимая только совести и любви к Вам, заклинать Вас поберечь и спасти наши отношения не в угоду моей сентиментальной прихоти, но для того, чтобы общими усилиями пробивать тот трудный и тернистый путь Ваш нынешний, который должен Вас закрепить делом и жизнью в направлении национальном твердо, который должен Вам облегчать выбор и находку людей, сближать и сроднять Вас с Россиею, и, наконец, привести Вас на ту широкую, необъятную дорогу, которая именуется Престолом Русского Государства.

Из-за этой цели, и только из-за этой, я и пишу Вам на этот раз так много.

Письмо это — крик любви, крик утопающего, это молитва к Богу, прежде всего, а потом к Вам, о спасении от смерти, — дружбы, в минуту, когда ее так осмеяли, так поругали суждения людей — напрасно и несправедливо!

С Вашей стороны надо усилие! Сделайте его! Иначе Вы придете к дню, когда, сами того не желая и не замечая, Вы все заподозрите, все от себя оттолкнете.

Недавний крошечный эпизод в Петербурге с ездovým мне открыл глаза более, чем крупный факт. Вы увидели в посылке ездového к Вам желание мое важничать и им пользоваться, тогда как я это делал потому, что счел этот способ посылки единственно правильным и приложил к нему соображение деликатности, относительно расходов.

Всего этого и в помину прежде не было; и все это случилось и случается потому, что в основе наших отношений не лежит ничего прочного; а между тем — при отсутствии с Вашей стороны чего-либо дурного против меня, а с моей стороны против Вас, этою твердою основою должна быть мысль о значении и цели наших отношений.

Твердое сознание цели устранил тысячи мелких поводов к *недоведению*, и поможет, напротив, отношениям нашим крепнуть, и отстранит раз навсегда то фальшивое положение, в которое вошли теперь наши отношения.

И правда, допустим, что какой-нибудь толк есть от наших отношений; вообразите, что этот толк, эта польза могут погибнуть от какого-нибудь впечатления вроде того, которое зародил в Вас эпизод с ездо-

вым? Не грустно ли это? Без того уже времени еле хватает на дело, на жизнь, а тут еще приходится ставить дело в зависимость от всяких мелочей, от всяких мимолетных впечатлений, не имеющих никакой цены, потому что основа их — *недоверие ко мне, столько же для меня оскорбительно, сколько несправедливо!*

IV

Итак, в ответ на возможное и вероятное с Вашей стороны недоверие, в ответ на вопрос Ваш весьма естественный, «чего я добиваюсь, чего лезу, чего ради надоедаю?» — скажу еще раз.

Мне лично, раз навсегда знайте это, Ваше Высочество, ничего не нужно. Я был *счастлив однажды* в той сфере, где теперь бьюсь как рыба об лед, и где теперь так незаслуженно переношу столько обид и огорчений; и счастлив вполне, ибо сердце другого, большего, не требовало; то были последние 1 1/2 года жизни Вашего Брата, который после долгого недоверия ко мне, даже после дурных чувств, внушенных ему людьми, понял мою нехитрую, но на чувства прихотливую натуру, и твердо дал мне руку дружбы. Этих воспоминаний для меня лично, для моей одинокой жизни довольноно.

За этими 1 1/2 годами прошел год, в течение которого много счастливых минут провел я с Вами и получил от Вас. Но, зачем скрывать Вам это, Вы поступили совершенно противоположно Брату Вашему. Вы скоро дали мне дружбу Вашу, тогда как Брат Ваш долго ее не давал, но за то скоро ее Вы и отняли, достаточно было первого серьезного письма, а потом наговоров и насмешек, чтоб эту дружбу сперва ослабить, а потом сделать почти бессильною! Не для упрека говорю я это Вам, нет! но для того, чтобы Вы знали, что я ничего не прошу для себя, кроме серьезного доверия, а о милых днях прошедшего позабыл, и не мог совсем забыть, ибо знайте, что иногда слезами выражается то чувство, с которым мечта носится над Вами юношей, то в Царскосельских милых комнатах, то на берегу озера, то под тенью Павловских садов, то перед письменным столом Вашего кабинета в Петербурге. И если что-нибудь прошепчет сердце, гуляя мысленно по дням и минутам давно минувшего, то разве стихи Жуковского:

Не говори с тоской: «их нет»,

Но с благодарностию: «были!»¹⁶⁸

Но ничего для себя не прося, и схоронив в памяти сердца все милое прошедшее, все кроме любви к Вам, неизменяемой и неподкупаемой ни дурным, ни хорошим с Вашей стороны обращением, я дерзаю просить Вас, умолять Вас взять на себя небольшой для Вас труд твердо беречь ту часть наших отношений, которая ни чем не вредна, но напротив, дала доказательства, с одной стороны пользы, а с другой приобрела Вам привязанность многих людей бескорыстную; и для этого умоляю Вас, заклинаю Вас, а) если Бог даст, доживем до зимы, несмотря на все, что будут говорить, хоть раз в 2 недели приезжайте на те вечера, которые при Вашем выборе лиц, я бы устраивал для беседы; б) дозвоьте мне пользоваться хоть раз в неделю правом беседы с Вами — настолько

продолжительной, чтобы в течение, например, часа быть в состоянии передавать Вам сущность того, что может Вас интересовать и относиться непосредственно до Вас; в) дозволейте надеяться, что если явятся в течение зимы личности интересные, можно будет приводить их к Вам и просить Вас принимать их *отдельно*, с целью через них хоть несколько проходить ту трудную школу учения, которая именуется знакомством с людьми и Россиею; г) дозволейте иногда на вечерах у меня устраивать чтения чего-либо, по указанию людей как К.П.Д.О.⁶⁹ и других заслуживающих особенного внимания; д) дозволейте к концу каждой недели, в субботу, представлять Вам краткие мемории того, что *за неделю* истекшею было высказано в гостях, в журналах, слышно в общественных толках, чтобы облегчить Ваш труд следить за движениями современной жизни у нас в России⁷⁰.

За сим остается прибавить: не забудьте, что Вас будут критиковать за это, будут говорить, что Вас хотят вовлечь в партию, хотят Вами завладеть, хотят Вас учить, подчинить влиянию и т.д. Словом, ничем не поцеремонятся Вас возмутить и восстановить против всего, что я дерзаю предложить Вам.

И на первый взгляд, на поверхностный взгляд, ведь так и есть! Смотрите, Мещерский, видя, что его фонды плохи, хочет патриотизировать, говорит про какие-то опасности, берет на себя роль спасителя и учителя Наследника, придумывает способы, как бы почаще приходиться во дворец, возбуждает Наследника против братьев Его, а Наследник поддается на удочку... и т.д. Вот что скажут, Ваше Высочество, и вот что покажется на всякий поверхностный взгляд.

Говорить, что не так, оправдываться вперед не подобает мне. Или Вы меня знаете и верите всему, что я сказал Вам сегодня в этом письме, или не верите! Если не верите, то словами веры не добьетесь, я только хотел раз навсегда высказаться насчет моих воззрений и личных намерений, дабы дать Вам право быть на мой счет спокойным, а затем, если и после этой исповеди не утвердитесь твердо, то, разумеется, лучше верить тем, которые Вам говорят, что я интриган, что я хочу Вами чего-то добиваться, хочу Вас учить и т.п., — тем более, что жгучей, со дня на день для Вас опасности никакой нет и не будет, Вы всегда будете в Вашей нынешней приятной обстановке, всегда будут Вас окружать преданные люди, все серьезные заботы будут отстранены, а о том, чем все настоящее и будущее отзовется на России, какое Вам может быть дело именно при этой обстановке. Напротив, не раз я Вам говорил, допустить меня в близкие отношения к Вам, значит, вперед согласиться на то, что я Вам буду говорить *неприятную правду*, я Вам буду навязывать *неприятные обязанности* в виде знакомств с тем или другим лицом, с тем или другим предметом, словом, я Вам буду *надоедать*, как говорится на прозаическом языке, но надоедать чем? постоянным напоминанием, что Вы с 12 Апр[еля] 1865 года предназначены Богом не для спокойной приятной жизни, а для самого трудного, самого строгого, самого неумолимого служения интересам России, перед которыми всякая житейская мелочь, всякая забота угождать Вам лично, щадить Ваше спо-

койствие — также преступны для всякого честно любящего Вас человека, как преступны оскорбление Бога или Богом помазанного Государя!

Одно только отведу тем, которые неминуемо будут Вам мешать верить искренности моих слов.

Влияние на Вас я потому так усердно хлопочу сохранить, чтобы от времени до времени ставить Вас в такую среду, где бы Вы могли приобрести *среди людей с разными убеждениями тот нравственный материал, посредством которого ни я, никто другой в отдельности не могли бы иметь на Вас влияние, а напротив, где бы влияние на Вас имели все вместе*, и где бы вследствие этого Вы стали *тверды* в понимании задач будущего, в понимании людей, и в понимании тех средств, которыми Вы можете запастись для исполнения Ваших задач!

Больше сказать мне нечего!

Сердце рвется Вас обнять и только!!

И при этом одна просьба! Ради Бога, отстраните от отношений наших систему молчания при всяком неприятном впечатлении. Она тяжелее всякого дурного слова. Ошибается и дурно делает и глупости делает только тот, кто действует, а действует только тот, кто чувствует и любит.

Вот почему, умоляю Вас, всякий раз, что какое-нибудь дурное впечатление в Вас зародится, ради Бога, выскажете его.

ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 895. Л. 207—243об.

Примечания

¹ Пасха в 1871 г. пришлось на 28 марта (9 апреля). Страстная неделя — предпасхальная, Святая — послепасхальная.

² Это утверждение кн. Мещерского ничем не обосновано и представляет собой пример довольно характерных для него высказываний.

³ Одним из самых тяжелых для России результатов ее поражения в Крымской войне 1853—1856 гг. была нейтрализация Черного моря (запрещение всем черноморским державам иметь на Черном море военный флот, арсеналы и крепости), оставлявшая незащищенной южную границу России. 19 (31) октября 1870 года через русских послов за границей правительствам всех государств, подписавших Парижский трактат 1856 г., был разослан циркуляр канцлера А.М.Горчакова (опубликован в «Правительственном вестнике» 3 ноября), который содержал решение России об отказе от соблюдения ею ограничительных статей Парижского трактата, относящихся к Черному морю. Эта декларация русского правительства была очень недоброжелательно встречена европейскими государствами, настоявшими на созыве конференции держав, участвовавших в подписании трактата 1856 года. Россия согласилась на участие в этой конференции лишь с условием, что отмена нейтрализации Черного моря будет принята как свершившийся факт и не станет предметом обсуждения. Конференция собралась в Лондоне в январе 1871 г., а 1 (13) марта 1871 года завершила свою работу подписанием Лондонского протокола, признавшим отмену нейтрализации Черного моря, но подтвердившим другие неблагоприятные для России статьи Парижского трактата.

⁴ «Московские ведомости» (1756—1917) — официальная газета (с 1859 г. — ежедневная), принадлежавшая Московскому университету. С середины XIX ве-

ка связь эта начинает становиться все более и более номинальной. С этого же времени «Московские ведомости» превращаются в главный орган консервативной националистической партии.

⁵ Очевидно, имеется в виду сдержанная оценка результатов конференции, не изменившей положение о проливах: выход из Черного моря для русских военных судов оставался закрыт, и угроза нападения на Россию с этой стороны не была ликвидирована полностью, — что расценивалось как победа Англии и упрочение ее господства на Востоке (Московские ведомости. 1871. № 49 от 6 (18) марта). См. также № 54 от 12 (24) марта 1871 г.

⁶ В 1871 г. сессия английского парламента открылась 28 января (9 февраля). Проходившая в январе-марте в Лондоне конференция держав, подписавших Парижский договор 1856 г., не раз становилась объектом пристального внимания обеих палат, в частности, неоднократно поднимался вопрос о том, что английское правительство своим соглашением хотя бы рассмотреть требование России об отмене нейтрализации Черного моря уронило честь и достоинство государства, не имея на это никаких оснований.

⁷ *Гладстон Вильям Эварт* (1809—1898) — английский государственный деятель и писатель. Начав политическую карьеру в рядах партии тори (консерваторов), с течением времени стал лидером вигов (либералов). В 1868—1874, 1880—1885, 1886, 1892—1893 — премьер-министр.

⁸ *Дизраэли Бенджамин* (с 1876 г. лорд *Биконсфилд*) (1804—1881) — английский государственный деятель и писатель. Лидер партии тори.

⁹ *Россель Одо Вильям Леопольд* (1829—1884) — дипломат, племянник Джона Росселя (1792—1878), британского министра иностранных дел в 1859—1865 гг. и премьер-министра в 1865—1866 гг., впоследствии принимавшего активное участие в дебатах палаты лордов. Одо Россель был атташе в Константинополе (1854), в 1858—1870 гг. — выполнял важные дипломатические поручения в Италии, с 1870 г. — английский уполномоченный при штаб-квартире немецкой армии в Версале, куда был направлен с целью потребовать от Бисмарка «категорических объяснений» по поводу русской декларации об отказе от соблюдения нейтрализации Черного моря. С 16 октября 1871 г. и до смерти — посол в Берлине, где долгое время жил его отец. Поддерживал хорошие отношения с Бисмарком и прусской королевской фамилией, так что его личное влияние немало способствовало добрым связям Англии и Германии.

¹⁰ *Бисмарк Отто Эдуард Леопольд фон Шёнхаузе* (1815—1898) — граф (позднее князь), прусский министр-президент и министр иностранных дел с 1862 г., канцлер Северо-Германского союза (1867—1871) и Германской империи (1871—1890). Идеолог и главный двигатель политики объединения Германии «железом и кровью».

¹¹ «Таймс» («Times») — консервативная английская газета. Выходит с 1785 г.

¹² Постепенное сближение в 1860-х годах России с Пруссией имело одним из своих результатов поддержку Россией политики Пруссии, направленной на объединение Германии. Это обеспечило Бисмарку свободу военных и политических действий как в австро-прусской войне 1866 г., так и во франко-прусской войне 1870—1871 годов. Признательность Пруссии была выражена, в частности, в телеграмме императора Вильгельма I Александру II от 14 (26) февраля 1871 г. (См., напр.: Татищев С.С. Император Александр II. Кн. 2. М., 1996. С. 58, 66, 69).

¹³ *Корш Валентин Федорович* (1823—1883) — журналист и историк литературы. В 1863—1875 гг. — арендатор и редактор «С.-Петербургских ведомостей»,

занимавших одно из ведущих мест в либеральной журналистике. Впоследствии сотрудник либеральных «Голоса» и «Вестника Европы».

¹⁴ *Стасюлевич Михаил Матвеевич* (1826—1911) — видный общественный деятель, публицист и историк. В 1859—1861 гг. — профессор Петербургского университета, откуда вышел в знак протеста против подавления студенческих волнений. Основатель и редактор либерального журнала «Вестник Европы» (1866—1908).

¹⁵ *Катков Михаил Никифорович* (1818—1887) — известный консервативный журналист, глава так называемой «национальной партии». В 1845—1850 гг. — профессор Московского университета, в 1850—1855 гг. — редактор университетской газеты «Московские ведомости». С 1856 г. — редактировал вновь образовавшийся журнал «Русский вестник», с 1863 г. — взятые им в частную аренду «Московские ведомости».

¹⁶ Ср.: Мещерский В.П. Мои воспоминания. СПб., 1898. С. 113—114, 133. См. также об этом расхождении: Никитенко А.В. Дневник. Т. 3. М.—Л., 1956. Записи за 1870—1871 гг.; Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Тула, 1990. С. 319; Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. Л., 1929. С. 111—113.

¹⁷ Мещерский не совсем точен — имеется в виду 1849 год. Революционные брожения 1848 г. усилили в Венгрии, которая с конца XVII века считалась наследным достоянием австрийских Габсбургов, недовольство их политикой. 14 апреля 1848 года венгерский сейм объявил Габсбургско-Лотарингскую династию низложенной с венгерского престола, Венгрия была провозглашена самостоятельным государством с народным (республиканским) правлением. Военные действия, начавшиеся в сентябре 1848 г., складывались не в пользу австрийцев, которые в конце концов вынуждены были обратиться за помощью к Николаю I (март 1849 г.). В мае русские войска под командованием князя Паскевича были введены на территорию Австрии, и к середине августа последние силы восставших были рассеяны.

¹⁸ Ср. о неготовности к войне: Тютчева А.Ф. Дневник. 1853—1882. Запись 3 ноября 1870 г. // Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Тула, 1990. С. 320, 321, 327.

¹⁹ *Горчаков Александр Михайлович* (1798—1883) — дипломат, товарищ А.С.Пушкина по лицу. В 1856—1882 — министр иностранных дел. Канцлер (1867), член Государственного совета.

Игнатьев Николай Павлович (1832—1908) — дипломат. Пользовался известностью как защитник славян и лидер панславизма. В 1864—1877 гг. — посланник в Константинополе. В августе 1870 года, после беседы с великим визирем, пришел к выводу о принципиальном согласии последнего пересмотреть вопрос о нейтрализации Черного моря, которая распространялась и на Турцию. Сторонник урегулирования этого вопроса в Константинополе, без участия европейских держав.

²⁰ Здесь мы встречаемся с типичным для кн. Мещерского превалированием идеи над фактом. На самом деле адресов было гораздо больше.

²¹ 18 марта 1871 года, в пятнадцатую годовщину заключения парижского мира, канцлер А.М.Горчаков получил рескрипт, которым ему, в признание его заслуг, жаловался, как высшее отличие, к титулу князя титул «светлейшего».

²² Польское восстание 1863—1864 гг. всколыхнуло патриотические чувства в русском обществе. Попытки Англии превратить польский вопрос в общеевропейский, т.е. подлежащий обсуждению всех держав, встретили твердое проти-

водействие русского правительства. В завязавшейся дипломатической переписке Англия, Франция и Австрия заняли пропольскую позицию. Вершиной дипломатического вмешательства трех западноевропейских государств в дела России стали представленные ими 17 июня 1864 г. ноты, содержащие «проект умиротворения» (так называемые «шесть пунктов»), включавшие требование полной амнистии, национального представительства в соответствии с конституцией 1815 г., восстановления польской администрации, свободы вероисповедания, исключительность польского языка как официального и т.д. Страны настаивали на европейской конференции и немедленном прекращении военных действий. В ответных депешах все требования были категорически отвергнуты как недопустимое вмешательство во внутренние дела суверенного государства, что вызвало в России бурю патриотического восторга.

²³ «Голос» (1863—1884) — ежедневная политическая и литературная газета либерального направления, выходившая в Петербурге под редакцией А.А.Краевского. Орган либеральной бюрократии. Одна из влиятельнейших газет в стране. В вопросах внешней политики «Голос» часто выступал рупором Министерства иностранных дел.

²⁴ «С.-Петербургские ведомости» (1728—1917) — петербургская (с 1800 г. — ежедневная) газета, формально принадлежавшая Академии наук, которая сдавала ее в аренду. В 1863—1875 гг. арендатором был В.Ф.Корш (см. прим. 13). С 1875 г. — официальная газета при Министерстве народного просвещения.

²⁵ *Kreuz-Zeitung* (1848—1938) — немецкая газета, орган консервативной партии.

²⁶ «Вестник Европы» (1866—1918) — ежемесячный историко-политический журнал, умереннолиберального направления. До 1908 г. редактор-издатель — М.М.Стасяулевич. С 1909 г. издатель — М.М.Ковалевский, редактор — К.К.Арсеньев.

²⁷ Консервативные чиновничьи круги, «ретроградная партия», группировавшаяся вокруг шефа жандармов (1866—1874) гр. П.А.Шувалова (1827—1889) и министра внутренних дел (1868—1877) А.Е.Тимашева (1818—1893). Ср., напр., записи в дневнике профессора Петербургского университета, литературного критика и цензора А.В.Никитенко (1804—1877) от 10 и 27 января и 25 декабря 1870 г. (Никитенко А.В. Дневник. Т. 3. М.—Л., 1956. С. 165, 167, 191).

²⁸ III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии — орган политического надзора, сыска, следствия и цензуры («всероссийская шпионница», по выражению А.И.Герцена), было создано Николаем I 3 июля 1826 г. Упразднено в 1880 г. с передачей его функций вновь образованному в составе Министерства внутренних дел Департаменту государственной полиции.

²⁹ Практическое отсутствие в Польше и Прибалтике русского дворянства и сохранение там господства националистически настроенных польских помещиков и немецких баронов ставило в ряд первостепенных государственных задач русификацию этих областей.

³⁰ Традиционные династические браки между русским императорским домом и многочисленными немецкими владетельными домами во многом обусловили частую подмену при Александре II государственных отношений родственными отношениями. Так, например, отношения русского монарха с прусским королем, а затем германским императором, Вильгельмом I были больше отношениями двух любящих родственников — племянника и дяди (по матери), нежели двух европейских монархов, государственные интересы стран, во главе которых они стояли, далеко не всегда совпадали.

³¹ 4 апреля 1866 года произошло первое покушение на Александра II. В Летнем саду в него стрелял студент Московского университета Дмитрий Каракозов (1840—1866).

³² *Шувалов Петр Андреевич* (1827—1889) — граф, в 1866—1874 гг. — шеф корпуса жандармов и начальник III Отделения. За огромные полномочия, полученные при вступлении в должность шефа жандармов и властолюбие, прозван современниками «Петром IV». Ф.И.Тютчев писал в эпиграмме:

Над Россией распростертой
Встал внезапно грозой
Петр, по прозвищу *четвертый*,
Аракчеев же *второй*

(А.Ф.Тютчев. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1980. С. 186).

Шувалов был одним из ближайших советников Александра II, которого запугивал замыслами нигилистов, от которых государя спасает, якобы, только бдительность III Отделения. См.: Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. Воспоминания. М., 1991. С. 122; Кони А.Ф. Избранное. М., 1989. С. 92.

³³ *Черкасский Владимир Александрович* (1824—1878) — князь, славянофил, активный участник крестьянской реформы. В 1869—1871 гг. — московский городской голова. При нем московской думой был представлен адрес Александру II (в связи с отказом России от дальнейшего исполнения пункта Парижского трактата о нейтрализации Черного моря), где вслед за поддержкой дипломатической акции правительства следовало одобрение реформ и высказывалась надежда на их продолжение в будущем, причем акцент делался на свободе общественного мнения и доверии монарха к народу. По свидетельству Б.Н.Чичерина и А.Ф.Тютчевой, такое содержание адреса было инициировано самим Черкасским (Чичерин Б.Н. Воспоминания Б.Н.Чичерина. Т. 2. М., 1929. С. 257—258; Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Тула, 1990. С. 323). Адрес этот вызвал недовольство в Петербурге, и министр внутренних дел А.Е.Тимашев даже не счел возможным представить его Александру II.

³⁴ *Лямин Иван Артемьевич* (1822—1894) — купец-миллионер, потомственный почетный гражданин, московский городской голова в 1871—1873 гг. Б.Н.Чичерин дает ему следующую характеристику: «Человек неглупый, осторожный, хорошо заправлявший своими частными делами, но без всякого образования и как голова совершенно незначаший. На общественном поприще он прославился лишь тем, что отлично говорил наизусть речи, которые писал ему Аксаков» (Чичерин Б.Н. Воспоминания. Т. 4. М., 1934. С. 176).

³⁵ *Милютин Николай Алексеевич* (1818—1872) — экономист, статистик. Представитель либеральной бюрократии, активный деятель крестьянской реформы, затем — статс-секретарь по делам Царства Польского. В ноябре 1866 г. с ним случился удар, от которого он так до конца и не оправился, в связи с чем вынужден был выйти в отставку.

³⁶ О каком произведении кн. В.П.Мещерского идет речь, установить не удалось.

³⁷ «Россия под пером замечательного человека. Современные письма» действительно появилась в апрельском номере «Русского вестника» за 1871 г. (с. 551—609) и составила В.П.Мещерскому славу сатирика.

³⁸ Очевидно, имеется в виду *Трубецкой Николай Иванович* (1797—1873) — князь, управляющий дворцовой конторою, впоследствии председатель московского Опекунского совета. По свидетельству Б.Н.Чичерина, он «считался и еще более считал себя первым вельможею в Москве, после князя Сергея Михайло-

вича Голицына», отличался важными манерами и ненавидел либералов (Чичерин Б.Н. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Т. 2. М., 1929. С. 102).

³⁹ *Патти Аделина* (1843—1919) — итальянская певица, неоднократно бывала в России, где ее гастролы носили триумфальный характер.

⁴⁰ Общие обязанности городских комендантов, подчиняющихся главному начальнику военного округа и начальнику гарнизона, заключались в наблюдении за сохранением дисциплины и наружного порядка в войсках и за исправным содержанием караулов, казенных зданий и арестованных военных.

⁴¹ Еще в 1869 году, выведенный из себя требованиями Мещерского, исполнение которых полностью поставило бы жизнь Александра Александровича и его жены под контроль князя, цесаревич написал Мещерскому резкое письмо и на короткое время полностью разорвал с ним всякие отношения. Однако несмотря на скорое примирение, в полной мере их дружба уже не восстановилась. Высокое государственное положение цесаревича побудило последнего потребовать от Мещерского невмешательства в сферу государственных дел и скромности в отношениях. Со своей стороны, все более опасавшийся охлаждения и отдаления наследника, Мещерский старался проявлять максимум осторожности, и довольно часто справлялся, доволен ли цесаревич его поведением.

⁴² Одним из проектов кн. Мещерского, связанных с именем цесаревича Александра Александровича, была публикация воспоминаний участников обороны Севастополя. Идея этого издания, по всей видимости, появилась у Мещерского после рассказов Александра Александровича о посещении им Севастополя во время отдыха в Ливадии (Крым) летом 1869 г. (См.: Дневник великого князя Александра Александровича. Запись от 10(22).11.69 // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 303. Л. 70; письмо Мещерского В.П. вел. кн. Александру Александровичу от 2.01.74 // ГА РФ. Ф. 667. Оп. 1. Д. 895. Л. 281—281об.). Материалы приходили на имя наследника, собственно же всем делом, от отбора рукописей и до распространения экземпляров, ведал Мещерский, хотя имя его в книге даже не упоминалось.

⁴³ Еще один проект, связанный с именем наследника, во главе которого стоял Мещерский — организация Приюта и Ремесленного училища имени Цесаревича Николая — умершего 12 апреля 1865 г. старшего сына Александра II (открыт 28 декабря 1874 г.). Для этой цели подыскивался в Петербурге дом или место для постройки. Подробно см.: Мещерский В.П. Мои воспоминания. Т. 2. С. 172—174.

⁴⁴ Франценсбад (Franzensbad; чешск.: Франтисковы Лазни) — курорт в Чехии, славившийся своими водами (12 минеральных источников, пригодных для питья и ванн) и грязями. Мещерский называл его «скучнейшим из мест на земном шаре», «скучнейшим углом мира» (см. его письмо вел. кн. Александру Александровичу от 13 (25) июня 1871 г. // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 895. Л. 246).

⁴⁵ Имеется в виду *Николай Александрович* (1843—1865) — старший брат Александра Александровича.

⁴⁶ Евангелие от Матфея, 15, 22—28.

⁴⁷ По совету кн. Мещерского, с 30 мая 1865 года цесаревич начал вести дневник (журнал), книга для которого была подарена ему князем. Причем, на первой странице, как бы в качестве предисловия, Мещерский поместил свое письмо с изложением принципов ведения дневника (ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 298. Л. 2—2об.).

⁴⁸ Под крестьянской реформой кн. Мещерский, по всей видимости, подразумевает как положения от 19 февраля 1861 г., касающиеся частновладельче-

ских (помещичьих) крестьян, так и примыкающие к ним положения о государственных и удельных крестьянах. Все они в совокупности не только даровали свободу низшему сословию, но и определили совершенно новое его положение в системе государственного устройства.

⁴⁹ Земская реформа (1 января 1864 г.) — создание местных выборных учреждений, носивших всеобщий характер, в чью компетенцию входили хозяйственные вопросы местного значения.

⁵⁰ Судебная реформа (20 ноября 1864 г.) — введение новых судебных уставов, предусматривавших бессловность суда и его независимость от администрации, несменяемость судей и судебных следователей, равенство всех сословий перед законом, состязательность и гласность судебного процесса с участием в нем присяжных заседателей и адвокатов. Это было большим шагом вперед по сравнению с прежним сословным негласным судом, отягченным бюрократической волокитой.

⁵¹ Речь идет о командировках кн. Мещерского в 1863—1864 и 1867—1869 гг. как чиновника особых поручений при министре внутренних дел соответственно в западные и средние великороссийские губернии. Свои впечатления от этих поездок Мещерский выразил в двух выпусках «Очерков нынешней общественной жизни России» (1870, 1868), довольно благосклонно встреченных критикой (в том числе и либеральной), как правдивое освещение действительного положения дел.

⁵² В 1864 г. в Лондоне был образован I Интернационал (Международное товарищество рабочих). Быстрое развитие рабочего движения получило свое отражение в 4-х последовательных конгрессах I Интернационала — в Женеве (1866), Лозанне (1867), Брюсселе (1868) и Базеле (1869).

⁵³ *Бакунин Михаил Александрович* (1814—1876) — русский революционер, анархист. Женева (Швейцария) была одним из центров русской политической эмиграции.

⁵⁴ Очевидно, Мещерский имел в виду «Голос», «С.-Петербургские ведомости», «Вестник Европы», «Отечественные записки» (1839—1884, с 1868 г. перешли в руки Н.А.Некрасова, М.Е.Салтыкова-Щедрина и Г.З.Елисеева), «Дело» (1866—1884) и др. менее значимые издания.

⁵⁵ Мещерский имеет в виду три революционных всплеска во Франции, изменившие ее государственный строй. Июльская революция 1830 г. привела к отречению Карла X Бурбона и установлению так называемой Июльской монархии (1830—1848), характерной чертой которой было господство крупной финансовой буржуазии. Итогом революции 1848 года стало установление II республики (1848—1851). В 1871 г. неудачная война с Пруссией спровоцировала новый революционный взрыв — Парижскую коммуну (18 марта — 28 мая).

⁵⁶ *Меттерних Клеменс Венцель Лотар* (1773—1859) — князь, австрийский государственный деятель, дипломат. С 1809 г. — министр иностранных дел; в 1821—1848 гг. — канцлер. Один из создателей (1815) Священного союза между Россией, Австрией и Пруссией, оказавшего впоследствии большое влияние на внешнюю политику России.

⁵⁷ *Бейст Фридрих Фердинанд* (1809—1886) — граф, саксонский и австрийский государственный деятель. С 1866 г. — австрийский министр иностранных дел, с июня 1867 г. — министр-президент и канцлер. В 1871 г. уволен со всех постов и назначен посланником в Лондон. Его место во главе кабинета министров занял Андраши.

⁵⁸ Противопоставление Франции и Пруссии было одной из любимейших мыслей Мещерского того времени. Причину неожиданного для современников поражения первой и торжества второй он видел в принципах управления — принцип личной преданности государю, заслонивший преданность государству во Франции, и противоположная ситуация в Пруссии. Ср. его статью «Франция и Пруссия» в № 3 «Гражданина» за 1872 год (с. 73—74).

⁵⁹ Речь идет о восстании декабристов 14 декабря 1825 г.

⁶⁰ Александр Александрович с самого начала не разделял господствовавшего при дворе Александра II увлечения всем немецким. И эти настроения молодого цесаревича не были тайной.

⁶¹ См. предыдущее письмо.

⁶² Мещерский перечисляет все то, что составляло выработанную им программу действий для подготовки цесаревича к его будущему высокому положению.

⁶³ Имеются в виду великие князья Алексей и Владимир Александровичи, с которыми цесаревич в то время часто проводил вечера.

⁶⁴ Старший сын Александра II, рано умерший цесаревич Николай Александрович (8.09.1843 — 12.04.1865).

⁶⁵ Цесаревна — жена цесаревича Александра Александровича (с 1866 г.), датская принцесса *Софья Фредерика Дагмар* (1847—1928), при православном крещении принявшая имя Мария Федоровна.

⁶⁶ *Жуковская Александра Васильевна* (1842—1893) — дочь поэта В.А.Жуковского, фрейлина, одно время была очень близка с цесаревной Марией Федоровной.

⁶⁷ *Перовский Алексей Борисович* (1842—1887) — граф, камер-юнкер, сын графа *Бориса Алексеевича Перовского* (1815—1881), наставника при сыновьях Александра II великих князьях Александре и Владимире. А.Б.Перовский писал плохие стихи «по случаю», часто — письма в стихах, среди окружавшей цесаревича Александра молодежи играл одну из ведущих ролей. Гр. С.Д.Шереметев характеризует его так: «тот Божий человек, что витал среди старших Великих Князей и являлся совсем своеобразным, но далеко не дюжинным типом» (Шереметев С.Д. Светлый взор его умел проникать в сердца людей // Источник. 1998. № 2. С. 14).

⁶⁸ Мещерский цитирует стихотворение В.А.Жуковского «Воспоминание»:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: *их нет*;
Но с благодарностию: *были*.

(Жуковский В.А. Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. М.—Л., 1959. С. 362).

⁶⁹ По всей видимости, речь идет о Константине Петровиче Победоносцеве и Дмитрие Александровиче Оболенском, оба — постоянные посетители вечеров кн. Мещерского. *Победоносцев Константин Петрович* (1827—1907) — известный юрист и государственный деятель, статс-секретарь. В 1860—1865 гг. занимал кафедру гражданского права в Московском университете; в то же время состоял преподавателем законоведения сыновьям Александра II: вел. кн. Николаю Александровичу, Александру Александровичу, Владимиру Александровичу. С 1868 г. — сенатор, с 1872 г. член Государственного совета, в 1880—1905 гг. — обер-прокурор Святейшего Синода. Крайний консерватор. Имел большое влияние на цесаревича, а затем государя Александра III. Подробнее см.: Готье Ю.В.

К.П.Победоносцев и наследник Александр Александрович. 1865—1881 // Победоносцев: pro et contra. СПб., 1996. С. 451—486.

Оболенский Дмитрий Александрович (1822—1881) — князь, юрист, государственный деятель. В 1862—1863 гг. — председатель комиссии для устройства цензуры и выработки нового закона о печати. В 1867 г. временно исполнял обязанности министра финансов. В 1870—1872 гг. — товарищ министра государственных имуществ. Сенатор, член Государственного совета. По характеристике хорошо знавшего его А.В.Никитенко, «человек рассудительный, умный, образованный и чуждый всяких крайних увлечений» (Никитенко А.В. Дневник. Т. II. М.—Л., 1955. С. 314. Запись от 30 января 1863 г.). Входил в кружок вел. кн. Елены Павловны, где близко сошелся с Н.А.Милютиным. Странник так называемого западного прогресса, но в то же время близкий друг славянофилов (Самариных, Аксаковых, Черкасского), представитель националистической «Московской партии».

⁷⁰ Эту свою идею кн. Мещерскому удалось реализовать только в 1884 г., когда Александр Александрович был уже императором.

«ТАЙНИКИ ЧУЖОЙ ДУШИ»

Дневник П.И.Бартенева. 1854—1858 гг.*

Новый 1855 год

Я провел его дома, за книгами. Только поутру выходил к обедне, обедал у Головниных; да вечером заехал на чай к Кошелевой, отдал ей книгу об Индии, которую она просила у меня для дочери, уезжающей вместе с нею в Киев. У нее сидел профессор сельского хозяйства с Рязан[ской] семинарии. Петр Никитич добрый и откровенный чудак. Ольга Федоровна сыграла нам несколько духовных песен на своем мелодионе — органе. Но душа не тем была полна. Самые сладострастные мысли наполняют ее.

2 января

После обедни поехал к Соболевскому, который вчера прислал мне визитную карточку с надписью: «Вас обнимает». Соболевский никогда не унижится в глазах моих, несмотря на все толки о нем, несмотря на то, что в самом деле иногда он бывает несносен своею грубостью, чванством и материальным индифферентизмом.

Для меня он все-таки добрый человек, всегда готовый подать руку помощи всякому, а многосторонняя его начитанность, его путешествия и знакомства придают всегдашнюю занимательность его беседе. К нему приехал при мне молодой граф Уваров¹²⁸, смуглый и франтовски одетый. Он между прочим сказывал, что у него есть список автобиографии Новикова, и на вопрос мой, упоминается ли в ней о путешествии в чужие края, отвечал, что д[ействительн]о Новиков говорит о своих странствиях, но по каким именно землям, Уваров не помнит. Ему хочется доискаться подлинной, собственноручной автобиографии. Все трое мы пошли на верх в квартиру сенатора Нечаева смотреть новоотысканные древности. Надо сказать, что Нечаев, член какого-то Комитета о нищих, получил из села Тихвинского (в нескольких верстах от г. Бронниц, прежде принадлежавшего) Новикову, а ныне упомянутому комитету) несколько гривен, колец, привесок и т.п., найденных в курганах близ Тихвинского. Нечаева не б[ыло] дома. Все эти древности показывал нам сын его студент, белокурый, кудрявый юноша с живыми глазами, по видимому вовсе непохожий на глухого и тупого брата своего, кот[орый] служит у нас в Архиве. Уваров занялся рассматриванием. Суждения его не обличали никакого педантизма. Он говорил просто, вскользь упомя-

---

* Продолжение. Начало см.: Исторический архив. 2000. № 1. С. 147—199. Публикацию подготовила И.А.Смирнова.

нул, что им разрыто во Владимирской губернии несколько тысяч курганов (находил кресты на языческих идолах) и что во всем околотке не б[ыло] оттого нищих, и откупщики остались в барышах. Молодой Нечаев на мои краткие расспросы отвечал, что могила Новикова находится при церкви села Тихвинского, что по нем, как по вкладчике, служатся панихиды и что кругом сохранились о нем предания, какие именно, нельзя мне б[ыло] расспросить. У Нечаева сохранилась конторка Новикова. Когда Нечаев принес целый ларец с монетами и вместе с Уваровым пустился в тонкости нумизматики, я удалился, не понимая тут ничего.

Обедал у Елагиных. К ним пишут из Белева о недавно случившемся там страшном событии: один благочинный взял деньги с раскольника, за ложное свидетельство в том, будто он присоединился к единоверию. (Раскольник б[ыл] купец, а теперь нельзя торговать по 1 и 2 гильдиям без такого свидетельства). С 60 р. сереб[ром] благочинный пошел в церковь и на пороге ее пал, без всякой видимой причины^а.

3 января^б

Попутру ходил к Каткову держать корректуру Булгакова. Оттуда к Чадаеву¹²⁹ (у него понедельник), весьма ласково меня принявшему. Но просидел у него не долго, не дождавшись И.К.Киреевского, к[оторому] нужно было отдать письмо Блудовой, по делу Николаевича. У Чадаева^в были: Сушков, снова приглашавший меня к себе и обещавший достать копию «Записок» Храповицкого¹³⁰ для Архива, снова оправдывавший Снегирева¹³¹, Свербеев с сыном, расхваливавший статью Снегирева об освещении новой церкви на Преображенском кладбище (самую казенную), Кошелев, какой-то князь Шаховской, студент Васильчиков [А.А.] и княжна Щербатова, внучка историографа и родственница Чадаева.

Разговор шел вяло. Говорили об Оленине. Оленин Алексей, сын известного председателя Академии Художеств, убит в Санкт-Петербурге своими людьми в самый праздник Рождества. Он, только что проснувшись, позвал лакея и за что-то побил его. Лакей сказал: «Вот чем начинается праздник». Это привело в ярость Оленина; он стал бить еще, и через несколько часов два лакея доконали его. Жена и дети ничего не знали.

От Чадаева поехал обедать к Солдатенкову, желая воспользоваться близостью места. Солд[атенков] по-прежнему не в своей тарелке. Сказывал, что Фролов очень опасно болен и что Грановск[ий] думает к нему ехать в его малороссийскую деревню. Племянник Солдатенкова поправляется: меньше дерзости в обращении с Рейманом, кот[орый] не раздумал оставить место, а теперь иногда хвалит Васю. Они довели меня до дому^г.

^а Зачеркнуто: «Вечер провел дома».

^б В Дневнике происходит чередование написания января — января.

^в В Дневнике написано: «Чадаеву».

^г Далее зачеркнуто: «Лег спать и проспал до 10 часов. С 10 часов и до 7 вечера след[ующего] дня вовсе не спал. Зачитался и не мог больше заснуть».

4 января

Ходил к заутрени к Николе Явленному и служил панихиду по маменьке: нынче день ее именин (она всегда так праздновала, хотя девицы Аполинарии память завтра). Особенного молитвенного расположения не б[ыло], но не мог без горя вспоминать о покойнице. Этот день бывало у нас в Липецке самый торжественный в году: бал и ужин. Я помню, как один раз к нам в этот день приехали девицы Воеводские, разряженные так, что на них пальцами показывали. Можно ли тогда было думать, что одна из них займет место маменьки в нашем доме!

Сон решительно оставил меня. В Архиве продолжал разбор писем Мазепы. В третьем часу случайно завязался у нас с Полуденским довольно занятый разговор. Он бранил всячески Погодина и утверждал за достоверное, будто М[ихаил] П[етрович], по возвращении своем из Санкт-Петербурга стал призывать к себе раскольников и грозю Сибиря и Соловецкого монастыря склонял их к православию; что раскольнику Большакову он до сих пор не заплатил денег за перевоз его древностей в Санкт-Петербург; равно и Дмитриеву. Я защищал сколько мог. Полуденский особенно негодует на Погодина за произвольное и беспорядочное напечатание в «Москвитянине» воспоминаний его отца об Университете. Полуденский родственник кн. С.М.Голицына, много рассказывает о нем любопытного. Вчера В[еликие] Князья, три часа только пробывшие в Москве, заезжали к нему. Государь ежедневно справлялся по телеграфу об его здоровьи, также и вся ц[арская] фамилия. Доктора [Блюменталь, Фе и Овер] затруднялись как отвечать Государю; начальник станции не хотел принимать депеши на государево имя, ибо это запрещено; дождался разрешения из Санкт-Петербурга; между тем Государь сердился, что поздно пришел ответ. Старик князь [ему 82 года] готов к смерти, не трусит нисколько; причащался и молится. Филарет и Закревский ежедневно навещают его. Внимание царское много помогает выздоровлению; но присылка Маркуса [в Новый год] так обрадовала больного, что доктора опасались за дур[ные] последствия от чрезмерной радости.

Раскольник Стрелков рассказывал Полуденскому, как Мухин нарочно прислал к нему полицейских из жидов, которые с презрением снимали и бросали на пол старые образа^a.

5 [января]

За простудой горла^b сидел дома и писал большое письмо к Блудовой. В 6 часу поехал отдать его Ермолову; меня не приняли: человек сказал, что у Алексея Петровича будет вечером кавказский Муравьев¹³².

По дороге заехал к Елагиным. У них сидел И.С.Аксаков, который снова завел речь о разных письмах к Гоголю, ныне принадлежащих племяннику его Трушковскому. Я уже другой раз слушаю долгие рассуждения об этих письмах, и должен молчать и не показывать, что все

^a Зачеркнуто: «Обедал у Елагиных. Вечер дома».

^b Зачеркнуто: «Целое утро».

они б[ыли] в моих руках. Надо сказать, что письма эти с некоторыми книгами Гоголь оставил в чемодане у Жуковского. Вдова последнего привезла их в Россию и отдала А.П.Елагиной для доставления матери Гоголя. У Елагиных чемодан валялся несколько месяцев; на письма мало обращали внимания. Я выпросил их себе, разобрал и почти все прочел. Тут было до 300 писем, особенно много от Смирновой¹³³, Аксаковых, графов Виельгоровских, графа А.П.Толстого, от поэта Языкова, Жуковского (все у меня списаны), Шевырева, Плетнева, Погодина, художника Иванова, какого-то товарища, одно большое письмо Никитенки¹³⁴ после цензурного дозволения печатать «Мертвые души» (все пропущено, кроме одного места в истории Копейкина), письмо Белинского («прежде, в “Молве”, разбирая ваши повести, я дерзал понизить Вас; я не понимал тогда, что изрыгаю хулу на духа; теперь жизнь моя связана с Вашими сочинениями»). Письма Смирновой (некоторые по неск[олько] листов) очень любопытны, как исповедь страстной души. Смирнова иногда предлагает ему денежную помощь (у нее 100 тысяч доход); упрекает в том, что он награждает бедных студентов, между тем как собст[венное] семейство его нуждается. Действительно Гоголь отдал Шевыреву некоторую сумму для раздачи бедным студентам, показывающим любовь к науке. Я помню, как на первом курсе еще, перед Рождеством Степан Петрович призвал меня, Безсонова и Прейса (занимающихся — золотые мечты! — составлением древнего словаря) и дал каждому по 25 р[ублей] с[еребром] на книги и другие надобности. Мы долго отказывались, Шевырев уверял нас, что это не его деньги, что они именно для такой раздачи назначены одним человеком, коего имени он не может сказать. Уже по смерти Гоголя Шевырев сказал мне имя тайного нашего благотворителя. Кроме писем, уже гораздо позже, и случайно, в том же чемодане я нашел несколько черновых тетрадей Гоголя, брьюльонов («?») для университетских лекций, несколько начатых отрывков (1834-й год) и целые 5 глав неокончен[ной] повести об Остринице («?»).

Нам с Елагиным Н.А. больших трудов стоило переписать неразборчивую и чрезвычайно мелкую рукопись Гоголя. Все эти драгоценности А.П.Елагина отдала Кулишу¹³⁵ для доставления матери Гоголя. Теперь часть их у Кулиша, часть у Пустовского. Не знаю, зачем хотят раздать письма по принадлежности.

Разговорились об уме, талантах и многосторонних сношениях Смирновой. Действительно, эта женщина очень замечательная. Пушкин был с нею близок. Она сказывала Аксакову, к[оторый] часто виделся с нею в Калуге, где ее муж губернаторствовал, что «Графа Нулина» Государь через нее отдал назад Пушкину. Кажется, что она не старается скрывать ничтожество своего мужа: в письмах к Гоголю есть явные намеки на то. Она сказывала, что раз у нее обедали Пушкин и Вас[илий] Перовский¹³⁶. За столом сидел и муж ее. Пушкин нагнул к Смирновой и тихонько сказал ей: «Так, за пятак, да гривенник»; вероятно намекая на различие между тремя собеседниками.

Заговорили о Перовском. Он сам не один раз рассказывал, как в 1812 году его взяли в плен, и он пешком дошел вместе с французами до Франции, испытав все ужасы голода и холода. Как известно, он вышел в люди тем, что был адъютантом у Государя, когда Государь еще был Великим Князем. В Берлине, не желал быть на каком-то придворном бале и не имея возможности отговориться болезнью (ибо Государь сейчас же навестил бы его), он взял пистолет и отстрелил себе большой палец.

Смирнова сохраняет к нему постоянную дружбу. В письмах ее к Гоголю видна ее забота о душевном спасении его и обращении от безбожия к христианству. Дружба Перовского с А.А.Воейковой, этой прекрасной Светланой, коей память никогда не умрет в России, известна всем. По обыкновению предполагают между ними сердечную связь. Младшая дочь Воейковой, Мария, фрейлина при Александре Иосифовне, толстая барышня, ныне выходящая за генерала Бреверна, почти единогласно почитается дочерью Перовского. Бог знает, так ли. Но вот черта благородная. В 1829 г. Перовский лежал в Санкт-Петербурге раненый и узнал, что Воейкова умирает в Италии. Немедленно он поспешил к Государю с требованием отпуска. Раны не могли удержать его. Государь стал подшучивать над его страстью. Тогда Пер[овский] до того вспылил, что наговорил грубостей. Гос[ударь] стал у него просить извинения. В Ливорно он уже не застал в живых Светлану. Он привез ее детей в Россию, с Жуковским устроил судьбу их и вместе с ним же положил деньги в ломбард для детей. Но генеральство и соединенное с ним нахальство, к несчастью, и ему не чуждо.

И.Ф.Мойер¹³⁷ ехал с ним куда-то в дилижансе. Ему захотелось протянуть ноги, и без церемонии он положил их на колени какого-то бедного пассажира, который должен был стерпеть эту выходку его превосходительства. Но во всяком случае Перовский принадлежит к числу немногих благороднейших людей. И.С.Аксаков, часто решавший и участвовавший в решении дел уголовных, сказывал, что обыкновенно дела, по оскорблению Величества, стараются довести до Государя, ибо тогда верная надежда на помилование. Например, кто-то наплевал на портрет Государя. Государь в резолюции написал: «Я сам плюю на него».

6 января

После обедни, от Николы Явленного¹³⁸, пошел к Хомякову взять 50 р. с., которые за него я послал в Севастополь к Николаевичу. У Хомякова сидело несколько человек, из которых только географ Ефремов да математик Михайлов были мне знакомы. Х[омяков] преследует меры правительств неумолимою насмешкою, пророчит непременный мир, сравнивает теперешнюю войну с войною испанцев против мексиканцев и проч., сказывал, что нынешним летом он работал над сравнением корней русских с санскритскими, набрал 1100 корней чисто великоросских, к[оторые] почти тождественны с санскритскими. Здешняя цензура не пропускала. Теперь в Санкт-Петербурге пропустили, и этот корнеслов будет напечатан в «Академических известиях».

Пришед домой, узнаю, что князь Оболенский прислал за мной курьера. После обеда у Головниных отправился к нему. Это было объявление о назначении меня в столоначальники. Но мы чуть было не побранились, когда его сиятельство говорил, чтоб я аккуратно ездил в Архив. После краткой вспышки, он насказал мне столько лестного, что самолюбие мое вполне удовлетворено. Даже извинялся при прощании.

Вечером ездил к Калугину и играл в карты. Там видел Кутузова — отца, пухлого барина с глупым и простосердечным выражением в лице. Глаголев сказывал, что Шеншину может повредить слух о том, что будто он рассказывал Хомякову о неудовольствии на Меншикова в самом Севастополе. Шеншин, всего 4 часа пробывший в Москве, был однако у Хомякова, и скрыл это от своих. Он останавливался у тестя своего Арсеньева. Стихи против Хомякова:

Стыдись, о сын неблагодарный
Отчизну — мать порицать,

написаны Арсеньевой. Имя автора, написавшего стихи в защиту Хомякова, неизвестно.

(Своих грехов в сознаныи строгом
Стоять как мытарь перед Богом).

7 января

Просидел до 3 часов в Архиве за малороссийскими актами. Князя не было и потому представление о столоначальничестве еще не пошло в Санкт-Петербург. После обеда поехал к Васильчиковым, у которых давно не был. Александра Ивановна сообщила подробности об Оленине. Покойный А.Н.Оленин в 1812 г. отправил на войну двух сыновей. Один из них был убит, другой ополоумел. Ему остался третий Алексей, о воспитании которого приложено б[ыло] все возможное старание. Его отправили за границу. В Париже граф Дамас, прежде живший в плену у нас и обласканный Оленеными, ввел его в лучшие общества. Поездка в Лондон б[ыла] для него губительна: там он получил навык к вину. Много слез пролила о нем Елизавета Марковна. Женитьба его исправила на время. За него вышла княжна Долгорукова, сестра нынешнего военного министра. С крестьянами он уже давно обходился дурно; даже был какой-то случай, вследствие которого Государь запретил ему иметь при себе крепостных. Но по русскому обычаю, своих людей к нему не допускали, за то оставили крепостных жен его. Люди сами явились в полицию и признались в преступлении. Страшно то, что сынок, кажется, не уступает батюшке. Когда Н.И.Греч приехал к ним утешать и в смущении не знал, чем начать разговор, он вывел его из этого положения словами: «Слышали вы, какво папашу-то укокошили?»

С женою покойник был очень нежен. По свидетельству А.И.В[асильчиковой] в родительском доме он, конечно, не мог ни видеть дурных примеров, ни получать таких чувств. Оленины отличались кротостью и благотворительностью. Так у них в Петербурге всегда жили в доме какие-нибудь бедные люди, между прочим один брамин индеец,

случайно попавший в Петербург, он и умер у них; они ходили за ним с истинным гостеприимством.

Слухи о мире и о военных науках в Университетах подтверждаются. Студентам, говорят, дадут морские каски.

8 января

Поутру ездил в Университетское правление записать свое имя для получения билета на Юбилей. Правление уже давно переведено из прежних просторных комнат в какие-то клетки. Устроены два особые выходы: один для начальства и знатных, чистый и просторный; другой для студентов и нашей братии, узкий, гадкий и весь занесенный снегом с дверью без ручек. Так и всюду: чистота и порядок только напоказ.

Ездил на Никольскую и купил несколько книг.

Дочитал брошюру Хомякова о православии. От Елагиных поехал к Кошелевой, которая на другой день отъезжает в Киев. Там был Гильфердинг¹³⁹, с сыном, молодым магистром, Елагин, И.В.Киреевский, Хомяков и Стахович¹⁴⁰. Последний читал своих «Наездников» к общему удовольствию и начало прекрасной повести в стихах. Оставались до 2-х часов. Хомяков был очень хорош и занимателен. Он только что воротился от Погодина, который взбешен запискою Шевырева, проповедающего, что ныне такое время, когда вся Россия должна принять вид воинского стана и Минерва подать руку Марсу.

9 января

Только что проснувшись получил письмо из Изюма, от товарища Пушкина И.В.Малиновского¹⁴¹. Он очень любезно отвечает мне, исправляет некоторые ошибки статьи моей и посылает песню, которую лицеисты певали в 1812 году и печатную биографию другого славного товарища своего Вольховского. Сегодня к нам обещались в гости Васильчикова и Черкасские. Мы с Кокошкиным очень смеялись, приготавливая нашу квартиру к приему высоких гостей. Они были в 3 часу, но я не мог их ждать дольше половины 2-го ... уехал обедать к Солдатенкову. Он снова весел. У него был туз-раскольник, сильный и весь заплывший жиром, Алексей Алексеевич Рахманов, человек с огромною начитанностью. Он подтвердил мне слухи о новых подвигах Погодина, который действительно недавно призывал его и Большакова, кричал на них и убеждал присоединиться. Рахманов с хитрою насмешкою говорил о послании Погодина к раскольникам, в котором между прочим сказано, что Государь, узнав о присоединении, велит заколоть упитанного тельца, мало того, целого быка сварит и того мало-целое стадо быков велит зажарить на радостях. Послание подписано так: Михаил Петрович Погодин, по рождению крестьянский сын, по чину генерал, по жительству посадский человек (Девичье поле). (У Солдатенкова была попойка. Он довез меня домой, часу в 7-м).

10 января

Сегодня в Архиве, к общей досаде нас, чиновников, очень долго сидел вышереченный Гильфердинг, Федор Иванович, Главный Архивариус империи: ему вносили огромные ящики, расколачивали их, и он в них рылся. Это те ящики с разными историческими сокровищами, которые прошлою весною перевезены сюда из Санкт-Петербурга в одно время с золотом монетного двора. Всех ящичков около 160; они все глухо запакованы; ни реестра, ни ключей здесь нет. Сам Гильфердинг забыл ключи в Санкт-Петербурге и открывал с слесарем ящики наугад. Сколько слышал я от чиновников Гильфердингу нужны б[ыли] какие-то Петровские и Елизаветинские бумаги по морской части. Тут же при разборе чиновники видели небольшую связку писем царя Алексея Михайловича; множество писем Петра и Екатерины II: все это будущее достояние истории. И сколько трудов употребляют ученые для того, чтобы дойти до того, что вероятно объясняется при одном взгляде на эти бумаги. Оттого История своею неточностью становится досадна: надобен крепкий ум, чтобы следить в ней одно несомненное.

Обедал у Елагиных. Им не дают билетов на Юбилей. Вечером, в 11 часов, обрадовал меня своим приездом любезный Казанович. Он остановился у меня. Не нагляжусь на него. Мы просидели далеко за полночь.

11 января

День рождения А.П.Елагиной. По дороге в Архив заехал в Университет за билетом для себя и для Казановича. Мне выдали и то потому только, что Шевырев напомнил Ректору о необходимости дать билеты мне, Безсонову и Тихонравову, как участникам в юбилейных работах. Казановичу не было возможности достать, между тем как он нарочно приехал к Юбилею из Могилева. Просидев в Архиве с лишком три часа, поехал на обед к Елагиным, дорогою купил в подарок^а несравненной имениннице дерево питосфорум с цветами и банку ананасу: ничем иным не придумал подарить. Она бедная все не очень здорова, но не показывает виду. Там обедало много; кроме родных, Чижов¹⁴², Хомяков, Безсонов и пр. Чижов недавно приехал сюда из под Киева. Он сделался еще мрачнее, против того, как я его видал года три тому назад, когда он останавливался у Иноземцева и вызывал меня для переговоров по исканию куда-то учителя русской словесности. Тогда, я помню, он показывал мне свои белые и желтые коконы шелку. Он стал заниматься шелководством; ибо лишен права печатать и не может служить будучи в подозрении у правительства. Его, говорят, схватили на австрийской границе, держали в крепости, обвинили в каких-то славянских замыслах, велели обрить бороду и проч. Уверяют, что единственная его вина состоит в нерасположении к немцам. Он тотчас узнал меня. Молчаливый и скрытный, он говорил редко, да метко. Рассказал между прочим, что

^а Зачеркнуто: «бесценной».

едуци на извозчике и разговорясь с ним о его лошади, он уверил его, что из Санкт-Петербурга приехал какой-то Абрам Сергеевич, к[оторый] отлично лечит лошадей от Норова. На просьбы мужика сказать, как бы добраться до такого коновала, Чижев назвал квартиру министра (он остановился в Университете у инспектора); но прибавил, что его окружают все мошенники, к[оторые] непременно сдерут с него деньги, если он заикнется о лошади; что ему надо пробраться к Абраму Сергеевичу, сказав, что есть до него дельце, и уже наедине попросить о лошади. Все это забавно и напоминает острое словцо, сказанное Меншиковым, когда после Уварова министром сделался Шихматов, а товарищем его Норов¹⁴³: «Что нынче Мин[истр]ст[р]во нар[одного] пров[ешения] Трехногая кляча, и то с Норовым!» Норов без ноги; он потерял ее, кажется, под Бородиным. Все хвалят его единогласно, как честного человека. Хомяков уверяет будто раз за границую он вызывал на дуэль какого-то молодого человека, не совсем прилично выражающегося про одного святого.

Хомяков б[ыл] чрезвычайно весел и любезен; говорил без умолку, смеялся как младенец, сыпал острые слова, обо всем говорил умно и занимательно, и об рыбах *маканых* (во льду), которых можно привозить даже с незамершею кровью, и об Санскритских корнях.

Вскоре после обеда приехал Коссович¹⁴⁴ и привез Хомякову начало своего санскритского словаря, издаваемого вторым отделением академии, несмотря на все протесты Бетлинга, Дорна, Шифнера, Шегрена (к сожалению, теперь уже умершего) и проч. Давыдов, бывший генерал Коссовича, тут же помог ему. Скоро затем приехали Кавелин, Ефремов и Грановский (с Анною на шее, только что полученною; он прятал ее и застегнулся на все пуговицы). Мне горько было, что он со мною сухо раскланялся. Гранов[ский] сообщил необыкновенное, едва ли невероятное известие, слышанное им будто от самого полковника Милютина, кот[орый] приехал на Юбилей: 8000 ч[еловек] из австрийской армии перешли к нам, и мы их не выдали. Коссович при этом за тайну сообщил, что Государь подарил своим внучатам солдатиков и сказал: «разстреляйте их: это австрийцы». Погодин прислал мне письмо, что жена его не сообщила мне записку о дуэли (?) брата. Это все гнусная шутка Анненкова. Я готов на всякие ответы.

Вернулся домой в 10 часов. Казанович б[ыл] дома. Просидели до 2-х часов. Не налюбуюсь на него. Чувствую особенное счастье в том, что люблю его всею душою.

12 янв[аря]

День Универ[ситетского] Юбилея. Я отдал билет свой Казановичу и нигде не был. Ездил поздравить гр[афа] Строганова С.Г.; он в Санкт-Петербурге; у него расписывались: двор б[ыл] запружен. Позже узнал, что семья его так б[ыла] этим тронута, что поспешила уведомить его в том через телеграф. Ездил к Каткову держать корректуру: статью мою о Булгакове пропустили, спросясь предварительно с Гильфердингом, к[оторый] не нашел в ней ничего не дозволенного, однако цензор

Похвиснев кое-где вымарывает, например, не дозволил про Потемкина сказать, что он б[ыл] *любимцем* Екатерины, выпустил весь рассказ о доносе, к[оторый] б[ыл] сделан на Бул[гакова] смирнским консулом Фернерием и проч. Все остальное время сидел дома и наслаждался романом Дикенса «Холодный Дом». Казанович вернулся домой часу во 2-м. Опять проговорили с ним долго. Но с ним я готов целые сутки просиживать (N.V. Письмо от Блудова через Ермолова о И.С.Аксакове, которое, по его признанию, уничтожил).

13 янв[аря]

Ездил осматривать великолепно убранную залу старого Университета. Целый лес дорогих растений. Бюсты покрыты медным слоем; там поставлен и Жуковский. Казначей Басалаев сказал мне грубость, и я должен б[ыл] удалиться.

Покупал себе диван, и возился за этим целое утро. Уроки у Кривцовых: летом очень понравились ненапечатанные стихи Хомякова «Суд Божий», которые они теперь знают наизусть. Заезжал на минуту к Елагиным. Узнал, что вчера у Самарина собралось несколько бывших студентов: Мамонов, Самарин, К.Аксаков, Стахович и кн[язь] В.Черкасский. Прочли по порядку свои искренние и подробные воспоминания об Университете. Когда приехал с Юбилея Погодин, они читали при нем и не опускали ни тех мест, где хвалят его профессорство, ни тех, где смеются над ним. Он прочел им пох[вальное] слово Ломоносову, прекрасное, говорят, и назначенное было, для чтения на Юбилей. Толки, толки и толки. После, разом перескажу все об Юбилее.

14 янв[аря]

Из Архива поехал к Каткову для корректуры; но на этот раз Литер[атурный] отдел заменен в «Ведомостях» подробнейшим известием об Юбилее. Катков б[ыл] замучен работою. Обедал у него и видел подарки, присланные разными учеными обществами Университету: лучше всего хозяйственный атлас. Предисловие к перепечатанным Ведомостям 1703 года написано очень хорошо. После обеда разобрали письма к Шаликову разных изв[естных] лиц; несколько карамзинских.

15 янв[аря]

Утро дома. Обедал у Кузмина. После у Новикова студенческая попойка до 4 часов ночи. После расскажу.

16 янв[аря]

Насилу поспел к Николе Явл[енному], [чтобы] выслушать всегда умиляющее меня Еванг[елие] о мытаре и фарисее. Читал К[азанович]у «Вечного Жида». Вечером у Костылевых (где имел странный разговор с М[арией] Ник[олаевной]) и у Елагиных, где встретил А.М.Языкова, собирающегося издавать сочинение брата и поручающего это дело

П.М.Перевлесскому (?). День окончил в разговорах с Ал[ексеем] Ил[ларионовичем]. Мы поместились в одной комнате. Я чувствую себя нравственно лучше с тех пор как он приехал. Мысль о нем меня не оставляющая, подымает меня и устраняет всякие дурные мысли.

17 янв[аря]

На уроке у Кривцовых читал детям и заставлял их читать отрывки из «Ундины». Та сцена, где Унд[ина] приходит, чтоб заплакать Кульбранда, долго потом не выходила у меня из памяти. По дороге из архива заехал к Каткову держать корректуру. Статью мою о Булгакове обрезали, но все не так, как я боялся; и я еще могу быть доволен. Самую же статью разумеется нельзя быть довольным: она написана как бы ex officio^a для Биограф[ического] Словаря питомцев Университета, и я над ней мало работал.

18 янв[аря]

Не ездил в Архив для того, ч[то]б представить Казановича Елагиным. Они понравились друг другу. Елагины нашли в нем сходство с покойным Валуевым. Дай Бог, ч[то]б и внутренним образом милый Каз[анович] походил на этого рано погибшего юношу, труженика науки. Ездил к Собол[евскому], у которого видел принадлежащий Мамонтову прекрасный портрет Петра Великого, снятый с него в Голландии и подаренный предку Эмануила Александровича. Обедал у Елагиных. Простился с Ник[олаем] Ал[ексеевичем], к[оторый] уезжает на время в деревню.

19 янв[аря]

Из Архива заехал к Леонтьеву. У него великолепный бюст Зевса. Леонтьев, по видимому, очень доволен Юбилеем и совсем не огорчается разными гадостями, его сопровождающими. Оно правда, их следует на время забыть, ибо тут поминалось целое столетие. Мы разговорились об его прапрадеде — А.Т.Болотова. Он сообщил о нем несколько любопытных сведений, к[оторые] я запишу особо. Хвалил очень Норова (я заметил у него на столе его визитную карточку; но не хочу подозревать почтенного Павла Мих[айловича] в мелочном честолюбии), говорил, что он очень искусно сумел получить доступ в безгласный цензурный комитет. Государева грамота Университету, говорят, писана под его надзором, но кем, неизвестно; Никитенко отрекается.

Обед у Васильчиковых. Весьма горячо поспорил с Ал[ександрой] Ив[ановной] по поводу речей Шевырева. Сей последний вызван по телеграфу в Санкт-Петербург вместе с Назимовым и Альфонским, для представления Государю. Читали письмо из Санкт-Петербурга, кажется, от гр. Барановой¹⁴⁵. Протасов умер скоропостижно; за два вечера

^a Неофициально (лат.).

б[ыл] в театре; говорят, рассердился на к[акого]-то архимандрита, разлилась желчь, и он слег. Меня позвали на вечер. В промежуток я поехал домой и повез Казан[овича] к Хомякову, познакомиться. А[лексей] С[тепанович] б[ыл] неистощимо умен и разговорчив. Мы просидели часа три. У Черкасских на вечере мне б[ыло] скучно. Все одни и те же толки. Люди мало работают, мало читают, довольствуются одними слухами, и оттуда нередко становятся пошлы. Тут в первый раз услышал о смерти Фролова, и не хотел верить: Базунов еще недавно мне сказал, что он писал к нему о своем скором приезде в Москву.

20 янв/аря/

Фролов действительно умер. Об этом слышали от Грановского. Глубоко жаль его и как доброго человека и как ученого, уже столько сделавшего и еще более собиравшегося сделать. С 1851 года с мая я находился с ним в постоянных сношениях, переводя для его магазина сначала Риттеровы статьи о распространении кофея, верблюда, финик[овой] пальмы и др., потом Бера отчет, и, наконец, вместе с Елагиным Кастренова путевые письма. Всегда он б[ыл] честным и верным плательщиком. С ним б[ыло] приятно иметь дело. Сколько средств и времени он тратил для своих изданий. Помню, что он не спал ночи, готовя к выпуску второй том «Магазина». Куда денется его великолепная географическая библиотека (за одно приведение в порядок которой он заплатил Арльтову прикащику 100 р[ублей] с[еребром]), его прекрасный дом с кабинетом, в к[отором] все приспособлено б[ыло] на богатую руку для ученых занятий.

Обедали с Казановичем у Кузмина. Урок у Кривцовых. От них к Васильчиковым для знакомства с студентом И.М.Голицыным, правнуком И.И.Шувалова. Но он не приехал. Васильчиков читал свое сочинение о разн[ых] деревнях по реке Лопасне, бессвязное и тупое. Удивительно, что он вовсе не умеет писать по-русски.

21 янв/аря/

Моему дорогому Алексею Илларионовичу захотелось осмотреть Оруж[ейную] палату и Дворец. Поэтому я утром поехал к Вельтману, к[оторый] принял меня вежливо и немедленно выдал билет; потом к барону Боду: назвался чиновником Главного Архива и это, вероятно, помогло мне, ибо наш князь часто ездит к Боду. Старый барон, в своем великолепном кабинете, сидел за письменным столом, не посадил, и сказал, ч[то]б я явился в Дворцовую контору. Я поехал туда из Архива в конце 1-го часа, и минут через пять мне вынесли билет на осмотр внутренних Дворца.

Вечером любезный Васильчиков прислал мне свою лошадь и я отправился на Покровку к Голицыным в их великолепный дом, наследованный от Шувалова: в этом самом доме жил сам Ив[ан] Ива[нович] в краткие свои приезды в Москву: там он давал обед Университету в 1783 году. Он строил этот дом, живя в Италии. У Голицыных: Мих[аила] Фед[оровича] и Луизы Трофимовны, урожденной Барановой, застал Черкасских; это меня оживило и прогнало застенчивость. Хозяева и сын

их Синдонт (?) были весьма приветливы. У них мало бумаг Шуваловых. Зато много писем Петра и Екатерины I и тогдашнего царского семейства. На возвратном пути заехал к Базунову и купил «Историю Университета».

22 янв[аря]

Все утро до 4-го часу сидел дома. Поехал обедать к Елагиным. Туда приезжала сестра бывшего об[ер] полиц[мейстера] Марья Дмитриевна Ховрина с дочерью, женщина лет 40, редкого ума и любезности, коих нельзя б[ыло] не заметить даже и в те 20 минут, что я ее видел. Говорил о Фролове. Ховрина сказывала, что у него должны остаться Записки Станкевича, нашего кандидата, [товарища Бодянского], принадлежавшего к тем рано умершим талантливым людям, которых у нас на Руси приходится считать сотнями! Фролов б[ыл] женат на его сестре. Это б[ыла] его вторая жена, на первой он женился на Галаховой, сестре его друга и товарища, к[оторая] б[ыла] отменно умна. Третья жена Фролова, теперь вдова—Дараган.

Не поехал к Голицыным списывать письма Шувалова, потому что чувствовал боль в правом глазу.

23 янв[аря]. Воскресенье^а

19 августа

После долгого, почти полугодового пропуска принимаюсь снова за эту тетрадь. Пересмотрел ее в некоторых местах. Она мне мила, ибо я старался быть искренним. Не знаю, сумею ли хоть в общих чертах рассказать все, что хотелось бы, из случившегося в эти полгода.

Начну о том, над чем остановился, т.е. о Фролове. Как-то в январе я поехал обедать к Солдатенкову, никак не ожидая найти у него большое собрание.

Там был Грановский, Кетчер¹⁴⁶, Пикулин (говорливый), постоянно молчаливый Забелин, управитель Мальцова, Раич¹⁴⁷ с семьею, какие-то музыканты и проч. Много было съедено, еще больше выпито. Шампанское не сходило со стола до самого вечера, к[огда] началась игра на фортепианах, в кот[орой] отличался старший брат Раича, Александр, благонравнейший юноша, ныне студент. Ему аккомпанировали скрипка и виолончель. Грановский все время лишь перебрасывался со мною словами, но разговора не вел и продолжал прежнюю сухость в обращении со мною (он, между прочим, рассказывал, как дорого обходился Плюшару Энциклопедический Лексикон: за небольшую статейку о Байроне^б, писанную по поручению Никитенки Т[имофей] Ник[олаевич] получил что-то около 300 р.). В конце вечера я воспользовался благо-

^а Далее в тексте имеется временной перерыв, длиною в семь месяцев, пропущены чистые листы. Видимо, П.И.Бартенев планировал вернуться к этим записям. — И.С.

^б Сбоку, слева, на полях приписка: «позже я нарочно отыскал эту статью: она прекрасно написана».

приятною минутою, [когда] все разбрелись, и, подойдя к Грановскому, просил его в память о Фролове забыть недавнее наше неудовольствие по поводу Анненкова. Т[имофей] Н[иколаевич] очень любезно жал мне руку и, кажется, сдержал слово, т.е. больше на меня не сердится.

Тут он с чувством говорил о той невозмутимой твердости, с к[оторой] умер Фролов, как он еще накануне смерти держал корректуру печатавшегося здесь «Магазина», как распорядился всеми своими делами и проч. «Это был человек, к[оторый] никогда не боялся смерти!» Мне хотелось спросить, приобщался ли он св[ятым] тайн; но как-то неловко было обратиться с этим вопросом к Гранов[скому]. Я предложил безмездное^а труды свои по части корректуры, Гранов[ский] осведомился, получил ли я от покойника все следовавшие мне деньги за перевод Кюстрина. Он обещался написать биографию покойного и поместить ее в начале третьего тома «Магазина». Вслед за тем приезжала вдова его, получившая в наследство московский дом и распорядившаяся делами его. Архитектор Авдеев начертил для нее план памятника, к[оторый], говорят, уже теперь поставлен над его могилою в деревне. (Это часовня). В завещании Н[иколай] Гри[горьевич] оставил сумму для продолжения печатных трудов и изданий. Но дело это тянется очень медленно; потому что в мае я видел в Цензурном комитете бумагу, которою вдова Фролова еще только испрашивала дозволения продолжать издания мужа, ею поручаемые господину Кетчеру. Что-то выйдет! Кетчер отличный переводчик; но как частный человек не внушает к себе никакого доверия. — С тех пор я почти не виделся с Грановским. Весною филологический факультет единогласно забаллотировал Шевырева, выбрал его деканом своим^б, но до сих пор еще не пришло утверждение. Подозревают даже, что Университетское правление нарочно замедляет ход дела. Известно, что и на прошлое трехлетие Гр[ановский] был избран; но на место его вопреки всем посадили Шевырева. — Теперь Гр[ановский] в Полтавской деревне, у вдовы Фролова, и, говорят, болен.

Шевырев сам рассказал мне о своей поездке в Петербург. Это было уже по смерти царя, кажется, за три недели В[еликого] поста. Надо сказать, что со времени публичных лекций никогда еще так много не говорили о Шевыреве, как о ту пору. Но как и часто говорили. Самые друзья его не находили слов в его оправдание. Даже Хомяков, постоянный его защитник, бранил его. Он довершил свое казенное поприще стихами в честь Назимова и имел дух произнести их на обеде, данном в заключение юбилейных празднеств, на масленице.

Я долго не верил существованию этих стихов, пока сам увидел их напечатанными на большом почтовом листе. И, как нарочно, стихи эти сами по себе довольно недурны: в мое свидание с ним он обнаружил полное убеждение в правоте своих действий. Вообще мы с Бессоновым любили Шевырева именно потому, что имели случай часто бывать у него на дому. Дома, в простой беседе, он покоен, ясен, кроток и баламутит только тогда, когда взойдет на кафедру или вообще примется за

^а Так в тексте.

^б Имеется в виду Т.Н.Грановский.

какое-нибудь общественное дело. Как теперь помню, в минуту моего прихода с ним раскланивался священник, служивший у него Всеночную. Он называл его Ваше Превосходительство. Потом пришел Басистов, автор ничтожной книжонки о Жуковском. И тоже, поздравляя его, величал Превосходительство. Мне было неловко, потому что я ни за что не стану титуловать его. Шевырев [когда] мы остались одни, передал мне, что Государь был необыкновенно хорош и милостив, чистою русскою речью разговаривал с ними в течение получаса, на другой же день по приезде их (Назимова, Альфонского и его) в Санкт-Петербург. Слова Государя о воспитании написаны теперь в Журн[але] Мин[истерства] Нар[одного] Пр[освещения], в Отчете Норова новому Императору. Представители нашего Университета представлялись потом разным В[еликим] Князьям и Княгиням. Мария Николаевна встретила Шевырева словами: «Я знаю, Вы предубеждены против Петербурга!» Разумеется, Шевырев отнекивался. В[еликая] княгиня водила его по двору своему. Она также, по его словам, говорит чистым русским языком. Наследник, теперешний царь, сказал представлявшимся, что есть люди, которые отделяют в понятиях своих Государя от России и что этого не следует делать. При этих словах Шевырев выступил несколько вперед и громко произнес: «Это было бы не по-русски, Ваше Императорское Высочество!» Наследник улыбнулся и Шевырев называл мне эту улыбку милостивою. В[еликий] К[нязь] Константин благодарил Ш[евырева] за сообщение 2-й части «Мертвых душ» и обещался хлопотать о напечатании, как их, так и вообще сочинений Гоголя. В заключении этих рассказов Ш[евырев] сказывал мне, что последний вечер в Санкт-Петербурге он провел у Блудовых. Графиня только что возвратилась из Дворца от Государыни, которую она ездила благодарить за дозволение прошлым летом жить в Нескучном. У Государыни сидел царь. Он с удовольствием упомянул о ревности московских студентов к военной службе, и тут же прибавил: «боюсь, однако, ч[то]б они не перестали учиться. Этого мне вовсе не нужно». Государь был снова милостив к графине. Когда я спросил Ш[евырева], разве она была дотоле в немилости, Ш[евырев] отвечал, что после донесений III отделением об ее переписке и сношениях со славянофилами, он сказал: «Ну, так можно и унять!» А между тем эта женщина изо всех сил хлопотала и хлопочет об усилении нашего влияния в Славянских землях. Летом 1854 г., когда сербский поэт^а, потерявший место издателя Журнала в одном австрийском городе за свои стихи в честь Николая Павловича, нашел случай донести их до сведения сего последнего и Государь захотел пожаловать ему бриллиантовый перстень, этот подарок был доставлен от Министерства двора в Москву к Блудовой для пересылки такому-то сербу. Я видел перстень и слышал обо всем этом от самой графини. Как будто не посмели переслать через Министерство Ин[остранных] дел! Раз Хомяков, шутя, сказал, что при настоящей путанице в управлении, при неудаче в выборе исполнителей, всего бы лучше было пуститься на

---

^а Место пропущено.

авось и разыграть в лотерею государственные должности, дав право брать билеты и женщинам, и что графиня Блудова могла бы быть отличным министром ин[остранных] дел. Конечно, это шутка, но правда то, что Блудова, как бы заведует сношениями России со Славянами.

Шевырева приглашали к себе Орлов, кн. Долгорукий и прочая знать. Он сказывал, что всеми силами защищал Хомякова и объяснял сим его оппозиционное направление.

Н[иколай] Елагин так озлоблен на бедного Степ[ана] Петровича, что возразил мне после на это: «Кто просил защищать? Защита такова человеку обидна и позорна!»

В то самое время, когда Шевырев своими неумеренными криками с кафедры, казенным красноречием, беспрестанною угодливостию начальству, нелепейшими стихами, в роде тех, которые даже «Москвитянин» на силу принял на свои страницы (№ 24, о Синопском бое) опротивел всем, Погодин заслуживал всеобщее сочувствие, уважение даже врагов своих, и по справедливому выражению некоторых людей, омывал старые грехи свои. Его письма о состоянии России, посланные еще прежнему Государю, поистине дают ему право на признательность каждого Русского. За то и разошлись они повсюду. Старик Милош Обренович прослушал их как-то в Одессе, пришел в восторг и заказал перевести для себя на болгарский язык (это передавал мне Филаретов, переславший письма в Одессу). Твердость мысли, ясность и меткость выражений, пересыпанных необыкновенно ловко прибранных пословицами, суть неотъемлемые достоинства сих писем, если смотреть на них с литературной точки зрения. Но гораздо важнее они и замечательны как гражданский подвиг. Надо много решимости и ума, ч[то]б[ы] казать правду в лицо Государю. Говорят, что Карамзин, отдав В[еликой] Кн[ягине] Ек[атерине] Павловне свою «Записку о древней и новой России» для доставления Императору, сам стал собираться в дорогу, полагая, что его отправят в ссылку. Как ни переменчивы времена, но Погодина также могла постигнуть эта участь. По крайней мере Закревский свирепел на него за эти письма, может быть особенно потому, что их читала вся Москва. Письма доходили до Гос[ударя] через Прянишникова. Государь приказал благодарить его за верноподданическую искренность^а, прибавив при этом, что *сверху всегда лучше видно, нежели снизу!* После Погодин сам ездил в Санкт-Петербург и был отлично принят наследником и его супругою, к досаде и удивлению придворных, не постигавших, как можно принять такого «mauvais genre»^б. Мих[аил] Петрович так набил руку, что политические рассуждения и статьи пошли у него беспрерывно одна за другою. Так на обеде, данном Назимову, он умел воспользоваться тем, что это был заключительный университетский праздник и сказал превосходную речь о состоянии науки в России (списана у меня). Новому царю в день его рождения он послал (через Назимова) рас-

^а Зачеркнуто слово: «критичность».

^б Здесь имеется в виду его недворянское, т.е. «низкое происхождение» (фр.).

суждение свое о царском времени, о его драгоценности и о необходимости сократить число дел, ныне подносимых ему на утверждение. Как принято было это, не знаю; но по любопытному стечению обстоятельств, энергические письма Погодина попали в руки Александру в четверг 17 февраля, и он читал их накануне воцарения. О! Если бы он чаще вспоминал ныне их содержание! Если бы Провидение послало ему силы исполнить то, что указано в них как необходимая цель России!

Но я ничего еще не говорил об юбилее Университета. Я не присутствовал на нем, отдав билет Казановичу. После оказалось, что пустили бы и без билета. На другой день и на третий день были обеды, сначала для публики, потом для студентов. Оба стоили 27000 ассгн. Много было приглашено лиц, *иже не суть от двора сего*, из штаба пехотного корпуса, где Назимов б[ыл] начальником своего попечительства. Говорят, что стороною билеты даже продавались. На студенческом обеде много случилось отвратительных сцен пьянства. Восторженные крики патриотизма под пьяную руку представлены Государю как пламенные и благород[ные] изъявления. Сказывают, что обо всем этом, равно как и о мнимом усердии студентов к военной службе, знал теперешний Государь. По вступлении своем на престол, он будто сказал Норову: «А вы были неискренны с покойным отцом моим».

Из множества речей, произнесенных и написанных по случаю учебного торжества, мне понравилась лучше всех сказанная от имени Ришильевского лица Ешовским; она оканчивается возгласом: *Perenne vivat alma mater Universitas^a*.

Юбилей несколько времени составлял предмет всеобщих толков и занимал Москву. Вскоре о нем забыли для новых более живых и существенных словопрений.

28 Генв[аря] подписан Манифест о государственном ополчении. Предшествовавший голос царя, от 14 дек[абря] 1854 г., был как бы приготовлением. Тот выражен Блудовым, этот, сказывают, не его пера, и от того сух, неловок. Помнится, на второй неделе поста начались выборы в ополчение. Зала Дворянского собрания кипела народом. Говорят, самому предводителю дворянства, А.Д.Черткову¹⁴⁸, хотелось быть выбранному в начальники московского ополчения. Но партия его, слишком немногочисленная, только возбуждала против себя негодование: у всех на устах б[ыло] имя Ермолова. Зная нерасположение к нему Государя, Закревский поручил сыну его, своему адъютанту, предупредить отца, что ему следует уклониться от выборов, так как Государь, по всей вероятности, не утвердит его. В ответ на такое предведение, может быть вызванное в одно и то же время и угодливостью к Государю и расположением к Ермолову, сей последний написал весьма ловкое письмо, и — что всего важнее — сам распустил его по Москве (в чем он обвинял его во множестве списков, прилагаю здесь под буквою «А»).

---

^a Приветствие Московскому Университету на латыне.

Когда начались выборы и произнесено было имя Ермолова, тысячи голосов закричали: «Ура!» Говорят, впечатление было неописанное. Только 9 шаров положено не в его пользу. Из толпы раздавались крики: «Кто это положил? Это подлецы положили». Думали, что Ермолов явится в Собрание благодарить дворянство. Погодин на этот случай написал даже речь (буква «Б»), которую хотел сказать ему. Он не поехал.

Все знали, что Государь не благоволил кавказскому герою. Басня Крылова «Конь и всадник»¹⁴⁹, известна каждому, хотя и не напечатана доселе.

С.М.Голицын рассказывал, что, когда Ерм[олов] после удаления из службы явился в Москву, и, когда за ним и в Клубе, и в отдельных обществах все ухаживали, Государь с неудовольствием отозвался ему, Голицыну: «Что это значит, что у Вас за Ермоловым ухаживают? Я слышал, он купил себе деревню под Москвою. Пожалуй, его выберут предводителем. Что ж это в пику мне?»

Но, кажется, о теперешнем выборе царь уже не знал. В то время, как Москва волновалась и так жарко толковала, он лежал на смертном одре^а.

«А»

8 февраля 1855 г.

Почтеннейший граф Арсений Андреевич!

Благодарю Вас покорно за сообщение мнения Вашего по предмету настоящих выборов; я со всею откровенностью отвечаю Вам. Не знаю, можно ли избрать меня по носимому мною званию^б, но ежели я буду удостоен избрания московским дворянством я не должен уклоняться от службы; наравне с каждым дворянином, не имея пред лицом закона никаких особых прав, и не давая места суждению, еще менее негодованию, если бы даже не утвержден был в звании начальника губернского ополчения, в каковой я могу быть избран. Легче всего могут найти людей способнейших и не в праздности дождавшихся преклонных моих лет.

24 года вошедши в службу по приказанию, я не был употреблен на службу действительную, и в теперешнем случае ни мало не удивлюсь и не приму к сердцу, если, как и прежде, не признан буду за годного. Впрочем, благодаря Бога, я доволен совершенно моим положением, ничего не желаю и, конечно, искать не стану.

Вот моя исповедь почтеннейшему графу и никому другому не скажу иначе.

Душевно преданный

А.Ермолов

---

^а Далее приводим приложения, обозначенные литерами «А» и «Б», вклеенные в текст Дневника.

^б Слева на полях пояснение П.И.Бартенева: «так как Ерм[олов] состоит на службе Членом Государственного Совета, то это могло быть препятствием, ибо выбирать следовало неслужащих».

«Б»

Московское дворянство, призываемое священным голосом царя, ополчается на защиту православной веры, на помощь угнетенным братьям, на охранение пределов Отечества. Оно просит Вас принять славное Начальство над его верными дружинами, и смеет надеяться, что Вы уважите его торжественное избрание. Сам Бог сберегал Вас, кажется для этой тягостной години общего испытания. Идите же, Генерал, с силами Москвы, в которой издревле Отечество искало и всегда находило себе спасение, идите принять участие в подвигах действующих наших армий. Пусть развернется пред ними наше старое, наше славное знамя 1812 года! Все русские воины обрадуются увидеть опять в своих рядах Вашу белую голову, и услышать Ваше любимое имя, неразлучное в их памяти с именем Суворова, от которого Вы получили первый Георгиевский крест, и, именем Кутузова, которому служили правой рукою на незабвенном Бородинском сражении. Неприятели вспомнят Кульм, Лейпциг и Париж, а с магометанских их союзников довольно и Кавказа, где до сих пор еще не умолкнул в ущельях отголосок Ваших побед. Да благословит Вас Бог, и поможет Вам вместе с достойными сподвижниками, доказать скорее ослепленной Европе, что Святая Русь остается неизменно Святою Русью, и, что русские, несмотря ни на чьи угрозы, несмотря ни на какие опасности, не позволяют никогда, никому прикасаться без наказания к их заветным святыням церкви, престолу и Отечеству!^а

Первые догадки о случившемся^б начались еще в пятницу, в самый день смерти: по телеграфу петербургские купцы требовали от московских как можно больше черного крепу. Но подозревать могли разве человек 10. На другой день, в субботу, утром получены три бюллетеня об его здоровье, ужасные своею краткостью. Никогда не забуду впечатления, которое они произвели на меня. Я сидел у Соболевского и оканчивал выписку о Шувалове из Санкт-Петербургских ведомостей прошлого столетия. Приехал М.Полуденский, затворился с Соболевским в другой комнате и вскоре уехал. Он сообщал, что видел священника, шедшего служить молебен о здоровье Государя. Соболевский показал мне листок особого прибавления к «Полицейским ведомостям». Словно гвоздь какой засело у меня в голову это известие. Я не мог ни о чем больше думать, едуци на обед к Васильчиковым. Александр Алексеевич встретил меня словами: «Il est déjà teurt»^в.

Зная его болтливость, я закричал на него в негодовании. В ответ он показал мне записку Сергея Оболенского, адъютанта при Закревском. Сомнения больше не было. Эти ужасные слова подавляли меня и не оставляли возможности не только говорить, но и думать о чем-либо ином.

^а Далее следует текст без даты, указывающий на обстоятельства смерти императора Николая I.

^б Речь идет о смерти царя.

^в «Он уже умер» (фр.).

Васильчикова, сказывал мне сын ее, бросилась на колени и долго со слезами молилась. Конечно, молиться следовало о судьбе Отечества. Немногие жалели о самом лице. Я изъявил опасение, чтоб чего-нибудь не случилось, особливо со стороны раскольников. Надо мною смеялись, и княгиня Черкасская даже держала пари, что ничего не будет, и, к счастью, выдержала. Но граф Орлов утром 18 числа сделал распоряжение, чтоб во все казармы петербургские никого не пускали постороннего. Закревский здесь тоже сделал, как я узнал от одного архивского чиновника, живущего близ Спасских казарм. Закревский знал обо всем еще в пятницу, когда царь по телеграфу прощался с Москвою; но скрывал в течение суток. Он сообщил известие одному С.М.Голицыну. Добродушный старик горько плакал, к изумлению всех своих окружающих, не понимающих причины. К вечеру, сказывал мне М.Полуденский, — он не мог утерпеть и выпросил у Закревского разрешения сказать кн. Трубецкому, дабы разделив горесть, облегчить ее.

Москва узнала о смерти царя позже Парижа и Лондона. Вот явление характеристическое. В Лондоне знали в 4 часа по полудни. В парламенте было объявлено, чтобы на этот день все взяли назад свои предложения, т.к. после такого события никто не будет в состоянии рассуждать о делах текущих. Наши севастопольцы получили известие от одного французского парламентаря, что подтвердил мне один из возвратившихся оттуда офицеров.

Какое-то глухое движение было на московских улицах во всю вторую половину субботы. Еще официально не б[ыло] объявлено, но все знали. Живо в памяти лицо Е. Ив. Елагиной; она не выражала ни малейшего смущения, напротив, лицо ее сияло радостью. Действительно, сколько надежд на будущее! Многие от полноты искреннего чувства могли сказать, что гора с плеч свалилась. Некоторые радовались тому, что Россия вновь не запятнала себя цареубийством. Хомяков в тот же день написал письмо Блудовой, где изображал состояние душ в тогдашние минуты, когда тысячи молились о ниспослании Божьего благословения новому Государю. Тогда же Хомяков написал проект адреса к Государю от московского дворянства. Вот этот истинно благородный верноподданный в настоящем смысле слова голос:

Государь!

По воле Божией великая судьба свершилась; все помыслы, все чувства твоих подданных сливаются в одно глубокое и душевное сочувствие с твоею несказанною сыновнею скорбью; все уста соединены одною молитвою, да даст тебе Господь силу к перенесению великого испытания. Тяжки времена, в которые Бог налагает на твою главу царский венец; но мужайся, царь России! Мы веруем твердо и несомненно, что Бог не оставит своей милостию сердечною союза царя с его народом. Московское дворянство, также как и все русские, готово принести на служение тебе и Отечеству все свои силы, достояние и жизнь».

Адрес этот, несмотря на все усилия, не был одобрен московским предводителем. Но, кажется, Государь читал его. Я на другой же день

поспешил отправить его к Блудовой, которая после отвечала, что он всем очень понравился.

Говорят, одним из первых приказаний нового Государя было остановить преследование раскольников. 20[-го] числа прибыл сюда П.П.Ланской (муж Пушкиной) с манифестом. Я с утра сидел у Каткова, ч[то]б поскорее прочитать его. В типографии была давка. Наконец, Катков прислал жене несколько экземпляров, и с одним из них я поспешил к Хомякову и Елагиным.

Манифест написан Блудовым и прекрасно. Около полудня, в прекрасную зимнюю пору, происходила присяга. Я отправился в Кремль с В.А.Елагиным и видел, как бежал народ с Ивана Велик[ого], уstraшенный падением колокола. Упал один из трех больших колоколов, висящих рядом каждый в особой нише, левый, если стоять задом к Спасской баше. Его зовут *реут*. Об этом теперь уже напечатано в «Ж[урнале] Мин[истерства] внутр[енних] дел», но, конечно, не сказано, что это случилось в день присяги. Колокол проломил потолок и пол церкви *Николы* Голстунского. Народ на площади только и толковал об этом. В Патриарший дом относили убитых и изувеченных. Лопухин сказывал Новикову, что колокольня, не дальше как года три б[ыла] починена, а местное начальство имеет свидетельство о прочности от архитектора. Любопытно, что один из церковнослужителей входил в свою комнату с самоваром в руках в ту самую пору, когда колокол падал. Он не двинулся дальше, остановившись в дверях и мимо его опустилась эта страшная масса. Другой, говорят, лег на опускавшийся колокол, как бы по инстинкту самосохранения, и остался цел. Колокол упал до самой земли, след[овательно] проломил несколько сводов. Все говорили о дурном предзнаменовании.

В тот же день я писал к Блудовой, и между прочим о том, как отец ее непременно должен просить за ссыльных 14 декабря. В ответе ее от 6[-го] марта, сказано: «Милость или помилование, о котором Вы говорите, во всяком случае бывает не на восшествие на престол, а на коронацию. Однако о сем уже было говорено и именно как вы думали; но есть люди, которые считают это опасным и стараются помешать. Что будет, один Бог знает». Так остается и до сих пор.

Это письмо я получил от Писемских через Ланского, отвозившего в Москву назад, после погребения Николая, царские регалии. Сказывают, что, когда Ланской привез манифест, по обычаю следовало его подарить за радостное известие. Купечество поднесло ему кубок, наполненный червонцами. Чертков приехал с рисунками ваз, предлагая выбрать какую угодно, и извиняясь, что нет готовой. Разумеется, Ланской отказался и предводитель дворянства остался в дураках.

Почти вся третья неделя поста прошла в волнениях. Беспреданно приходили известия и подробности о смерти Николая. Петр Васильчиков прислал своим очень подробное описание. Прилагаю его здесь вместе с письмами Барановой к дочери.

Печатная брошюрка «*Последние часы жизни*» писана Блудовым. Упомянутый на 12 странице некто из преданных есть дочь его, графиня

Ант[онина] Дмит[риевна]. Она в ночь на 18 служила молебен о здравии. Ей обязан царь...^a

Les lettres de la comtesse Y.F.Baranova a la princesse L.T.Golitsina^b

Saint-Petersbourg

18 fevrier 1855

Chère amie, l'exiguité de ce billet Vous fait prévoir que je n'ai absolument rien de consolant à Vous dire sur notre cher Empereur. Depuis hier, midi, son état a commencé à empirer et est allé de plus en plus mal. A 7 heures la paralysie des poumons a commencée. Les remèdes ne faisaient plus d'effet. L'Empératrice a été instruite du danger. C'est elle qui a proposé à L'Empereur de communier, c'est ce qu'il a fait à 3 heures de ce matin avec sa pleine et entière connaissance, avec calme et résignation, avec une voix forte quoique rauque. Il a béni ses enfants et ceux de l'Héritier, il a pris congé de l'oncle (comte Adlerberg) Orloff et Dolgoroucky. Il a institué l'oncle son exécuteur testamentaire. Ses forces diminuent; probablement il ne passera plus la journée. Il a été admirable de calme et de tout ce qui constitue le chrétien (?). Priez pour son Successeur et pour la Russie. Comme vous me manquez dans ce terrible moment. Je vous embrasse tous.

Y.B.^c

Saint-Petersburg

19 fevrier 1855

Mon enfant, pourquoi êtes-vous partie? Vous ne verrez même plus la dépouille de celui qui fut le père de son peuple et le bienfaiteur de nous tous. Je ne puis presque pas écrire, les larmes m'empêchent de voir ce que j'écris.

^a Далее в текст Дневника вклеены рукописные страницы, написанные по-французски.

^b Написано рукою П.И.Бартенева: «Письма графини Ю.Ф.Барановой к кн. Луизе Троф[имовне] Голицыной».

^b *Санкт-Петербург*

18 февраля 1885 г.

Дорогой друг, краткость этого письма Вам подскажет, что мне абсолютно нечего Вам сказать утешительного о нашем дорогом императоре. Со вчерашнего полудня его состояние начало ухудшаться и становилось все хуже и хуже. В 7 часов начался паралич легких. Лекарства больше не помогали. Императрица была предупреждена об опасности. Именно она предложила царю причаститься, что он и сделал сегодня в 3 часа утра, находясь в полном сознании, со спокойствием и покорностью, сильным, хотя и хриплым голосом. Он благословил своих детей и детей наследника и простился со своим дядей (графом Адлербергом), Орловым и Долгоруким. Он назначил дядюшку своим душеприказчиком. Его силы угасают. Возможно он не проживет и дня. Он был великолепен в своем спокойствии и всем тем, что отличает христианина. Молитесь за его наследника и за Россию. Как мне Вас не хватает в этот ужасный момент. Я вас всех обнимаю.

Ю.Б

(Перевод И.А.Смирновой)

C'est hier à midi et un quart que notre cher Empereur a rendu son âme à Dieu après avoir pris congé et avoir béni ses enfants et petits-enfants et avoir fait ses adieux à ceux qui le servaient.

Ses derniers moments ont été pénibles. Il méritait un meilleur sort, c'est pour lui éviter des peines, des injustices et pour le récompenser de tout le bien qu'il a fait que Dieu l'a pris.

L'Impératrice a été admirable de force et de caractère, de calme et de tendresse pour celui qui voyait en elle son ange tutélaire. Maintenant elle déchire le coeur par les larmes silencieuses et continuelles qu'elle verse. Je sais bien, j'ai même bien dormi, mais quel réveil!^a

Из письма Васильчикова:

В пятницу на 1[-й] неделе поста я был вечером у гр. Барановой. Она сказала нам, что Г[осударь] чувствует себя не хорошо, что с ним часто рвота, что он д[олжен] б[ыл] даже прекратить говенье и слечь в постель (с этих пор он не вставал). Накануне он чувствовал себя до того здоровым, что выехал смотреть войска в манеже и потом поел неосторожно крутой каши за обедом. В течение настоящей недели говорили, что Г[осударь] болен, но никто не придавал важности этой болезни. Вчера вечером на панихиде у гр. Кушелева (он умер вчера) Баранов сказал мне, что Г[осударь] очень болен, что положение его весьма опасное и что бояться воспаления в легких. Вечером после панихиды я был у Пашковых, Палены приехали туда и от них я узнал, что положение Г[осударя] отчаянное, что позвали во Дворец кн. Алекс[андра] Фед[оровича] Голицына, к[оторый] живет в одном доме с Паленами. Сегодня поутру в 11 часов я заехал по дороге на службу к гр. Барановой, и там я узнал, что конец близок. Я остался у гр. Барановой до 12 часов, потом отправился в Губернское правление. В половине первого один из наших чиновников пришел сказать, что все кончено. Г[осударь] скончался в полной памяти. Он б[ыл] болен горячкою, воспалением и вместе подагрой, к[оторая], кажется, бросилась на легкие, вследствие чего

^a Санкт-Петербурге

19 февраля 1855 г.

Мое дитя, почему Вы уехали? Вы теперь больше не увидите даже останков того, кто был отцом своего народа и благодетелем для нас всех. Я почти не могу писать, т.к. слезы мешают мне видеть то, что я пишу. Вчера в полдень с четвертью наш дорогой император отдал Богу душу, простившись и благословив до этого своих детей и внуков и сказав последнее прости тем, кто за ним ухаживал. Его последние минуты были очень тяжелыми. Он заслужил лучшей участи, и, чтобы его освободить от тягот, от несправедливостей, и чтобы его вознаградить за все то хорошее, что он сделал, Бог его взял. Императрица восхищалась своей силой и характером, спокойствием и нежностью к тому, который видел в ней своего ангела хранителя. Теперь она разрывает сердце молчаливыми и бесконечными слезами, которые она проливает. Я знаю хорошо, что сама я хорошо спала, но какое пробуждение!

(Перевод И.А. Смирновой)

боялись пустить кровь. Некоторые говорят, что он страдал печенью; окончательная причина смерти б[ыла] тоже что и батюшки — паралич легких. Вчера и даже 3-го дня доктора, кажется, знали, что ему жить недолго; но семейству ничего не говорили. 3-го дня вечером у Государыни б[ыл] М.М.Виельгорский и она тогда же написала сама очень милое и трогательное письмо к бедной Кат[ерине] Дмит[риевне] Кушелевой. Вчера вечером Конст[антин] Никол[аевич] был с женою на панихиде у его вдовы. Вчера поутру гр. Орлов дал знать гр. П.Палену, что Каррель находит положение Г[осударя] отчаянным; но, кажется, за исключением, может быть, самых приближенных никто в городе вчера вечером и не подозревал, как велика опасность. Мандт не отходил от Г[осударя]; Карреля призывали изредка; хотели позвать Рейнгольда и Пеликана на консультацию, но Г[осударь] не согласился. Каррель сказал императрице, что положение Г[осударя] очень плохо. Им[ператрица] спросила, успеет ли больной увидиться с М[ихаилом] и Ник[олаем] Ник[олаевичем] и Ольгой Николаевной. Каррель отвечал отрицательно. Вечером у Г[осударя] несколько раз был бред. В 12 часов Государыня стала уговаривать его причаститься; он сказал: «Неужели я так плох?» Потом позвал Мандта и спросил его: «Franchement comment me trouvez vous?»^a Тот сказал, что он в опасности. Потом Г[осударь] спросил о своей болезни, и когда Мандт отвечал, что он страдает легкими, Г[осударь] заметил: «C'est à dire j'ai une paralysie de poumons»^b. М[андт] отвечал, что это может случиться. Тогда Г[осударь] сказал Мандту, что он ему более не нужен, послал за наследником, разговаривал с ним с часу до четверти четвертого, потом исповедался и простился. Говорят, что он не хотел этого сделать прежде, потому что не чувствовал себя в силах приподняться на постели. Потом он призвал гр. Орлова и сказал ему: «Спасибо, Алеша, ты хорошо служил мне, служи так и сыну моему». После он велел придти Адлербергу, долго с ним беседовал, говорил с ним о своем завещании, отдал с величайшей ясностью и подробностью все приказания касательно похорон. Потом, кажется, часу в 10-м он беседовал с кн. Долгоруким.

Перед кончиною он часто бывал в забвении, глаза его б[ыли] тусклы, он гов[орил] невнятные слова. Впрочем, до с[амого] конца он б[ыл] большею частью в полной памяти; он со вниманием прослушал отходную, потом просил Им[ператрицу] прочесть Отче Наш, и после Воля Твоя, сказал: «*всегда, всегда, везде, всюду*». Потом он захотел приложиться к кресту. В[еликая] К[нягиня] Мария Ник[олаевна] вынула свой крест. Это, кажется, были последние слова его. Говорят, последние минуты были несколько беспокойны. Впрочем, кроме семейства никого не было тогда при нем, и вопль детей наследника и В[еликой] К[нягини] Марии Н[иколаевны] дал знать посторонним, что он скончался. Ночью после того как Госуд[арыня] посоветовала ему причас-

^a «Скажите откровенно, как Вы находите мое состояние?» (фр.).

^b «Говорят, что у меня паралич легких» (фр.).

титься, она не хотела было, несмотря на желание его, оставить его, она сказала: «Je veux rester, je veux mourir auprès de toi»^а. «Non, — отвечал он, — vous devez vivre pour l'union de la famille». Потом прибавил: «Soyez sur, quand l'heure viendra je vous ferai dire»^б. Когда Конст[антин] Ник[олаевич] в числе прочих б[ыл] при нем, он сказал ему и Александру, что они должны жить дружно, qu'ils sont les aimés, qu'il doivent rester unis»^в. Оба бросились друг другу на шею. Наследник страшно плачет, на Конст[антина], говорят, жалко б[ыло] смотреть, а Г[осударыня] показала твердость и силу невероятную. Г[осударь] говорил цесаревичу про Баранову и Адлерберга, что они больше всех его любили. К[огд]а приходили под конец минуты забвения, он произносил имена В[еликих] Кн[язей] М[ихаила] и Н[иколая] Н[иколаевиче]й. Впрочем, он не хотел читать их писем, полученных вчера вечером.

Странное зрелище представлял дворец. Я, кажется, мог бы пройти всюду беспрепятственно: всех пускали. Марья Ник[олаевна] провела ночь у Барановой. Поутру у ней я сидел возле стола, на котором б[ыли] разбросаны принадлежности ее туалета. Тело лежало на походной кровати, в небольшой комнате возле кабинета, где Г[осударь] обыкновенно спал во время болезни. Она б[ыла] покрыта простым стеганным одеялом. Черты лица ни мало не изменились, но как-то смягчились. К несчастью, я не мог проникнуть туда: я д[олжен] б[ыл] съездить домой за вицмундиром, а к[огда] я воротился, уже с трудом впускали. Я встретил в коридоре Адлерберга, Панина, Шувалова, Борха и нек[оторых] других. Вы не поверите, как странно было слышать от них «Maintenant, allons chez Empereur»^г. Только у подъезда, плачущие со всех сторон, все это производило какое-то странное впечатление.

Завтра поутру переносят тело в готическую залу (ночью будут бальзамировать). Оно простоит восемь дней во дворце, 7 дней в крепости до похорон. Вчера вечером послано по телеграфу к Ольге Ник[олаевне] и Анне Пав[ловне]: от 1-ой в 2 часа ночи получили ответ, что она едет. В[еликие] князья тоже извещены. Сегодня вечером читают завещание, писанное еще в 1844 г., завтра выход и восшествие на престол Александра II.

Важное известие: Меншиков сменил. Говорят, что он прислал сына хлопотать об этом, не чувствуя себя сам в силах распоряжаться и страдая от болезни. Впрочем, в среду вечером, к[огд]а о приезде сына его знали только по телеграфу, Госуд[арь] поручил наследнику написать к нему письмо, а к[огда] он ему объявляет свое намерение сменить его, и жалует сына его ген[ерал]-адъютантом. Государь поправлял письмо собственноручно, это последний раз, к[огд]а он взял перо в руки. Кн. М.Д.Горчаков заменяет Менш[икова].

^а «Я хочу остаться, я хочу умереть подле тебя» (фр.).

^б «Нет, — отвечал он. — Вы должны жить, чтобы сохранить семейный союз. И потом прибавил: «Будьте уверены, когда придет час, я вам скажу» (фр.).

^в «что должны любить, беречь друг друга» (фр.).

^г «А теперь пойдем к императору» (фр.).

Лидерс под его начальством командует дунайскою армиею. Менш[ико]в просил позволения остаться в Крыму, чт[обы] давать советы^а.

17 числа, когда болезнь Государя сделалась весьма опасною, Орлов едва мог уговорить тех, от кого зависела, печатать бюллетени, предостерегая, что в случае скорой смерти Гос[удар]я, народ будет почитать его отравленным на англ[ийские] деньги. Первый бюл[летень] вышел вечером, второй — утром 18-го, но остальные были разнесены уже по смерти Имп[ератора], поразившей всех как громом своею неожиданностью. Несмотря на бюл[летени] многие недоумевали. Конечно, это были люди, наименее развитые и простые. В ночь, предвидя опасность, Государыня предложила высокому больному приобщиться. Он принял это не за предложение предсмертного приобщения, но за приглашение покончить говение, которое прервала его болезнь в пятницу 1-й недели поста. Он выразил согласие, но заметил, что, как же он будет приобщаться, когда не может стоять? По совершении обряда, он по-видимому понял близость последн[ей] минуты, но вскоре забылся (в 4 часа утра) и пришел в себя не позже 11 часов. Т[огда] начал готовиться к кончине, благославляя детей (проведших ночь у его изголовья), внучат (оставшихся в комнате больного до последней агонии), и всю семью; неизвестны его политические завещания, но, кажется, он, умирая, был гораздо более семьянином, чем политиком, впрочем, призвал лиц высшего управления; все говорили шепотом и ходили на цыпочках. В 20 минут первого вышел один служитель из комнаты больного, хлопнул дверью и закричал: «Графа Панина!» Это значило, ч[то]б[ы] повестили Правительствующему Сенату собираться во дворец.

Быстро разнеслась неожиданная весть по городу, но б[ыла] принята холодно, особенно простой народ б[ыл] поразителен своим равнодушием. Более изумлены были отставные солдаты; что касается служащих, то я ничего не слышал. Почти все говорили: что же, нам бояться нечего, у нас наследник есть, или: один умер, другой будет. Один извошик заметил, что: вот уж некому будет и солдатиков рассматривать; и потом прибавил: да, чай какое ему житее было, сколько на своем веку съел и выпил хорошего! Около дворца б[ыло] несколько сотен народа, но по б[ольшой] части среднего сословия; стояло несколько верховых жандармов; но более для распорядка между экипажами, к[оторых] б[ыло] множество. В 1-м часу во дворце б[ыла] панихида; потом б[ыло] еще их несколько. На них плачет несколько дам, но прочие холодны. — Манифест писан Блудовым.

Все стараются публично не говорить о совершившемся, все имеют такой вид, как будто бы ничего не было.

P.S. По собственному распоряжению Им[ператора], в 4 часа утра б[ыла] дана повестка о его тяжелом положении в Москву, в Берлин прусскому королю, в Стутгард Ольге Ник[олаевне] и в Киев, дабы оттуда послали курьера за вел[икими] князьями в Севастополь. Еще при

^а Далее следует письмо от 17 февраля А.Н.Костылева, гувернера Демидова.

жизни покойного получен ответ из Киева, что курьер поехал. Прусс[ий] посланник Вертер послал от себя депешу в 6 час[ов] утра^а.

...тем, что перед смертью причастился св. тайн. Никто не решался сказать ему о приближении конца. Запискою своею, написанною в полночь, Блудова требовала от Мандта, ч[то]б[ы] он объявил умирающему его безнадежное положение. За это благодарили графиню письменно жена и дочь покойного.

Неудачно набальзамированное тело Государя скоро испортилось и пахло. Его покрыли каким-то составом. По желанию покойника поспешили похоронами. Из Москвы отправилась знать. Филарет сказался большим. Может быть он и дей[ствитель]но болен; но верно то, что его приглашали уже очень поздно, и при том не официально, и не прямо, а чрез кого-то дали знать. Сказывают, что во время выноса полиция дурно действовала, толпы народные оттеснили ее, и умели сохранить порядок и спокойствие. Места и окна на пути продавались дорогою ценою. Воейкова писала Елагиным, что по окончании всей церемонии, Государыня, вдова, еще раз велела взнести себя на катафалк, поцеловала в лоб, руки и ноги мужа, положила ему на грудь старинный образ греческого письма и сказала: «Молись за наших православных братий на востоке!»

Вообще, все это время было лучшим в жизни Александры Федоровны. Она обнаружила удивительную твердость и подтверждала евангельские слова о силе, в немощи совершавшейся.

На похороны ко всеобщему негодованию явился какой-то австрийский герцог. Стихотворение Тютчева на его появление распространилось повсюду:

«à Sa Majesté Apostolique».

Нет, мера есть долготерпению,
Бесстыдству также мера есть!
Клянусь его венчанной тенью,
Не все же можно перенести.
И как же грянет отовсюду,
Всеобщий, громкий вопль тоски:
Прочь, прочь австрийского Иуду
От гробовой Его доски!
Прочь с их предательским лобзаньем,
И весь апостольский их род
Будь заклеямен навек прозваньем:
Искарот, Искариот!

Ермолов нес на похоронах корону. Его приняли отлично. Молодой наследник посадил его и перед ним стоя говорил ему, что знает о кавказских его подвигах.

С.М.Голицын, возвратившись оттуда, сказывал Васильчиковой о неутешной скорби Государя, который не мог приняться за дела без слез.

^а Далее идет текст Дневника.

Ему хотелось после похорон ехать в Москву; но Голицын имел простодушие отсоветовать, говоря о сырости Успенского собора. Другие представляли на вид, что до 40 дней не следует оставлять дома родительского. Государь сказывал Голицыну, что у него голова идет кругом, куда не взглянет, всюду множество неустройств, что он молит Бога о ниспослании ему мудрости. При этом он заметил: «Мы четверо братьев еще прежде положили между собой ничего не скрывать друг от друга. Мы видели, как много зла происходило от того, что от батюшки утаивали».

В пятницу читали только завещание и печатали Манифест. Сказывают, что Государь приказал доложить ему, когда все будет готово к процессии и при этом назвать его просто Алекс[андр] Николаевич дабы словом: Им[ператорск]ое Высочество не поразить слуха матери. Так и было сказано. Но Александра Федоровна возразила: «Нет, не Ал[ександр] Н[иколаевич], а Ваше Им[ператорское] В[еличество]». Тут Государь с женою бросились перед ней на колени, она благословила их.

Затем последовали краткие речи Государств[енному] Совету, при чем изъявлена благодарность покойника каждому члену оногo и проч.

Государь тотчас же обнаружил твердость. Это доказала речь его Дипломатическому корпусу (23 февраля), которую он сказал сам, а не по сочиненному другими проекту, как это дельвалось^а.

Миллионы ждали нового голоса по части внутр[енних] распоряжений. К несчастью, он раздался о перемене обмундирования. Но, кажется, несомненно, что все это переодевание было приготовлено покойником. По крайней мере первым словом В[еликого] К[нязя] Николая Николаевича, когда он увиделся в первый раз в новой форме с Авророю Карловною Карамзиной, было уверение, что преобразование это принадлежит его родителю.

Уверяют также, что ныне прекратилось строгое наблюдение над пуговицами и обшлагами; будто бы даже на похоронах Государя многие шли в шубах и офицеры даже курили. Развод по общему отзыву гораздо менее прежнего. Давай то Бог; а то сколько уже раз приходилось убеждаться, в справедливости слов Карамзина, что герои вахт парада оказались трусами в сражень^б.

26 сентября [1855 г.]

Статья Погодина о пребывании Государя в Москве так замечательна, что я спешу записать здесь подробности об ее происхождении, сообщенные мне сегодня самим автором.

6 сентября, во вторник, на панихиде Уварова, к Погодину явился чиновник от министра двора, гр. Адлерберга¹⁵⁰ с просьбою указать литератора, кот[орый] бы мог написать статью о пребывании Государя в

^а В приложениях к Дневнику этой речи нет.

^б Далее в Дневнике пропущены пять чистых листов, а затем идут записи за сентябрь 1855 г.

Москве, «Прежде, — сказал он, — нам писал такие статьи Полевой; теперь я не знаю, к кому обратиться». Тут же он обещал сообщить от полиции нужные сведения. (!) Погодин отвечал, что по сведениям от полиции такой статьи написать нельзя, что ее прочтут в Европе, а там по приему царя в Москве будут судить о России, и просил сообщить о том графу Адлербергу (находившемуся тогда у Троицы). Приехав домой, Погодин стал опасаться, ч[то]б чиновник не переврал и не замедлилось дело, и отправил записку в том же духе в Военно-походную канцелярию (не адресуя ни на чье имя), где повторил о важности подобной статьи и просил, ч[то]б дали знать, в каком духе она д[олжна] быть написана. В среду приехал фельдъегерь от военного министра с формальным, весьма почтительным отношением, коим кн. Долгорукий приглашал его к себе в 9 ч[асов] утра, а если нельзя, то в час. Утром Погодин виделся с министром, переговорил с ним, и к 11 часам вечера привез ему статью. Тут начались долгие споры. Министр не одобрял многих выражений, однако взялся поднести для прочтения Государю. Прослушав статью, Долгорукой^а (в первый раз видевшийся с Погодиным) оживился и о многом говорил с Погодиным. Между прочим, когда он жаловался на множество дел, Погод[ин] сказал ему: «Если бы вы пустили меня в каждое министерство дней на 10, я половину бы дела вам сократил». «Как быть, — отвечал со вздохом министр, — у нас так завелось, такая машина». На вопрос о расположении умов Погодин[ин] прямо отвечал, что реляции из Крыму, в роде тех, что по очищении Севастополя, нового ничего на полуострове не произошло, опротивели и надоели; и смешное, но жалкое дело, министр просил написать ему несколько более приличных выражений, которые бы можно было печатать, когда Коцебу придет известие о том, что нового ничего нет. «Я один из поклонников ваших, — сказал Долгорукий, — и читал письма, к[оторые] Вы подавали покойному Государю. Но, извините, что впоследствии разных соображений, советы Ваши не б[ыли] приняты». Когда Погодин[ин] спрашивал, ч[то]б ему сказали для оставл[ения] статьи, какие намерения и виды имеет правительство в настоящую минуту, министр[истр] отвечал, что определенного ничего нет, и намерения меняются с каждым новым поворотом событий.

Утром след[ующего] дня, послав за Погодиным, министр отдал ему статью. Наверху первого листа рукою Государя написано (я сам видел) — «Можно» (карандашом) и ниже сделана поправка вместо 1838—1837. Написав записку в типографию и о разрешении печатать, Долгорукой уговорил автора смягчить два—три выражения. Именно в конце: вместо «давай нам средства» и проч. — «ты даруешь нам средства». Он уверял, что иначе будут толковать, будто у нас нет вовсе средств. Погодин, вероятно обрадованный успехом неожиданным, согласился. Досадно. То было гораздо прямее и отняло бы всякую возможность упрекать в двоемыслии. Я говорил о том автору, он только улыбался.

---

^а В тексте чередуется окончание фамилии.

Министр просил как можно скорее напечатать. Прямо из дворца Погодин поехал в типографию, где и набирали с черновой рукописи. На другой день к Назимову человек 15 присылали спрашивать, каким образом напечатаны подобные возгласы. Кн. Трубецкой, говорят, бесится. В Петербурге тоже многие не довольны и обиделись мыслью, что нам еще нужен наряд и устройство внутреннее. Императрица Мария Александровна читала статью в субботу же и благодарила лично автора. Великая Княгиня Елена Павловна очень была довольна и в разговоре с автором изъявила полное согласие с его мыслями.

Государь дозволил печатание поутру, 8 сентября, в день своего отъезда в Николаев.

Рескрипт Закревскому, столь искренний, вероятно навеян чтением Погодинской статьи. Сей последний писан, как уверяют, неким Суковкиным, который служит в Военно-походной канцелярии:

Двухчасовая беседа с Погод[иным] останется долго у меня в памяти. Он занят теперь статьею о чем бы? — О заведении сношений с Индией. Его просили написать ее какие-то Петерб[ургские] купцы, устраивающие кампанию для проведения железных дорог в Юго-восточном углу Европ[ейской] России. Он сам живой пример, как много способностей таится в р[усском] человеке, но он не р[усский] человек во всем; его «Москвитянин» явление вполне параллельное с книжною лавкою Кольчугина: чего там нет? И что это за хаос? И что бы могло выдти, как бы не мелочное скряжничество, как бы больше порядку и меньше медвежьих учтивостей?

От него пошел пешком и зашел к Соболевскому. Он повез меня осмотреть библиотеку Английского клуба. Дорогою сказывал, что молодой Уваров привез из Поречья до 400 писем к отцу его от Гёте, Штейна, Германа, и хочет их печатать. У него же готово томов на 5 русских исторических бумаг, к[оторые] намеревается он издавать в виде продолжения древней русской вифлиофики.

После я узнал от Каткова, что упомянутый чиновник Адлерберга приезжал к нему с просьбою написать статью о пребывании царском в Москве, но Катков отказался, к[огда] чиновник сказал, что статья эта назначается для «Сев[ерной] Пчелы», и указал на Погодина, на что чиновник отозвался с улыбкою: «Но ведь вы знаете, он пишет как-то странно».

В день появления статьи, к Назимову до 15 человек посылали осведомиться, каким образом он допустил ее напечатать. Впоследствии Назимов писал о том к военному министру, и замечал, что ее следовало бы обнародовать в каком-нибудь менее распространенном издании, а не в «Моск[овских] Вед[омостях]», которых расходится более 15000 экземпляров. На это Долгорукий ему отвечал, что, напротив, такую статью хорошо бы было напечатать столько же экземп[ляров], сколько жителей в России.

10 окт[ября]

Филарет у С.М.Голицына также выражал свое неудовольствие статьей Погодина: услышав о том, Погодин явился к Митрополиту и сказал о своем давнем уважении к мнению его высокопреосвященства, стал спрашивать, почему его статья не одобряется им. Митрополит уклончиво отвечал, что он сам не осуждал статьи, а только соглашался с мнением других. Ему не показался конец ее, и слово *льготы*; «подобные вещи, — гов[орил] он, — можно было передать частным образом, а не публично. Напротив, отвеч[ал] Погодин, я хотел, ч[то]б[ы] царь, дозволив опубликование, тем самым узаконил такой образ мыслей». Как будто у нас н[ет] льгот и средств к просвещению?» «А разве есть», — возразил Погод[ин], — да при том же когда мы молимся: «Господи, помилуй», это не значит, что Бог нас не милует». — Короче, Митрополит замешкался.

Теперь Погод[ин] по собств[енному] его выражению, хочет *припереть* Филарета *вилами*; пишет вопросы, с требованием на них ответы, и намерен, послав их Митрополиту прибавить, что как ответы его, так и молчание будут занесены в Историю. Каков.

4 окт[ября] утром в 10 ч[асов] умер Грановский. Долго я не мог опомниться от этого удара. Странное дело, не на одного меня, как узнал я после, эта смерть подействовала физически, именно расстроила пищеварение. Я хотел не думать о случившемся, между тем событие неотразимо теснилось в душу; мешало думать о чем-либо другом. По ночам бывало даже страшно. Меня влекло к его трупу, хотя я старался преодолеть это влечение, сам за собой подозревая неприличное в этом случае любопытство. В первый раз видел я его в с[амый] день смерти, в 8 часу вечера: покойник лежал на столе, еще не успев остынуть, с строгим, но вместе и как будто улыбающимся выражением все еще прекрасного лица. Он не похож был на обыкновен[ного] покойника. Вокруг стола стояли церковные шандалы, но они не горели. Не слышно было и псалтыря. На столе горело несколько стеариновых свечей. Нагнувшись над трупом, сидела на самом столе жена его, и беспрестанно то брала его руку, то прикасалась ко лбу и бороде. Ей все казалось, что он еще жив и в летаргич[еском] сне. Направо какой-то студент списывал с него портрет. Кругом стояло несколько студентов и знакомых умершего. Необыкновен[ная] тишина б[ыла] в комнате. Не было ни рыданий, ни сумятицы и беспорядка, к[ак] всегда господствуют в подобн[ых] случаях.

Когда я вышел из зала, в передней человек покойного Тихон сказывал мне, что он чувствовал себя утром очень хорошо, был весел, читал какую-то книгу и передавал ее содержание жене; попросил перевязать себе ногу, и вдруг побледнел и опустился на подушку (на кровати). Жена тотчас послала за доктором, но он закричал ей: «Не посылай, не нужно, это со мной бывает и сейчас пройдет». Это были последние его слова. Случившийся близко доктор (Пикулин) только несколько мгновений застал его в живых. Он успел только пожать ему руку, и Пикулин не знает, выражало ли это сознание страшной минуты или судорожное движение умирающего.

На другой день часу в 3-м лице уже все покрылось смертною бледностью. Стоял уже готовый гроб в стороне. Белые розы рассыпаны вокруг него, а в головах все стояла жена с каким-то немим выражением скорби, без слезинки и без всяких изъявлений. В стороне дьячек мерно и внятно читал умилительные слова Псалтыря. Кто-то сбоку еще срисовывал портрет. — Вечером в этот день он начал пахнуть и его бальзамировали (но не резали).

В четверг, 6[-го] числа, часу в 12 утра я уже не видел лица. Оно разлагалось и было закутано полотном: беспрестанно клали компрессы с холодной водою. Жена все стояла то в ногах, то у головы умершего. Множество посетителей приезжало поклониться праху. В газетах появилось известие, написанное Катковым. Разнесся слух, что Митрополит запретил класть на голову лавровый венок и Заиконоспасскому архимандриту Леониду говорить надгробное слово. — В 5 часов его перенесли в университетскую церковь. Я тут не был. Говорят, двое студентов шли впереди с корзинами и бросали по пути цветы. В ночь тело относили в Музеум и снова бальзамировали, ч[то]б как-нибудь удержать быстрое гниение.

В пятницу университетская церковь была битком набита. Служил Леонид и несколько священников. Поразительно было видеть, как во всех подробностях совершался церковный прекрасный обряд над человеком, к[оторый] еще месяц назад присутствовал тут на похоронах Уварова, с своим высоким, исполненным величия выражением и кот[орый] в жизни не скрывал, если не совершенного презрения, то по крайней мере полного равнодушия к уставам церкви. Проповедь говорил Терновский, официальную, с обыкновенными фразами. Я стоял возле гроба, по правую сторону, рядом со студентами. Слева, облокотившись на гроб, стояла жена покойного, все та же, немая, почти неподвижная. Изредка только она прикасалась к полуоткрытому челу мужа, приподымала покрывало и глядела на его руки. Когда запели умилительную песню, призывающую дать последнее целование, шандалы унесли, жена быстро поцеловала лоб и руки покойного и удалилась. Покров с лица сняли, и тут я чуть не задрожал, увидев это как-будто в половину уменьшившееся лицо, бледное, с земляным оттенком. Оно громче и лучше всяких проповедей говорило о ничтожестве. Подступившая толпа оттеснила меня и не дала возможности проститься. Назимов с профессорами вынесли гроб из церкви. Я не мог быть на Пятницком кладбище, боясь своего поноса и потом еще, что надобно было поспеть к вечерне и отслужить панихиду по маменьке (это день ее смерти). Говорят, что там было стечение народное. Кудрявцев речью на могиле всех прослезил. На закуске, приготов[ленной] на 400 ч[елов]ек говорили речи Погодин, Анке, Катков, Соловьев (залился слезами). Леонид д[олг]о не говорил надгробного слова, и венок лежал только в ногах, а кругом головы просто лежали цветы.

Кавелин нарочно приехал из СПб. — Назимов, сказывают, заметил профессорам, что будто не следовало произносить речей на кладбище. Соловьев возразил ему: «Ваше превосходительство! У нас в деревнях бабы воют на могилах».

Место на кладбище б[ыло] выбрано по желанию самого покойного, который давно говорил о том жене, прогуливаясь с нею там. На Пятницком кладбище похоронена одна из жен Фролова.

Студенты собрали деньги на памятник и бюст, к[оторый] будет поставлен в университетской библиотеке. Пошла просьба об утверждении подписки на стипендию: хотят выдавать ее одному из кончив[ших] курс кандидатов, желающих готовиться к магистерскому экзамену. Один Солдатенков уже обещал 5000 р[ублей] с[еребром].

За библиотеку покойного Раевская (вдова Ни[колая] Ник[олаевича]) предлагает 12 т[ысяч] р[ублей] с[еребром], предоставляя, впрочем, Университету купить ее и дешевле.

У этой Раевской Грановский учил детей. Года три назад, он мне сказывал, что она ему писала про меня (из Лондона), прося меня быть гувернером ее детей. Грановский призывал меня за этим; но сам отсоветовал соглашаться, представляя на вид тяжелый нрав госпожи Раевской, о чем я слыхал и от других. Библиотека эта составила из книг, привезенных Грановским из-за границы (тысячи на 2 р[ублей] с[еребром]); потом он покупал ежегодно (с 1839 г.) рублей на 500 с[еребром]. Следовательно, 12000 цена красная. Грановский б[ыл] за границу послан от Московского Университета. Граф Строганов предложил ему это, обратив внимание на статью об евреях, появившуюся в «Библиот[еке] для Чтения», кажется, 1835 года.

Он прожил несколько месяцев в Берлине и Вене; занимался неутомимо; учился много по латыни у Цумпта. — Тогда он посылал много статей в «Библ[иотеку] для Чтения», каких, теперь неизвестно.

Его История, писанная по поруч[ению] Правительства, не доведена даже до Рима. Он никак не мог сделать из нее учебник. Это скорее руководство для учителей с указанием источников и с характеристикой эпох. Он сам не был ею доволен. Бумагами его теперь заведует Кетчер; потом они перейдут к Кудрявцеву. Говорят, его письма необыкновенно хороши.

Все это мне сказал Леонтьев, у к[оторого] я сидел нынче часа два.

Кудрявцев почти всю нынешнюю лекцию (140 мин.) посвятил памяти Грановского. Он говорил, что всегда старался подражать ему и никогда не доходил до желаемого, что этот человек имел обширнейшие знания, что нет уголка в Истории, которого бы он не исследовал, что им были прочтены многочисленные исследования о Востоке, что вся черновая работа его оставалась в его кабинете, а на лекциях и публице он произносил только свои изяшные выводы и проч.

Леонтьев говорит, что Русские летописи он читал по мере их выхода. Перемены направления, по моему несомненной, Леонтьев не признает в нем, утверждая, что в нем не было ничего угловатого, а легкомысленные речи объясняет капризом и шуткою. Леонтьев сам 2 года слушал его лекции.

Жаль, что не записывал во время двух-трех рассказов, переданных мне покойником о Пушкине. Я помню их, но уже не так живо. Будучи студентом СПб. Университета, Гранов[ский] посещал Плетнева. У него он познакомился с Пушк[иным] в Царском Селе. После первой встречи они возвратились вместе домой, и, кажется, шли полем. Позже

Пушк[ин] между прочим говорил, что он не понимает, отчего так пренебрегают Булгариным, что, конечно, на большой улице немного совестно идти с ним рядом и разговаривать, но в переулке он готов с ним беседовать. — Раз как-то у Плетнева, при Грановском, Пушкин смеялся над излишнею заботливостью Жуковского о славе друзей своих и людей, им почитаемых. Он со смехом рассказывал, как Жуковский поправлял даже к[акие]-то стихи Ломоносова, именно из этой заботливости^а.

В журналах толковали о разорении Керченского Музея. Оказывается, вздор. Во 1-х, в Музее никогда не было ничего особенно важного, и там хранились из замечательных памятников только дублеты; во 2-х, из этого все лучшее б[ыло] увезено частью в Бердянск, частью в Ставрополь. Университету нашему предлагали даже (неофициально) взять даром это собрание, но Леонтьев, передававший мне все это, счел нужным отсоветовать, так как вещи не стоят денег за перевозку. И так в Музее оставались почти пустые шкапы. Когда здание разграбили, корреспондент газеты «Times», не зная дело, сгоряча написал о том в Лондон, и «Times», злясь на правительство, прокричала о том^б.

Директор Музея, Лиценко, теперь раскапывает в Екатеринославской губернии. С ним работает чиновник, не успевший спастись заблаговременно; он ехал на лодке из Тамани в Керчь, когда узнал, что в Керчи англичане. По чувству патриотизма бросился он в море, вплавь достиг берега, на малые с ним бывшие деньги, купил клячулошадей^в и кое-как добрался до Перекопа, где его сочли бродягой и неск[олько] времени держали в тюрьме, пока он не доказал свою подлинность.

29 ноября [1855 г.]

В последние годы царств[ования] Екатерины II заехал в Москву какой-то немец, по имени Коунс^г. По обычаю того времени он был, что называли атеист. Ему захотелось увидеть Платона, потому что слава московского Митрополита дошла и в Германию. Он отправился к Троице и в Вифанию, и там в саду встретил какого-то старичка, говорил ему о своем желании. «Это очень легко, — отвечал старичок. — Вы можете и поговорить с Митрополитом». Немец обрадовался, хотя тут же дал заметить, что он не очень уважает вообще духовенство, но ему любопытно видеть человека замечательного и столь славного. «Так приходите же завтра сюда и скажите, ч[то]б Вас провели к Митрополиту, а ему наперед доложу». Так и сделалось. На другой день Коунс с изумлением увидел, что вчерашний собеседник его б[ыл] сам Митрополит. Платон принял его очень ласково, сказал ему прямо, что из вчерашнего разго-

^а Далее оставлен чистый лист.

^б Далее на полях: «Леонтьев с гр. Перовским смеялись тому».

^в Так в тексте.

^г О нем смотри в 5 отрывке «Семейной хроники» (Примечание П.И.Бартенева).

вора узнал его образ мыслей, просил забыть в нем монаха, побеседовать откровенно, и так красноречиво и убедительно доказал ему истины религии, что Коунс навсегда отказался от прежнего и в последствии перешел в православие.

На прощанье Платон подарил ему образок преподобн[ого] Сергия, фольговый, на какой-то материи, в киоте. Коунс б[ыл] акушер и позднее, заехав в Оренбург[скую] губернию, принимал в одном русском семействе ребенка, которому и подарил Платонова благословение. Этот ребенок — Серг[ей] Тимоф[еевич] Аксаков, наш многоуважаемый писатель. Образок хранится у него свято.

РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 55. Л. 38—61. Автограф.

(Окончание следует)

Примечания

¹²⁸ Уваров А. С. (1825—1884) — граф, сын Сергея Семеновича Уварова (1786—1855) — графа, министра народного просвещения.

¹²⁹ Чаадаев П. Я. (1794—1856) — участник Отечественной войны 1812 года. В 1821 г. принят в Северное общество декабристов. В «Философических письмах» высказал критическое отношение к русской истории, православию, самодержавию, крепостничеству. За публикацию первого из писем был закрыт (1836) журнал «Телескоп», а Чаадаев объявлен сумасшедшим. В «Апологии сумасшедшего» (1836) выразил веру в славную будущность России. П. И. Бартенева познакомил с П. Я. Чаадаевым С. П. Шевырев, писавший 17 октября 1854 г. Чаадаеву: «Я убежден, что Бартенев обрадуется случаю услышать от вас все подробности общения вашего с Пушкиным».

¹³⁰ Храповицкий А. В. (1749—1801) — поэт, драматург, статс-секретарь Екатерины II. Автор «Записок» об императрице.

¹³¹ Снегирев И. М. (1793—1868) — с 1810 г. обучался в Московском университете на словесном отделении. Профессор латинского языка и римских древностей. Студенты не любили его за острый язык и подхалимство перед начальством.

¹³² Муравьев (Карский) Н. Н. (1794—1866) — участник Отечественной войны, с 1828 г. — генерал-майор, наместник Кавказа. Член Государственного совета, причастен к декабристскому движению. Близкий знакомый Пушкина.

¹³³ Смирнова-Россет А. О. (1809—1882) — жена Н. М. Смирнова, сенатора, губернатора Петербурга, дипломата, приятельница Пушкина в 1828—1836 гг., любимая фрейлина императрицы Александры Федоровны, одна из замечательных женщин своего времени. Ее литературный вкус и ее дар рассказчицы высоко ценил А. С. Пушкин. Бартенев часто встречался с ней в 50-е годы в Москве, бывал в ее литературном салоне, высоко ценил ее как друга Пушкина и мемуаристку. В «Русском архиве» он опубликовал часть ее воспоминаний и переписку с Аксаковыми, Гоголем, Жуковским и др. Ее воспоминания, связанные с Пушкиным, опубликованы (См.: Смирнова А. О. Записки, дневник, воспоминания, письма. М., 1929; Смирнова-Россет А. О. Автобиография. М., 1931); в серии «Литературные памятники» (1989) вышли ее «Дневник. Воспоминания», подготовленные и прокомментированные С. В. Житомирской.

¹³⁴ Никитенко А. В. (1804—1877) — цензор, профессор Петербургского университета, академик. Его дневники имеют большое историческое значение.

¹³⁵ *Кулиш П.А.* (1819—1897) — украинский писатель, этнограф, историк. Автор работ о Н.В.Гоголе.

¹³⁶ *Перовский В.А.* (1795—1857) — граф, флигель-адъютант. Окончил Московский университет, директор канцелярии Морского штаба, генерал-адъютант. В 1851—1856 гг. управляющий Оренбургским краем, самарский губернатор. В 1855 г. возведен в графское звание.

¹³⁷ *Мойер И.Ф.* (1786—1858) — профессор Дерптского университета, доктор медицины и хирургии, с 1836 — помещик Орловской губернии. Знакомый А.С.Пушкина. Позднее Мойер рассказывал П.И.Бартеневу о встречах с Пушкиным у Жуковского по возвращении поэта из ссылки в Петербург. Пушкин мог быть знаком и с женой Мойера — Марией Андреевной, урожденной Протасовой (1793—1823), племянницей В.А.Жуковского.

¹³⁸ Храм Николая Явленного был расположен на Старом Арбате, недалеко от дома, где в это время жил П.И.Бартенев в Серебряном переулке. Этот храм упоминался в «Войне и мире» Л.Н.Толстого, которого консультировал П.И.Бартенев в период написания этого романа: «Около середины Арбата, близ Николая Явленного, Мюрат остановился». Эта церковь снесена в 1920 г. и место это до сих пор не застроено.

¹³⁹ *Гильфердинг Ф.И.* (1798—1864) — управляющий архивом Министерства иностранных дел, «Главный Архивариус Империи», как его называл П.И.Бартенев. По службе в Министерстве иностранных дел он был дружен со старшим братом Хомякова — Федором Степановичем, а его сын, известный славист был дружен с Алексеем Хомяковым, большим другом П.И.Бартенева.

Гильфердинг А.Ф. (1831—1872) — сын Федора Ивановича, специализировался по истории сербов, болгар. Член-корреспондент Академии наук. По указанию А.С.Хомякова стал заниматься санскритским языком. В 1848 г. 17 лет поступил в Московский университет на историко-филологический факультет. В 1853 г. защитил диссертацию «Об отношениях языка Славянского к языкам родственным». Защитив диссертацию, он переселился в Петербург и поступил на службу в Министерство иностранных дел. В 1854 г. ряд его статей о балтийских славянах был помещен в «Москвитяине». Знаком был с Бартеневым, Кошелевым, Погодиным, братьями Хомяковыми. Как писатель отличался замечательной ясностью изложения, трезвостью взгляда и изяществом языка. Сочинения изданы в четырех томах (СПб., 1868—1874).

¹⁴⁰ *Стахович М.А.* (умер в 1858 г.) — писатель. В основном освещал сцены народной жизни. Его «Ночное» было популярно до революции. Писал также стихи и переводил немецких поэтов, в частности, Гейне. Написал воспоминания о П.В.Киреевском. По своим взглядам принадлежал к так называемой «молодой редакции» «Москвитянина». Был уездным предводителем дворянства в Елецком уезде Орловской губернии в период начинавшейся крестьянской реформы. Собирал народные песни и сразу записывал их на ноты (Выпущено 4 тетради). Был убит с целью ограбления своим бурмистром и письмоводителем.

¹⁴¹ *Малиновский И.В.* (1796—1873) — сын первого директора Царскосельского лицея, В.Ф.Малиновского. Лицейский товарищ Пушкина. По свидетельству К.Данзаса, перед смертью Пушкин сказал: «Как жаль, что нет теперь здесь ни Пушина, ни Малиновского, мне бы легче было умирать».

¹⁴² *Чижев В.Ф.* (1811—1877) — выпускник Петербургского университета. Издатель, богатый человек, был видной фигурой, бессменным председателем Ярославской железной дороги, с 1871—Московско-Курской, Донецкой и Саратовской. Участвовал в создании Беломорского торгового пароходства. Идеино был близок к славянофилам.

¹⁴³ *Норов А.С.* (1795—1869) — государственный деятель и писатель. Происходит из старинного дворянского рода. Учился в благородном пансионе при Мос-

ковском университете; не окончив курса, ушел юнкером в гвардейскую кавалерию и участвовал в Отечественной войне 1812 г. В Бородинском сражении был ранен в ногу, которую пришлось ампутировать. В 1823 г. перешел на гражданскую службу. В 1850 г. назначен товарищем министра народного просвещения, а в 1854—1858 гг. — министром народного просвещения. При нем набор студентов в университетах, и прежде всего Московском, был расширен (о чем говорит в Дневнике П. Бартенев), была установлена командировка магистров, по выбору университета, за границу, расширена программа преподавания древних языков. Он старался по мере возможности облегчить положение печати, находившейся в ведении министра народного просвещения. За литературные заслуги он был избран в члены Академии наук.

¹⁴⁴ *Коссович К.А.* (1815—1883) — выдающийся санскритолог, профессор Петербургского университета (с 1865 г.). Занимался также греческим и арабским языками. Свободно читал Магабхарату и «Рамаяну» и законы Ману. Печатался в «Москвитянине». А. Хомяков и др. славянофилы относились к нему с пониманием и участием. С 1858 г. стал читать лекции по санскритскому языку и литературе в Петербургском университете. В 1854 г. издал часть «Санскритско-русского словаря» (издание осталось незавершенным). Его труды приняты за основу в духовных семинариях.

¹⁴⁵ *Баранова Ю.Ф.* (1789—1864) — графиня, статс-дама, начальница Смольного института, родная сестра Владимира Федоровича Адлерберга, министра двора. Воспитательница детей Государя. Была замужем за Барановым, являвшимся потомком Ивана Ивановича Баранова, родоначальника эстляндских дворян.

¹⁴⁶ *Кетчер Н.Х.* (1809—1886) — врач, переводчик В. Шекспира. В 1830—1840 гг. — друг А.И. Герцена и Н.П. Огарева.

¹⁴⁷ *Раич С.Е.* (настоящая фамилия — *Амфитеатров*) (1792—1855) — воспитанник Московского университета (выпуск 1818 г.) — поэт, журналист, переводчик, издатель журнала «Галатея», в котором печатались отрывки из «Кавказского пленника», стихотворение «Муза», «Цветок» и др. произведения А.С. Пушкина. С Пушкиным он познакомился в Одессе. Бывал в салоне З.А. Волконской, часто встречался с Пушкиным. О нем он отзывался так: «выразитель чувств и дум русского народа».

¹⁴⁸ *Чертков А.Д.* (1789—1858) — историк, археолог и нумизмат, председатель Московского общества истории и древностей российских, основатель Чертковской библиотеки. Московский знакомый Пушкина (1830-е гг.). Пушкин был также знаком и с женой Черткова — Елизаветой Григорьевной, урожденной графиней Чернышевой (1805—1858).

¹⁴⁹ *Басня И.А. Крылова* «Конь и всадник» и до сих пор мало известна читателю. Интересно, пожалуй, заключительное четверостишие:

Как ни приманчива свобода;
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мера не дана.

¹⁵⁰ *Адлерберг В.Ф.* (1790—1884). Возведен в графское достоинство 1 июля 1847 г. В 1817 г. стал адъютантом Великого князя Николая Павловича, которому служил и после его воцарения. Затем был директором канцелярии военного министерства, в 1841 г. — главноуправляющим почт, в 1843 г. — генерал от инфантерии, с 1852 г. получил высокий пост министра императорского двора, который занимал и при Александре II до 1872 г. Был женат на Марии Васильевне Нелидовой, фрейлине, имел несколько сыновей.

НЫНЕШНЕЙ ПЛАНИРОВКОЙ АСТРАХАНЬ ОБЯЗАНА В.Н.ТАТИЩЕВУ

Август 1745 г.

В конце лета 1745 г. астраханский губернатор В.Н.Татищев приступил к решению насущного вопроса, связанного с перепланировкой города. В первой половине XVIII в. Астрахань была самым крупным городом в Нижнем Поволжье. В нем проживало много выходцев из восточных стран, часть из них приняла российское подданство. Пестрый национальный состав города, который к тому же часто посещался торговыми караванами, сформировал своеобразный облик Астрахани, где соседствовали европейские и азиатские черты. Как и в большинстве провинциальных городов России, в Астрахани преобладала деревянная застройка. Строительных материалов в достатке не было. Окруженный полупустынями, город испытывал в них определенный дефицит. Строительный лес завозился сюда из других российских губерний и продавался в городе на специальном базаре. В городе постоянно требовались плотники.

Астрахань не отличалась стройной планировкой улиц и кварталов. Жилые дома соседствовали с торговыми рядами. На узких улицах было тесно от прохожих и работников, доставлявших товары к лавкам. Помимо гражданских лиц, в городе был расквартирован крупный военный гарнизон. Солдаты проживали на квартирах у населения. Жаркий климат, скученность строений жилого, хозяйственного и торгового назначения часто приводили к пожарам, которые приносили большой ущерб горожанам. Так, в 1741 и 1743 гг. в Астрахани произошло два крупных пожара, сгорели дома и торговые лавки у многих жителей.

В.Н.Татищев понимал, что городу необходима перепланировка. С этой целью и было проведено совещание, подробная информация о котором содержится в публикуемом документе. В совещании приняли участие руководители астраханского гарнизона, полиции, губернской канцелярии, представители русского и иноземного купечества. Речь шла о необходимости обеспечить безопасность купеческим товарам на случай пожара в городе, о поэтапном строительстве новых жилых и торговых кварталов.

Следует подчеркнуть, что к вопросу обеспечения безопасности населения на случай пожара участники совещания отнеслись не менее серьезно, чем к вопросу сохранности торговых товаров. Ими были установлены новые границы улиц, оговаривалась их ширина и расстояние между домами. Все торговые ряды (горянский, мясной, рыбный, лесной) переносились на берег притоков Волги — рек Кутум или Криуши. Здесь же должны были строиться складские помещения. Учитывая то обстоятельство, что места там были низменные, комиссия рекомендовала строить амбары из любого материала, но обсыпать их землей. Это тоже должно было способствовать недопущению распространения пожара, если он достигнет склада со стороны жилья или возникнет непосредственно на нем.

Перепланировка города, помимо противопожарных мер, преследовала и оборонительные цели. Расширенные улицы должны были обеспечить более быстрое передвижение войск, строительство нового каменного гостиного двора на набережной Волги, примыкавшего к крепости, задумывалось как еще одно оборонительное со-

оружие. Хлебные амбары переносились ближе к крепостной стене с таким расчетом, чтобы в случае неприятельского нападения весь провиант с них можно было быстро перенести внутрь главной крепости. План перепланировки Астрахани был одобрен правительством России без каких-либо замечаний.

Публикуемый документ хранится в Государственном архиве Астраханской области (ГААО), в фонде Астраханской губернской канцелярии (Ф. 394). Текст написан чернилами темнобурого цвета на двух листах с оборотом. Для него характерно использование в графике письма различных стилей от полуустава до гражданского шрифта. Например, автор текста использует при написании буквы «Д» как характерное для южнославянского полуустава «Д» с удлинёнными нижними концами, так и скорописное «Д» с одной петлей, положенной на длинную строчку, а также современный вариант этой строчной буквы «д». Большим разнообразием отличается и написание буквы «В». Кроме того, можно отметить присутствие и такого отличительного признака полуустава, как титло, который ставился над сокращённым словом господин. Все это свидетельствует о том, что в середине XVIII в. в Астрахани в государственных учреждениях писцами при написании деловых бумаг применялись различные формы графического написания шрифта. Преобладающими были скоропись и гражданский шрифт, но использовался и полуулав.

Публикацию подготовил И.В.ТОРОПИЦЫН.

Совещание губернских властей по вопросу перепланировки города Астрахани

17 августа 1745 г.

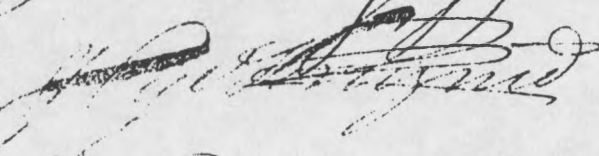
(Л. 287) От 1745 года августа 17 дня по указу Ея императорского величества собранные для рассуждения по поданному в астраханскую губернскую канцелярию сего августа 8 дня от инженер майора Кутузова доношение, коим требует по сим приписания в том доношении присланных из канцелярии Главной артиллерии и фортификации прошлого 1744 июня 10, июля 31 и сего 1745 годов апреля 23 числа указов, снесшись с астраханским магистратом и полицейской конторой, учинить распределение ново и здешних обывателей кого надлежит вон из города вывести и кому в городе вновь строится и протчие; г-н тайный советник и астраханской губернии губернатор Татисчев, господа полковник и астраханский комендант Кнутов от артиллерии майор Малыгин, инженер майор Кутузов, капитан и полицмейстер Белов, с астраханского магистрата президент Кобяков, бургомистры Лошкарев, Чарин, ратман¹ Тепешев. При той же оной инженер майор принес с собой учиненной и опробованной астраханской крепости план. Тогда артиллерии майор Малыгин от того совета отказался, объявляя что ему о крепостном и городском строениях в присутствии инженер майора Кутузова рассуждать не надлежит, а естли б оного инженер майора Кутузова не было, то б он рассуждать должен. После того подписавшиеся под сим по ознакомленному плану усмотрено: 1) улиц назначено весьма много а двory малые и ни один двор цел не останеца, от чего гражданам последует немалое разорение и многие не уместяца, 2) улица большая конец снесет весьма низко в грязь, она ж проведена вся чрез двory, 3) Гарянскому и мясному

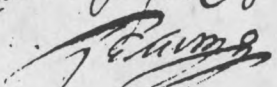
рядом места показаны за Кутумовой весьма низкие, 4) Хлебным амбарам место показано у самого жилья, где опасно от пожара; и для того разсудили представлять в канцелярию Главной артиллерии и фортификации: 1) чтоб улицу большую по самому Бугру положить прямо от Пречистенских ворот к Вознесенским или, мало дело, влево миновав, чтоб была подле Рождественской церкви, для которого индейского двора² часть отломать, а гостинный русский двор и без того ветх надобно перестроить на том же или на другом месте, а понеже оная улица придет прямо в бастион³, для того не соизволено ль будет со обеих сторон полигоны поворотить, чтоб она пришла прямо в куртину⁴. 2) Меж улиц к дворам положить место поперек по тридцати сажень а в длину от улицы до улицы не меньше от осмидесяти до ста сажень. 3) Горянской ряд⁵, который к низу выгорел совсем, построить за Кутумовой на таком месте, чтоб можно было делать погребца низменно близ рыбных погребов или на приверхе Кутумовой близ Волги⁶, чтоб близь оного сажень до пятидесят никакого жилого строения не было. 4) Мясной ряд уместить меж бастионами к Кутумове или по Криуше⁷, а рыбному ряду лутче быть где низ деловой двор. 5) мучные амбары, мнитца, лучше быть ниже угольного бастиона под Кутумовой в транжаменте⁸, и хотя оные будут близко крепости, токмо от жилья неблизко; во время же неприятельской опасности можно оные вскорости сломать, а правиант уместить внутрь главной крепости. 6) Гостинный двор русский построить каменной по Волге за Горянскими вороты, во оной такой зделать, чтоб мог служить ко обороне за крепость, и для того примкнуть к нему крепость. Длина же оного довольно видится сто двадцать сажень, а поперек сажень тридцать или до сорока сколько место даст и сквозь оного будут вороты к Волге. 7) Для клажи лесов всяких продажных отвесьть место за Кутумовой или по сю сторону, где б близко никакого строения отнюдь не было, и оное избрав способное астраханскому магистрату сообщить ко инженерной команде. 8) Татарам всем слободу назначить в углу меж канала и Криуши в транжаменте, где им назначить и мечети по указу. 9) Что же инженер майор требует о ломке дворов иначе оною учинить без великого вреда невозможно пока же время стало грозное, а лесов и плотников сыскать невозможно, наипаче же ломкой той в квартирах не токмо постой великой, но и жителей уместить будет негде, для того просит магистрат, чтоб ту ломку меньше на год отложить. По мнению нашему, оное нынче надлежит оставить доколе от большей улице решение учинено будет, а представить, чтоб повелено было оную Вознесенскую улицу первая перестроить, а потом в другой год другую зачать, и тако могут все без великой трудности перестроитца. Кому же по которой улице строится о том магистрату обще с полицией учинить расписание и по инженерной команде сообщить. Понеже по большей улице надлежит тем строитца, которые иметь будут свои лавки, и оное и сколько кому мерено по улице места отводит зависит в рассмотрение магистратом, и посему для ведома из надлежащего исполнения в магистрат при промемории в полицию, при указе да по инженерной команде для сочинения по сему прожекта, при указе ж послать с сего копий. Об

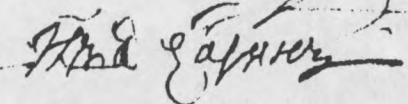
581
1745

1745. Во 2а августа 17. дня по Указу Ея
 Императорнаго Величества собра
 ныя для рассудения по прошашному вассра
 хаиную Губерниую Капцелярию село август
 8. дня в х. Шибр ма Дора подвзопа зоо
 шивш поимъ прѣдустав поимъ арѣлисаимъ
 втпавъ зоошидиѣи прислаише Монаццелари
 Главных артиллерій М. Фортш Аннацій прѣз
 шило 244. июля 10. июля 31. июля 245. Во 2а
 а прѣля 23. июля Указомъ Сенскихъ Сатра
 хаинныхъ мадистратовъ Иполцелестеръ
 иудъ пайторохъ Указомъ распрѣдѣлише ново
 прѣдѣлише обыватиелѣи назѣвхъ вонъ
 мслорода втпавъ поимъ вѣороде виво в
 стройтца прѣотѣе; Указъ пайнохъ советнхъ
 настрахаиню Губернию Губернаторъ па
 тхеевъ 2а поимовишъ настрахаиню
 каидѣраитъ Указомъ артиллерій ма Доръ
 малѣгивъ нѣлирѣ ма Доръ подвзопа Зап
 таивъ Иполцелестеръ Геловъ астрахаиню
 мадистрата прѣзидѣитавъ поимовъ бурдомъ
 стирѣ лошнарѣвъ харивъ ративавъ тлѣтѣе
 прѣтѣе оной нѣлирѣ ма Доръ архидѣ
 Словъ Указомъ по ардовашной астраха
 иню прѣтѣе тлѣтѣе поимъ артиллерій ма Д
 малѣгивъ втпавъ совета онагѣя вѣпѣя
 сто имъ оирѣтѣитавъ и доро зопоавъ стрѣошн
 вѣтѣрѣ стѣи нѣлирѣ ма Дора подвзопа
 распрѣдѣитѣе нѣлирѣ стѣи аѣтѣлѣ оной
 нѣлирѣ ма Дора подвзопа ишло то вѣ
 оивъ распрѣдѣитѣе поимъ поимъ то по
 са вѣтѣишѣ поимъ поимъ вѣтѣишѣ поимъ

авия Коное ииолю под мѣроу поучице
 мѣста двояты завяжыты вра сго стрѣиіа
 мади (стра тинонѣ) и послы эля вгозома риа ле-
 хачега (спѣишиа вмази стравш прх прѣмѣ
 моріи ополыцѣ прхуназе дано ѿ еи ериой
 понаше) и эя сожишиа поимѣ про ѿ еи ма
 прхуназе эв поимѣ (сего попій ѿ стрѣ
 нѣхъ) То стѣиого двора стрѣиашевъ рѣзано
 зоиѣты Рѣрствѣиной наморѣ холлѣгій
 (10) хотѣа обш елопазачо Етто зарѣиной
 рѣдѣ пострѣхты эѣ поно длатѣ поѣре
 та поимѣ Натрѣхѣрхѣ и подможи зашшо
 стѣи мѣста попашѣ поѣрѣдѣовъ хотѣа э
 латѣ иио ѿно номѣто (тако вѣишѣа
 взопаиое и э прхходѣ) вѣишѣа стѣио боиое
 поѣрѣдѣа моѿно зѣлатѣ ѿ шѣишѣа

т татуру

Салтисинъ Ставица и в сѣмъ вѣишѣа

взоглядѣти на гарины

рашма и ва шѣишѣа

строениях Гостинного двора с прописанием резонов донесть Государственной камор коллегии. 10) Хотя выше показано, чтоб Горянской ряд построить, где б можно делать погреба, токмо на приверхе Кутумовой заниско тем места показаны. Погребов хотя делать не можно, стало от жилья безопаснее и к приходу судам свободнее. Погреба ж можно сделать обсыпные.

ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1153. Л. 287—288об. Подлинник. Рукопись.

Примечания

¹ Ратман — член ратуши или магистрата.

² В Астрахани находился индийский торговый двор, в котором проживали индийские купцы.

³ Бастион — выступ в укреплении.

⁴ Куртина — часть вала между двумя бастионами.

⁵ Горянский товар — крупный щепенный товар: лады, клепки, обручи, лопаты, дуги, совки, оглобли. В Астрахани был особый горянский ряд, где торговали этими товарами.

⁶ Кутум — рукав реки Волга.

⁷ Криуша — рукав реки Волга.

⁸ Ретраншемент — внутренняя оборонительная ограда в крепостях и укрепленных лагерях.

«КУРЬЕЗНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ, СДЕЛАННОЕ АМЕРИКАНСКОЙ ПЕЧАТЬЮ»

Из переписки членов Политбюро ЦК РКП(б). 1922 г.

Летом 1922 г. к вождям большевистской партии обратился американский издатель С.Снеуэк. Он предложил Л.Д.Троцкому и В.И.Ленину подготовить серию публикаций (брошюр) по истории русской революции для освещения этих материалов в американской печати. Получив письмо американца (док. № 1), Троцкий (письма шли на его имя, так как Ленин в это время был болен) обратился к членам Политбюро ЦК РКП(б) с запиской (док. № 2), в которой высказал свое мнение по этому поводу. Отмечая, что пропаганда идей и исторического опыта российской революции имела бы для большевиков «известное положительное значение», он считал, что есть и другая сторона вопроса. «С коммунистической точки зрения», по его мнению, отрицательное значение такой публикации было бы более весомым. В документе нет объяснения того, почему так считал один из вождей революции. Однако косвенное объяснение этого содержится в письме Ленину, направленном И.В.Сталиным сразу после получения записки Троцкого в Политбюро (док. № 3). Оказывается, камнем преткновения для советских лидеров стал вопрос о судьбе гонорара за возможную публикацию. Мнения разделились.

Троцкий оказался самым «идейным» членом руководства — он считал неприемлемым для большевика получать деньги от «империалистов». Сталин полагал, что раз такой вопрос возник, то деньги можно было бы передать в пользу американских безработных, но предлагал обеспечить должный контроль за издателями. Тогда получалось бы, что планируемый «идеологический заряд» для американской аудитории будет вполне обеспечен, а вождь большевизма не будет мучить вопрос о получении денег от «акул империализма». В случае же, если издатели обманут, можно устроить скандал и получить дополнительную идеологическую выгоду.

Иной была реакция Ленина (док. № 4). Оставив коммунистическую риторику в стороне, он проявил вполне свойственный ему еще с дореволюционной поры практицизм. Ленин поставил вопрос о том, «сколько денег сейчас мне в руки»? Поинтересовался, каковы сроки представления рукописи и главное — размеры (надо полагать, авторского вознаграждения, поскольку объемом издатели не ограничивали). Что же касается помощи обездоленным рабочим, вождь мирового пролетариата заявил, что «сам сумеет отдать коммунистам» часть гонорара.

Судя по документам, обращений американского издателя к Троцкому было, по меньшей мере, два. Однако первое его письмо обнаружить в архивах не удалось, равно как и самих предложений издателя.

В этой краткой переписке отразилась вся гамма нюансов не только во взаимоотношениях между тремя главными лидерами большевистской партии осенью 1922 г., но и проявилось их отношение ко многим актуальным для того времени вопросам. В заключение отметим, что из «американского проекта» в итоге так ничего и не вышло. Материалы этой переписки находятся на хранении в РГАСПИ и в АПРФ.

Публикацию подготовил доктор исторических наук А.А.ДАНИЛОВ.

№ 1

Письмо С.Снеуэка Л.Д.Троцкому

*г. Москва**27 августа 1922 г.*

Министру Троцкому

Милостивый государь!

Я опасаясь, что благодаря краткости моего первого письма Вы недостаточно уяснили себе сущность моего предложения. Поэтому я осмеливаюсь обрисовать мой план более подробно, надеясь, что после этого Ваш недостаток времени не будет уже больше препятствием к осуществлению моей просьбы. Между прочим, прошу Вас обратить внимание, что я не назначаю никакого срока для исполнения моего предложения. Убедительно прошу Вас не отказать прочесть нижеследующее^а.

Искренне преданный

Самюэль Снеуэк

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 362. Л. 3. Машинописная копия.

№ 2

Записка Л.Д.Троцкого членам Политбюро ЦК РКП(б)

8 сентября 1922 г.

Совершенно секретно

Членам Политбюро (в круговую)

Прилагаю курьезное предложение, сделанное американской печатью. Несомненно, самый факт предложения есть симптом крупного поворота американской буржуазии. С точки зрения «советской» напечатание таких статей имело бы известное положительное значение. Но с коммунистической точки зрения результат был бы отрицателен, и полагаю, что отрицательный результат был бы крупнее положительного. Поэтому предлагаю на предложение не отвечать.

Л.Троцкий

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 362. Л. 2. Машинописная копия.

№ 3

Записка И.В.Сталина В.И.Ленину

8 сентября 1922 г.

Т. Ленин!

Я лично думаю (вопреки Троцкому), что можно было пойти на предложение С.Снеуэка с тем, чтобы весь причитающийся авторам до-

---

^а Приложение к этому письму, в котором, очевидно, были конкретные предложения о проекте, в данной коллекции документов не обнаружено.

ход пошел в кассу «организации безработных» Америки или, вообще, в пользу безработных Америки, ввиду чего должно быть предоставлено безработным одно место в администрации издательства проектируемых брошюр для контроля.

Я думаю, что если повернем дело в этом направлении, то инициаторы американского проекта будут пойманы (и биты), и отрицательные стороны предложения будут перевешены положительными.

И. Сталин

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 362. Л. 1. Машинописная копия.

№ 4

Пометка В.И.Ленина на письме С.Снеуэка

17 сентября 1922 г.

По-моему, надо запросить автора о подробностях. Кратко: сколько денег сейчас мне в руки? Срок сочинений? *Размер?* Условия? Тогда обдумаем детально. 50% я сам сумею отдать коммунистам.

Верно:

*Ленин
С. Чечулин*

Подлинник передан в Институт им. тов. Ленина.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 362. Л.3. Машинописная копия.

Трудовые конфликты в Советской России. 1918—1929 гг. М. Эдиториях УРРС. 1998. 360 с.

Ответственные редакторы: Ю.И. Кирьянов,
В. Розенберг (США), А.Н. Сахаров

Рецензируемый сборник посвящен теме, по поводу которой читатель 10—15 лет тому назад мог спросить: разве были стачки в советское время? До сих пор не было ни одной специальной работы о стачках и других трудовых конфликтах в 1920-е гг., хотя упоминания о них встречались. Между тем, как показано в вышедшем издании, по количеству стачечников отдельные годы рассматриваемого периода не уступали показателям досоветского времени, если не принимать во внимание годы высшего подъема борьбы (1905—1907 гг., 1912—1914 гг. и др.). Вышедший сборник выводит читателя и исследователя на выяснение целого ряда вопросов, связанных непосредственно с этой, не разработавшейся ранее темой, и более широких: причины и масштабы стачечного движения в советское время, общее и особенное в стачечном движении в 20-е годы и в досоветское время, профессиональные и региональные особенности, роль профсоюзов на различных этапах движения, отношение властей к стачечному движению и причины его резкого спада в конце 20-х гг. Все это говорит о том, что вышедшая книга не может не привлечь к себе внимания.

Издание выполнено по международному проекту, который субсидировали Мичиганский университет (США) и Российский гуманитарный научный фонд. Участниками авторского коллектива и редколлекции, наряду с российскими, были и американские исследователи (В. Розенберг, Д. Кенкер и О. Виравовская).

Учитывая, что это первое специальное издание о стачечном движении и иных трудовых конфликтах в 20-х гг., авторы выбрали многоплановый подход к своей работе. Она имеет ряд самостоятельных разделов: здесь и очерки методологического и историографического характера, и обзоры материалов газет и журналов о стачках, и обзоры документов ряда архивов Москвы и Петербурга, содержащих сведения о стачечном и конфликтном движении, и хроника стачек за 1928 г., и обширный раздел документов о стачках в 1918—1929 гг., включая материалы высших партийных, советских и профсоюзных органов.

В рецензии, учитывая профиль журнала, авторы акцентируют внимание на обзорах архивных документов, хронике и их подборке.

Как уже было отмечено, особый раздел состоит из 10 статей, в которых собраны материалы из фондов центральных архивов Российской Федерации. Различные сведения и факты о трудовых конфликтах, нередко сопровождавшиеся прекращением работ на национализированных предприятиях, отложились в делах партийных, профсоюзных органов и подведомственных им учреждений и организаций, хранящихся в РГАСПИ (бывший РЦХИДНИ) и ГА РФ. Документы дополняют и конкретизируют друг друга. В статье анализируются материалы о выступлениях рабочих, экономических и политических забастовках, волнениях, итальянских забастовках, массовых собраниях и митингах, в основном, на предприятиях государственного сектора промышленности, в строительстве, на транспорте, а также на частных предприятиях. Хронологические рамки публикуемых документов отражают весь рассматриваемый период. Источники из фондов РЦХИДНИ и ГА РФ содержат большой объем информации о различных формах коллективных протестов рабочих и способах их разрешения.

Документы, находящиеся в Центральном архиве общественных движений Москвы (ЦАОДМ) дают возможность выявить объективные и субъективные причины стачек и иных конфликтов в Москве, Московской губернии и других регионах России.

Материалы фонда Московского комитета РКП(б) содержат чрезвычайно важные сведения, помогающие лучше понять жизнь рабочих, деятельность профсоюзов и других общественных организаций. В фонде имеются сводки Московской чрезвычайной комиссии (МЧК) о политическом состоянии общества и его отдельных слоев в 1920-е гг.

Изучением фондов Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) о трудовых конфликтах занимался М.В.Шкаровский. Автор анализирует документы отраслевых и местных профсоюзных организаций, промышленных предприятий Петрограда и Петроградской губернии. Первые рабочие протесты в советском Петрограде начались в начале 1918 г. по мере нарастания экономического и политического кризиса в стране. Основным источником для изучения конфликтов послужил фонд Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда, лишь несколько лет назад ставший доступным исследователям. Приводятся интересные материалы о забастовках, связанных с политическими событиями лета 1918 г. Фонды профсоюзов Петросовета, а также крупнейших заводов и фабрик позволяют достаточно полно представить картину забастовочного движения в Петрограде. Приведенные примеры увязываются автором, прежде всего, с экономическим и политическим кризисом 1921 г. Материал свидетельствует о том, что отношение властей к стачкам меняется, в связи с чем и их освещение в печати почти исчезает.

Документы о конфликтах и забастовках на предприятиях Ленинграда по фондам Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга были выявлены Н.Б.Лебедевой. В фондах партийных органов и профсоюзов, наряду с документами, содержащими оперативную информацию, имеются ценные сводки и обобщающие документы.

В очерке С.С.Федоровой дана характеристика документов Российского государственного архива военно-морского флота (РГАВМФ). Они отражают конфликты рабочих Петроградского, Кронштадтского, Севастопольского и Николаевского военно-морских портов, где на заводах и в мастерских были сосредоточены основные рабочие силы морского ведомства. Наиболее активно рабочее движение, согласно документации этого архива, развивалось в первые годы после установления советской власти. Этому способствовал рост дороговизны продуктов питания, недостатка хлеба, низкая оплата труда. Из представленных документов выясняется пассивное отношение рабочих Петрограда и Кронштадта к Кронштадтскому восстанию.

Интересные сведения о трудовых конфликтах содержат материалы фонда ЦК профсоюза рабочих легкой промышленности ГА РФ (авторы М.Ю.Русакова и Ю.И.Кириянов). Авторы характеризуют следующие виды документов: копии протоколов, собраний, заседаний третейских судов, инструктивно-нормативных документов ЦК профсоюзов, сводных статистических таблиц о забастовках, заявлений и писем отдельных лиц и групп трудящихся.

Исследования тех же авторов фонда ЦК профсоюза деревообделочников и фонда ЦК профсоюза рабочих водного транспорта ГА РФ показали, что в фондах имеется добротная информационная основа, дающая возможность получить представления о различного рода конфликтах вплоть до конца 20-х гг.

Особый интерес вызывает раздел о хронике стачек в 1928 г. В хронике содержится краткая информация о трудовых конфликтах на предприятиях различных отраслей легкой и тяжелой индустрии. Источниками для ее составления явились неопубликованные документы и материалы из ряда фондов центральных архивов Мо-

сквы и Санкт-Петербурга, сведения извлечены из фондов Государственного архива Пензенской области.

В последнем разделе представлен массив впервые вводимых в научный оборот документов, имеющих важное значение для понимания активности трудящихся. Анализ документов дает возможность выяснить и понять процессы, происходившие в среде рабочих, причины их недовольства, а также пути улаживания конфликтов. Тексты по происхождению и видовому составу весьма разнообразны. Это резолюции и постановления общих собраний рабочих губернских советов профсоюзов, отраслевых профсоюзов, других хозяйственных органов. Рассматриваемые материалы расположены в хронологической последовательности.

В книге есть указатели — именной и предприятий. Это — большое подспорье для исследователей, далеко не всегда встречающееся в подобного рода изданиях.

Материалы рецензируемого сборника дают основание сделать следующие выводы. Основными причинами трудовых конфликтов являлись: невыплата зарплат, несвоевременная выдача продуктов питания, отсутствие доплаты за сверхурочные работы, низкая оплата, невыдача спецодежды, плохие условия труда, неподписание коллективных договоров. Большинство забастовок в годы «военного коммунизма» были чаще всего вызваны голодом и нехваткой продовольствия, а во второй половине 20-х гг. — чрезмерным уплотнением рабочего времени, введением трехсменных работ, низким качеством сырья, несоблюдением администрацией норм охраны труда. Наиболее частые и довольно крупные выступления рабочих приходились на первую половину 20-х гг. Начиная с 1927 г. забастовки резко пошли на убыль. Большинство конфликтов улаживались при помощи арбитров — примирительных камер, третейских судов или конфликтных комиссий. В публикации оценивается роль профсоюзов, которые в конце 20-х гг. часто выступали не как защитники интересов рабочих, а скорее организаторами предотвращения дорогостоящих приостановок работ и демонстраций, а также для создания видимости справедливого разрешения конфликтов. Большинство конфликтов возникало без ведома профсоюзов, проходя стихийно, продолжительностью от 10 минут до 5 дней. Конфликты, возникшие без ведома профсоюза, обычно заканчивались поражением рабочих.

Рецензируемый сборник заслуживает положительной оценки. Вместе с тем следует указать, что целесообразно было бы опубликовать документы о влиянии конфликтов на реформаторскую деятельность правительства, показывающие пути преодоления напряженности в обществе.

Вышедший сборник по трудовым конфликтам написан на достаточном научном уровне, содержит новые подходы к изучению некоторых общих проблем.

Небольшой тираж (1000) побуждает к переизданию такой полезной книги. Нет сомнения, что настоящий сборник займет достойное место в исторической литературе.

И. Н. КАМАРДИН

А. С. КАСИМОВ

«НАУКОВЕДЕНИЕ»

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

«Науковедение» — новый российский ежеквартальный научный журнал объемом 15 п.л. Выходит с 1999 г. Журнал учрежден Российским гуманитарным научным фондом совместно с Сибирским, Уральским и Дальневосточным отделениями РАН, Институтом философии РАН, Центральным экономико-математическим институтом РАН, Институтом истории естествознания и техники РАН, Фондом содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере и издательством «Наука». Посвящен комплексному анализу проблем отечественной и мировой науки средствами различных научных дисциплин: истории, философии, социологии, экономики, психологии, статистики, наукометрии и т.д.

Целью издания является организация систематического исследования состояния и тенденций развития российской науки, ее исторических традиций и перспектив, изучение актуального для России опыта организации науки в других странах.

Уникальность журнала — в публикации новейших научных исследований, сопровождаемых иллюстративным материалом. В журнале рассматриваются вопросы развития научного сообщества, экономические проблемы науки, вопросы научно-технической и инновационной политики, организации науки; анализируются проблемы науки и общества, науки и образования, роли науки в культуре; серьезно обсуждаются проблемы философии науки и социологии знания, информационные аспекты развития науки, международное научное сотрудничество; особый интерес представляют исследования по истории науки и техники, науковедения. Важна и информативная направленность журнала: публикуются материалы по нормативной регуляции науки, дается обзор научных конференций, отечественной и зарубежной литературы по науковедению.

Издание адресовано широкому кругу читателей — научным работникам, преподавателям и студентам вузов, аспирантам. Авторы журнала — известные специалисты в разных областях гуманитарного знания.

На второе полугодие 2000 г. на журнал можно подписаться в любом почтовом отделении России по объединенному каталогу «Газеты и журналы российские и зарубежные (2000, второе полугодие)» Агентства «Роспечать», подписной индекс 79679.

Льготную подписку можно оформить непосредственно в редакции. Стоимость такой подписки на полугодие — 50 руб.

В редакции можно приобрести либо заказать наложенным платежом любой номер журнала за 1999 г. (стоимость одного экземпляра — 24 руб.).

Адрес: 103012, г. Москва, Старопанский пер., д. 1/5
Тел. (095) 298-5510, факс (095) 925-9911.

**ФЕДЕРАЛЬНАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА РОССИИ
ИСТОРИЯ—СЕРВИС**

ПРЕДСТАВЛЯЮТ:

*«Исторический архив»: 1919—1999 гг.
Указатель документальных публикаций. — М.: 1999. — 124 с.*

В справочник включен Указатель публикаций документов на страницах «Исторического архива». Весь комплекс Указателя разделен по периодам печатания «Исторического архива»: 1919 г., 1921 г.; 1936—1954 гг.; 1955—1962 гг.; 1992—1999 гг.

Обращаться:

*129256, Москва, ул. Вильгельма Пика, дом 4, корп. 2. тел. 181-00-24
Переводы необходимо отправлять на имя
директора редакции Науменко Е.Г.
Цена издания 50 рублей.*

**ФЕДЕРАЛЬНАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА РОССИИ
ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ И АРХИВНОГО ДЕЛА (ВНИИДАД)**

ПРЕДСТАВЛЯЮТ:

*Государственность России. Государственные и церковные учреждения,
сословные органы и органы местного самоуправления, единицы административно-территориального, ведомственного и церковного деления
(конец XV в. — февраль 1917): Словарь справочник.
Кн. 1 (А—Г). М.: Наука, 1996. — 330 с.;
Кн. 2 (Д—К). М.: Наука, 1999. — 439 с.*

1-я и 2-я книги справочника содержат сведения об истории создания, функционирования, структуре, штатах, условиях преобразования или ликвидации государственных и церковных учреждений всех уровней государственной власти и управления — высших, центральных и местных сословных органов и органов местного самоуправления, единиц административно-территориального, ведомственного и церковного деления с момента образования Русского централизованного государства — с конца XV в. до Февральской революции 1917 г.

Издание не имеет аналогов в мировой практике.

Обращаться: ВНИИДАД,

*103012, Москва, Центр, Б.Черкасский пер., д.5/2/6
Тел.: 929-2635, 923-2618, факс: 923-02660
P/c 40503810538112000242, к/с 3010181060000000342, БИК 044525342,
МБ АК СБ РФ Донское отделение № 7813 Город Москва*

СОДЕРЖАНИЕ

АРХИВ ВОЖДЕЙ

- «Рабочая масса не чувствует в фабзавкоме свою организацию».**
Справка Информотдела ЦК РКП(б) И.В.Сталину. 1925 г.
(К.И.Веришко, О.И.Горелов) 3

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

- По законам военного времени. Июнь—декабрь 1941 г.**
(А.А.Печенкин) 33
- В небе Прибалтики. Воспоминания летчиков А.В.Козлова
и В.М.Воронцова (Т.А.Головкина)..... 44**

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

- «Каждый готов выполнить свой долг по защите страны».** Донесения
военных атташе правительства Виши. 1941—1942 гг. (С.С.Попова).. 51

НАРОДЫ И СУДЬБЫ

- «Для выселения чеченцев и ингушей направить части НКВД».**
Документы о проведении спецоперации по депортации народов
ЧИ АССР. 1943—1944 гг. (В.П.Сидоренко) 66

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

- «Эмиграция все фантазирует и пальцем в небеса хватает».**
Переписка Н.В.Устрялова и С.В.Дмитриевского. 1932—1933 гг.
(О.А.Воробьев) 82

К 2000-ЛЕТИЮ ХРИСТИАНСТВА

- «Я все время стоял довольно в близких отношениях к московскому
духовенству...».** Из воспоминаний Н.П.Розанова. 1905—1907,
1917 гг. (М.И.Одинцов)..... 90

РОССИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ

- «Самое значительное из написанных Вами произведений».**
Письма издательства «Мир» к Г.В.Плеханову. 1909—1917 гг.
(Хироси Сакамото, Япония) 106

ВЕК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

- О распространении тревожных слухов. Из архивов политического
сыска. 1862—1890 гг. (В.И.Кочанов, Е.И.Щербакова)..... 123**
- «Моя преданность Вам имеет одну основу: национальную
политику».** Письма князя В.П.Мещерского цесаревичу
Александру Александровичу. 1871 г. (Н.В.Черникова) 137

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

- «Тайники чужой души». Дневник П.И.Бартенева. 1854—1858 гг.
(И.А.Смирнова) (Продолжение)..... 170

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

- Нынешней планировкой Астрахань обязана В.Н.Татищеву.
Август 1745 г. (И.В.Торопицын)..... 207

АРХИВНАЯ РОССЫПЬ

- «Курьезное предложение, сделанное американской печатью».
Из переписки членов Политбюро ЦК РКП(б). 1922 г.
(А.А.Данилов)..... 213

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Трудовые конфликты в Советской России. 1918—1929 гг.
(И.Н.Камардин, А.С.Касимов)..... 216

CONTENTS

LEADERS' ARCHIVES

- «The working masses don't recognize a factory trade-union committee
as their own organization ». Referential materials prepared by the
Information Department of the Russian Communist Party
(Bolsheviks) for J.V.Stalin. 1925. (K.I.Verishko, O.I.Gorelov) 3

THE GREAT PATRIOTIC WAR

- According to war-time laws. June—December of 1941.
(A.A.Pechenkin)..... 33
- In the Baltic skies. Flyers A.V.Kozlov and V.M.Vorontsov's
reminiscences (T.A.Golovkina) 44

FOREIGN POLICY

- «Everybody is ready to fulfil his duty of a soldier defending the
country». The Government of Vichy military attaches' dispatches.
1941—1942. (S.S.Popova) 51

PEOPLES AND DESTINES

- «Send NKVD troops to deport the Chechen-Ingush». Documents
on conducting a special operation to deport peoples of the Checheno-
Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic. 1943—1944.
(V.P.Sidorenko)..... 66

RUSSIANS ABROAD

- «**The emigration still dreams up and takes the wrong sow by the ear**».
Correspondence between N.V.Ustrialov and S.V.Dmitrievsky.
1932—1933. (O.A.Vorobiev)..... 82

ON THE 2000th ANNIVERSARY OF CHRISTIANITY

- «**All the time I had a fairly close relations with the Moscow clergy...**»
From N.P.Rozanov's memoirs. 1905—1907, 1917. (M.I.Odintsov)..... 90

RUSSIA AT A TURNING POINT

- «**The most significant among works written by you**». «Mir» publishing
house's letters to G.V.Plekhanov. 1909—1917. (Khiroshi Sakamoto,
Japan)..... 106

THE NINETEENTH CENTURY

- On spreading of alarming rumours**. From the archives of political
detection. 1862—1890. (V.I.Kochanov, E.I.Scherbakova)..... 123

- «**My devotion to you rests on the only thing: nationalities policy**».
Prince V.P.Meschersky's letters to Cesarevitch Alexandr
Alexandrovich. 1871. (N.V.Chernikova)..... 137

HISTORY AND HISTORIANS

- «**The inmost recesses of another's heart**». P.I.Bartenev's diary.
1854—1858. (I.A.Smirnova) (*Continuation*)..... 170

FROM ANCIENT TIMES

- With its present-day lay-out Astrakhan is indebted to V.N.Tatischev**.
August of 1745. (I.V.Toropitsyn)..... 207

MISCELLANEA FROM THE ARCHIVES

- Curious offer made by the American press**. From the correspondence
of Politburo members of the Russian Communist Party (Bolsheviks)'s
Central Committee. 1922. (A.A.Danilov)..... 213

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

- Labour disputes in Soviet Russia**. 1918—1929.
(I.N.Kamardin, A.S.Kasimov)..... 216

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- ВЕРИШКО** Казимир Иванович — кандидат исторических наук, ректор
Международного института экономики и права
- ВОРОБЬЕВ** Олег Александрович — консультант аппарата Комитета
Государственной Думы по делам СНГ и связям с соотечественниками
- ГОЛОВКИНА** Татьяна Александровна — начальник отдела научного
использования и публикации документов РГАНТД
- ГОРЕЛОВ** Олег Игнатьевич — кандидат исторических наук, доцент РАГС
при Президенте РФ
- ДАНИЛОВ** Александр Анатольевич — доктор исторических наук,
заведующий кафедрой МПГУ
- КАМАРДИН** Игорь Николаевич — аспирант Пензенского государственного
педагогического университета
- КАСИМОВ** Анатолий Сергеевич — доктор исторических наук, профессор
Пензенского государственного педагогического университета
- КОЧАНОВ** Виктор Иванович — старший научный сотрудник
Академии ФСБ РФ
- ОДИНЦОВ** Михаил Иванович — доктор исторических наук, профессор
РАГС при Президенте РФ
- ПЕЧЕНКИН** Александр Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории России Вятского государственного
технического университета
- ПОПОВА** Светлана Сергеевна — специалист первой категории РГВА
- САКАМОТО** Хироси — профессор Университета международных
исследований Тояма (Япония)
- СИДОРЕНКО** Василий Павлович — доктор исторических наук, профессор
Санкт-Петербургского университета МВД России
- СМИРНОВА** Ирина Анатольевна — кандидат исторических наук, главный
специалист Федеральной архивной службы России
- ТОРОПИЦЫН** Илья Васильевич — аспирант Астраханского государственного
педагогического университета
- ЧЕРНИКОВА** Наталья Владимировна — аспирантка ИРИ РАН
- ЩЕРБАКОВА** Екатерина Игоревна — кандидат исторических наук, ведущий
научный сотрудник Академии ФСБ РФ

Издатель: АНО Издательство

«Российская политическая энциклопедия»

Компьютерная верстка *А.А.Афанасьев, А.Ю.Егоркина*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 10.05.2000.

Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 18,06. Тираж 1000 экз. Заказ № 121

125256, Москва, ул. В. Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71 (дирекция);

Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации).

ППП типография «Наука»

121009, Москва, Шубинский пер., 6.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ!

ВЫ МОЖЕТЕ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ НА ДАННОЕ ИЗДАНИЕ
ПО КАТАЛОГУ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»

«RUSSIAN NEWSPAPERS & MAGAZINES-2000».

Тел.: /007 095/ 195 6677, 195 6418
Факс: /007 095/ 195 1431, 785 14 70
E-mail: ovs@rosp.ru
Web site at <http://www.rosp.ru>

ATTENTION OF FOREIGN SUBSCRIBERS!

YOU CAN SUBSCRIBE TO THIS EDITION
THROUGH THE «ROSPECHAT» AGENCY CATALOGUE

«RUSSIAN NEWSPAPERS & MAGAZINES-2000».

Phone: /007 095/ 195 6677, 195 6418
Fax: /007 095/ 195 1431, 785 14 70
E-mail: ovs@rosp.ru
Web site at <http://www.rosp.ru>

Подписку и доставку издания в Латвии
осуществляет «Подписное агентство PKS»

г. Рига, тел. (10-371) - 7320-148

тел./факс: (10-371) - 7324-411

e-mail: media@apollo.lv

Издательство

«Российская политическая энциклопедия»

проводит подписку на журнал

«ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ»

на **2000 год**

Периодичность издания 3 номера в полугодие

Стоимость полугодовой подписки **270 руб.**

для оформления подписки переведите необходимую сумму из расчета:

на полугодие — 270 руб., на год — 540 руб.

на расчетный счет издательства через любое почтовое отделение или любое отделение Сбербанка

Образец заполнения почтового перевода или квитанции в Сбербанке:

АНО «Издательство РОССПЭН»

ИНН 7717098296

Р/сч 40703810638090103673 в Московском банке АК СБ РФ

Мещанском отделении 7811 для филиала № 1585 г. Москва

К/сч 30101810600000000342 БИК 044525342

Просьба в бланке почтового перевода или в квитанции точно указывать свой почтовый адрес с индексом, фамилию, имя и отчество. В бланке почтового перевода в части для письменного сообщения, а в квитанции в графе «вид платежа» укажите:

«Исторический архив» и подписной период.

Цены указаны с учетом почтовых услуг в пределах Российской Федерации.

Вы также можете заказать по почте отдельные номера или комплект номеров журнала за 1999 год. Стоимость

1 экземпляра за 1-е полугодие 1999 г. (№№ 1-3) — **65 руб.**,

За 2-е полугодие 1999 г. (№№ 4-5) и

за 1-е полугодие 2000 г. (№№ 1-3) — **95 руб.**, включая стоимость почтовой пересылки.

Для сотрудников Федеральной архивной службы и для подведомственных Росархиву учреждений при подписке в издательстве (а также при покупке номеров журнала за предшествующий подписной период 1999 – 1-е полугодие 2000 г.) устанавливается специальная цена 180 руб. за полугодовой комплект номеров.

Подписаться на журнал «Исторический архив» или приобрести его в розницу можно также в офисе издательства:

129256, г. Москва, ул. В. Пика, д. 4, корп. 2

Тел./факс: (095) 181-34-57